

**НИНА
ПРОСТО
ЗАПУТАЛАСЬ**

**МАРИНА
КОПЫТИНА**

Он — полицейский, который расследует таинственную смерть рок-звезды. Она — биоинформатик и искусный манипулятор. В ходе расследования он начинает подозревать, что их встреча не случайна.

Сможет ли он противостоять ее харизме и хитрости? Кто победит в этой битве?

Все самое захватывающее, что бывает во вселенной, начинается так: ты идешь по улице, погруженный в свои мысли. Или едешь в автобусе. Или стоишь у кассы в супермаркете. Перед тобой монотонно меняются виды, проносятся чьи-то голоса, ты касаешься разных людей. Все, что ты делаешь и о чем думаешь, все, что происходит вокруг изо дня в день, настойчиво шумит, утомляя систему чувств. И только находясь в этом состоянии ментальной усталости, когда вот-вот заболит голова, можно поймать искру настоящей эмоции. Какая-то мелочь, которая случайно попала в зону внимания, пронзает насквозь, удивляет и полностью меняет состояние души.

Подобное чувство можно испытать, если наблюдать за пылинками в солнечном луче: они падают, как в замедленной съемке, убегают от сквозняка. И когда ты уже погружен в это медитативное созерцание, одна блескка, заблудшая сюда из другого, непылинного, мира, дерзко сверкает прямо перед твоим носом.

И вот тощий студент сидит на полу с блаженным выражением лица. Разглядывая пылинки, он думает не о том, что в комнате пора прибраться, и не о проваленном экзамене, из-за которого не спал всю ночь. Даже голодный желудок перестал урчать. Он думает о симпатичной соседке в искрящемся платье, которая чуть не сбила его с ног в лифте полчаса назад. Любви с первого взгляда не бывает, но бывает любовь с одной случайной блескки.

Часть 1. Неудачный день для Ника. Глава 1

Фигура Ника Кейва в свете прожекторов была похожа на огромного черного богомола. Такая же худая, длинноногая, со сложенными на микрофонной стойке руками. Зрители, в большинстве своем девушки, визжали и тянулись к его ступням, когда он присел на край сцены. Первые аккорды на фортепиано, и его бархатный низкий голос начал убаюкивать взорвавшуюся аплодисментами толпу. «Люди вовсе не добрые», — пел он, не подозревая, что пророчит истину. Кто-то крикнул, что любит его, и он ответил взаимностью. Отрицая присутствие охранников, он протянул руки к рыжеволосой девушке, вырвавшейся из общей массы, и коснулся ее щеки. Коренастый мужчина в черной форме тут же выставил ее за ограждение, где ее поглотила толпа таких же симпатичных нимф.

— А теперь впустите любовь! — сказал он и начал танцевать. Его движения были импульсивными и энергичными, как будто это было в последний раз.

Концертное агентство «Музеон» гордилось тем, что было первой в мире компанией, закупившей новейшее оборудование — автоматическую сборную сцену «ХэллТек». Стропила, на которых держался каскад софитов, комплекс колонок и мониторов, устанавливались нажатием пары кнопок. Вся эта конструкция была связана между собой тончайшим и прочным железным тросом, который был своеобразным конвейером: на него, будто вагоны поезда, погружались все осветительные и звуковые приборы.

Все, что требовалось от рабочих, — нажать кнопку «сборка»: стропила разворачивались, скреплялись и вставляли буквой П. После этого оставалось только выставить оборудование на конвейер и нажать «пуск»: трос приходил в движение и тянул за собой на стропила все, что было на нем закреплено. Это было полезным изобретением, потому что клуб, в котором выступал Ник, в другие дни был просто местом для дискотеки, и всю технику можно было компактно хранить на складе. К тому же для установки такой сцены можно было задействовать всего лишь одного рабочего. Экономия была очевидна, и в ближайшем будущем это приобретение должно было окупить себя. «Быть первыми во всем» — вот девиз компании «Музеон».

Никто не понял, как это произошло. По залу волной прокатилось несколько звуков, как будто это говорил единый организм — гигантский многорукий монстр: он сначала издал недоуменное «Ооо», потом устрашающее «Ааа», а затем пустил петухов и перестал владеть своими голосовыми связками. В зале началась паника.

На звуке «о» сверху начали падать вагоны железного поезда — колонки и прожектора. Металлический трос, как в замедленной съемке, спускал их в центр, прямо на голову Ника. На звуке «а» трос кровожадной змеей обмотался вокруг шеи музыканта. Последней его эмоцией было недоумение. Какой-то добрый рабочий, который следил за всем со стропил сверху, мгновенно очутился у пульта управления и судорожно жал кнопку, поднимающую трос. На месте шеи образовалась зияющая рана, и голос многорукого монстра сорвался. Удивленная голова оторвалась, полетела в зал и в тот же миг упала к ногам красивой девушки, забрызгав кровью ее бледное лицо и изумрудное платье. Толпа расступилась, освобождая ей место. Теперь он навсегда твой, детка.

Нина разглядывала белые бороздки на потолке и улыбалась.

— Он тебя найдет.

— Я знаю, — ответила она.

Кисти рук сжимались и разжимались. Она несколько раз порывалась встать — один раз нога даже наполовину свесилась с кровати — но каждый раз передумывала.

— Знаешь, пусть меня накажут. Но это было прекрасно.

— Ага. Что из того, что ты сделала?

— Как раз то, чего я не сделала. Прерванная любовь — прекрасна. — Она длинно улыbnулась, слишком глупо и беспечно. Она называла такую улыбку олигофренической и не позволяла себе так забываться. Хотя в компании Эдди можно было делать что угодно. — Что-то жарко.

Она подошла к окну и подергала ручку. На противоположной стороне улицы стояла толпа из трехсот школьников и учителей — без портфелей, без курток. Пожарная тревога.

Нина снова легла на кровать.

— Как думаешь, кем меня можно назвать? Эмоциональный маньяк? — Она протянула руки в потолок.

— Эмоциональный наркоман.

— Пожалуй, — она пожала плечами. — Нет, все-таки жарко.

Она встала и повернула ручку окна против часовой стрелки. На противоположной стороне улицы уже никого не было.

— Нина, ты ничего не замечаешь за собой?

— Ты о чем?

— Уже стемнело.

— Не пойму, о чем ты.

— Ты в депрессии.

— Неправда.

— Ты уже четыре часа ходишь по комнате, ничего не делая. И это происходит очень часто.

— Я работаю. Я много работаю. Это нормально — для работающего человека — погружаться в свои мысли и думать, не замечая, как летит время.

— Нет, это признак болезни.

— Ладно. Знаешь, с каких пор я в депрессии и почему?

— Знаю.

— Тогда не говори глупостей.

— Я бы советовал тебе обратиться к психологу.

— Тебе стоило посоветовать это раньше, лет пятнадцать назад.

Он подошел к ней и обнял. Нина заплакала.

— Мне некуда больше идти, Эдди. Что, если это все неправда?

— Ты не веришь в меня?

— Верю. Но что если мой отец действительно болел? Что если у меня шизофрения?

— Ты же знаешь, что это не так.

- Я могу закончить так же, как он.
- Не можешь. Ты уже не такая, как он.
- Он был беспомощным и одиноким.
- Нет, у него была ты.

Нина посмотрела на часы: без четверти три. За окном начинало светлеть.

- Этот полицейский — довольно симпатичный.
- Хотел бы я на него посмотреть.
- Прости, что заставляю тебя ревновать.
- Ничего страшного. Но мы ходим по тонкому льду, ты должна это учитывать.

Нина детально помнила свою встречу с молодым офицером в форме. Почему-то она была уверена, что они встретятся еще не раз. Он ей очень понравился.

Но было кое-что, о чем она забыла, и эта мысль, как надоедливый комар, жужжала в голове, не давая возможности себя поймать.

Неделю назад Нина стояла около концертного клуба и наблюдала, как из здания выводят людей: молодые мужчины были озадачены, а женщины, почти все, рыдали. Она курила пятую сигарету и пыталась понять, изменилась ли она сама за последние полчаса. К ней подошел молодой человек в полицейской форме и попросил закурить. Она равнодушно протянула всю пачку.

— Ужасно, не правда ли? — сказал полицейский.

— Что именно?

— То, что случилось. А вы разве не с концерта этого... Кейва?

— Нет, я просто курю. Концерт отменили?

— То есть вы не в курсе?

— В курсе чего? Я вижу много плачущих девушек. Он настолько плохо пел? — она ехидно улыбнулась.

— Ну вообще... жуткая история. Слава богу, что вы не видели. Ему отрезало голову.

— То есть он умер?

— Как думаете, сколько живет человек без головы?

— Да, действительно. Как это случилось?

— Эти новые технологии... В погоне за деньгами никто не заботится о безопасности.

— То есть?

— Там была установлена автоматическая сцена. Виновата, скорее всего, концертная компания. Стропила не выдержали под весом всяких навороченных штук и начали сами собой собираться.

— А голова-то тут причем?

— Там был металлический трос.

— Ой... Как жаль. Подождите минутку.

Нина подошла к урне, и ее стошнило. Да, новое чувство, это точно.

— Извините, — сказала она, доставая салфетку из сумочки.

— Вы так отреагировали... Не стоило говорить вам. Все хорошо? — Он внимательно посмотрел ей прямо в глаза.

Гул разочарованных поклонников, шум машин, плохие новости. И вдруг среди этого всего — его озабоченный вид и красивое лицо.

— Нет, все хорошо.

— Хотите, открою секрет?

— Да. — Она улыбнулась.

— Это похоже на несчастный случай, но эта случайность слишком роковая. Я не верю в это. Мне кажется, кто-то хотел его смерти.

Нина ничего на это не ответила. Они постояли молча несколько минут, пока полицейский докурил. Когда он уже собрался уходить, она сказала:

— А знаете, я его любила. Очень.

— Правда?

— Да.

— И почему вас не было на концерте?

— Не захотела. — Нина пожала плечами.

— Это очень странно. А может, это вы головорез, которого мы ищем?

— Ну допустим. И что тогда?

— Мне придется вас наказать. — Он подмигнул ей. — Возможно, арестовать. Посадить в камеру.

Она в растерянности смотрела на него, пытаясь отогнать подступивший к лицу неуместный румянец.

— Ну что вы, я же шучу. — Внезапно весь его шарм пропал. — Мне пора. Спасибо за сигарету.

Он быстро ушел, не дождавшись ее ответного взгляда. Она захотела оставить в воспоминании только те его глаза, в которые почти влюбилась.

Всю прошедшую неделю Роберт пытался убедить начальство в том, что смерть Ника Кейва была спланирована, что стоит оставить в покое несчастный случай и начать искать преступника.

Главной уликой была вскрытая бутылка с водой, на которой не было обнаружено ни одного отпечатка пальцев. Все остальные бутылки были закрыты, и на них были пальчики если не участников музыкальной группы, то хотя бы уборщиц или другого персонала. Проверить бутылки — это единственное, на что удалось уговорить старшего детектива Кюмри. Из-за увлечения психологией у Роберта было хорошо развито шестое чувство и эмпатия. В двадцать лет он бросил обучение в университете на факультете психоанализа. Виноват в этом был Алекс, его лучший друг, который однажды сделал такое, о чем до сих пор помнит весь город.

Когда пытаешься анализировать поведение людей и делать выводы, со временем эти выводы получаются все более и более быстрыми и точными.

Иначе нельзя объяснить способности Роберта к провидению. В тот день, когда он впервые встретил Нину, он, возможно, спас беспечного коллегу от смерти.

Докурив сигарету, которой Нина с ним поделилась, он вернулся на место преступления (или место несчастного случая, как всегда поправляет его Кюмри) и увидел, как Джон поднимает с пола бутылку с водой, готовится открыть ее и сделать глоток. Роберт тогда здорово напугал его, накричав так, что тот выпустил бутылку из рук, и она упала на пол.

Конечно, там были отпечатки Джона. Но больше — ни одного.

Или Джон имеет отношение к этой смерти (в чем он сильно сомневался, потому что, по мнению, Роберта, ему немного недоставало мозгов), или кто-то специально стер отпечатки пальцев перед тем, как поставить бутылку рядом с микрофоном музыканта. А это значит, что в бутылке что-то было.

Это он и собирался выяснить, направляясь в единственную лабораторию в городе, где могли сделать анализ на яды.

Здание «Элайн Фарма» находилось между двумя улицами — широкой Главной улицей, которая простиралась до самой центральной площади, и улицей Рэйлс, находившейся уровнем гораздо ниже Главной. Здание фармацевтической компании стояло как бы на возвышенности, и зайти туда можно было, только поднимаясь по длинной лестнице, начинающейся на Рэйлс-стрит.

Роберт жалел об отсутствии свободного времени для спортзала, борясь с отдышкой на тридцать пятой ступеньке. Он надеялся закрыть это дело до отъезда в отпуск, в загородный дом к своей матери, где он сможет хотя бы бегать по утрам.

Добравшись до цели, он позвонил в дверь, и спустя пару секунд ему открыли.

Он подошел к стойке ресепшена и вытащил значок и удостоверение.

— Детектив Роберт Пэл, — представился он.

Девушка за стойкой приподнялась, чтобы разглядеть документ.

— Добрый день, детектив, чем могу помочь?

Роберт открыл портфель и вытащил оттуда бутылку с водой, завернутую в пластиковый пакет.

— Мы договаривались с лабораторией о проведении анализа на наличие ядов.

— Секунду, я уточню.

Девушка села обратно за стол и набрала номер лаборатории. Она говорила тихо, как будто не хотела, чтобы Роберт ее услышал.

— Сейчас за вами спустятся, — сказала она. — Присядьте вот там. — Она указала на ряд стульев, занимавших всю противоположную стену.

Роберт почувствовал себя школьником, ожидая кого-то или чего-то, сидя на стуле со сложенными на коленях руками. Он ненавидел это чувство — оно возникало каждый раз, когда он общался с коллегами. Они не воспринимали его всерьез из-за того, что он был младше всех в отделе, и теперь он надеялся, что докажет свою правоту, хоть это и стоило жизни невезучему Нику Кейву.

Ему едва удалось убедить детектива Кюмри в том, что он сам справится с задачей, несмотря на свой юный для полицейского возраст. Тот, в свою очередь, непрозрачно намекал ему, что Роберт ищет то, чего нет, из-за отсутствия опыта. Что у них в отделе каждый раз сталкиваются с подобными несостыковками, но это еще не повод открывать дело и тратить ресурсы на поиски несуществующего маньяка. Так Роберт и понял — большинство дел в этом отделении были несчастными случаями.

Главным и пока еще таинственным для него вопросом было «почему?». Зачем кому-то понадобилось убивать известного музыканта? Неужели звезды сошлись и в мире родился новый Марк Чепмен?

К Роберту подошла молодая девушка со светлыми волосами и попросила пройти за ним.

Они поднялись на лифте на пятый этаж и долго шли по длинному белому коридору со множеством дверей. На каждой двери красными цифрами обозначался номер кабинета.

Нужная дверь оказалась в самом конце коридора. Они вошли в гигантское ярко освещенное помещение с множеством столов, рядом с каждым стояли медицинские аппараты и шкафы для пробирок.

— Меня зовут Кэт, — сказала девушка, — я буду проводить анализ. Давайте вашу бутылку.

Роберт протянул ей пакет. Она взяла его и достала бутылку. Роберт машинально потянулся к ней, чтобы предотвратить порчу улики, но быстро понял нелогичность своих действий. Все отпечатки (а точнее, их отсутствие) уже сняты и отражены в отчете. Настало время взглянуть на содержимое.

— У вас есть какие-нибудь предположения — что там внутри?

— Я думаю, яд.

— Это понятно, но какой? Мы можем сделать анализ с помощью реагентов, но мы должны хотя бы примерно понимать, что искать.

— Переберите все известные яды. Цианид, стрихнин, рицин.

— У вас широкие познания.

— Я много читал об этом накануне.

— Хорошо. А какое было воздействие этого яда на организм жертвы?

— Думаю, никакого, ему отрубило голову.

— О боже, какой ужас. И почему вы уверены, что кто-то хотел его отравить?

— Бутылка была вскрыта, и на ней не оказалось никаких отпечатков. Кто-то специально их стер.

— Понятно. Будем смотреть, вы обратились по адресу. Я постараюсь распознать

молекулу этого вещества, и мы сравним ее с молекулами известных ядов.

— Спасибо вам. Когда ждать известий?

— Недели три, не меньше. Это трудоемкая работа, мистер Пэл.

— Договорились. Вот моя визитка. Как только найдете что-то, сообщите.

Роберт попрощался с Кэт и вышел из помещения. Он тайно надеялся, что там окажется яд, хотя корил себя за такие мысли. В отделении давно не появлялось интересных дел, и он цеплялся за этот случай, как за последнюю тростинку. Иначе ему придется переводиться, ведь он не разделяет взглядов начальства.

Мимо него по коридору прошла женщина. Она обернулась, и он узнал знакомые черты. Он остановился, она тоже.

— Это вы? — спросила она.

— А, вы же делились со мной сигаретой. — Он подошел ближе.

— Как вы здесь оказались?

— Могу спросить вас о том же.

— Я здесь работаю.

«Еще интереснее», — подумал Роберт.

— А я здесь расследую.

— Убийство Ника Кейва?

— С чего вы взяли, что это убийство?

— Вы сами говорили.

— Действительно. А кем вы здесь работаете?

— Я — биоинформатик.

— Послушайте, — начал он, — я ведь совершенно ничего не знаю о биоинформатике.

— И что?

— Вы не могли бы... Рассказать мне об этом побольше?

— Вам стоит говорить прямо, я не понимаю намеков.

— Не хотите ли выпить со мной чашечку кофе как-нибудь?

— Вы знаете, нет, не хочу. — Она сказала это так просто, что он не сразу понял смысл ее слов.

— Ммм... а я очень хочу, — возразил он. — Возьмите хотя бы мою визитку. — Он опустил руку в портфель и выудил оттуда небольшую бумажку. — Вдруг вы когда-нибудь передумаете.

— Кто знает, — сказала она равнодушно. В тусклом свете коридора не было видно ее смущения.

— До свидания.

— Прощайте.

Роберт вышел из здания. Спуск по адской лестнице был ненамного легче, чем подъем, — его икры устали и теперь дрожали от каждого шага. Теперь, когда прошла неделя после происшествия, он смог получше разглядеть Нину. Что-то в ее облике показалось ему знакомым. Но не темные кудрявые волосы и белый халат, а что-то на уровне инстинктов. Он как будто где-то уже видел такого же человека, но в другом теле.

Большую часть времени Нина работала дома, за ноутбуком. Вот почему она стала биоинформатиком, а не простым биологом — тебе не нужно ничего, кроме программного обеспечения, которое умеет считать. Ее работа заключалась в предсказании. Она, как настоящий маг, строила последовательности нуклеотидов в ДНК, секвенировала их и составляла прогнозы — подействует лекарство на человека или нет. Ее прельщало заниматься такой наукой. Осознание того, что ты, сидя дома, решаешь судьбу человечества — безусловно, благотворно влияет на самооценку.

Сейчас в совете ученых «Элайн Фарма» работали над созданием универсального лекарства от опухолевых клеток. Не так давно группа британских биологов обнаружила ген, отвечающий за рост мягких тканей, и компания «Элайн Фарма» тут же взялась за дело — необходимо было проработать молекулу такой структуры, которая бы идеально влияла на мутировавший ген, останавливая развитие рака или любых других опухолей.

В ходе этой напряженной работы Нине приходилось практически каждый день являться в офис, чтобы показывать свои результаты работы и видеть результаты работы молекулярных биологов.

Она пришла на работу к шести часам утра и уже целый час мучилась от дикой сонливости. Сегодня ей не удалось поспать, потому что всю ночь она думала о том, как встретила накануне с Робертом, и не могла решить, нужны ли ей эти отношения. Эдди говорил, что не нужны. Но ведь Эдди любит ее, как он мог сказать другое?

Она сидела в самом конце компьютерного класса в полной темноте — никого еще не было в офисе, и она решила не включать свет, чтобы не раздражать и без того уставшие глаза. Вдруг послышались шаги, и дверь открылась. На пороге показалась Кэт. Нина сидела тихо. Кэт прошла к кулеру и налила себе воды. Она села за ближайший стол, осушила стакан и обхватила голову руками.

— Кэт, — шепотом позвала Нина.

От испуга Кэт пролила оставшуюся воду на клавиатуру компьютера. Она всматривалась вглубь комнаты, пытаясь разглядеть незнакомца, но в результате включила свет. Нина сощурилась от ярких ламп.

— Зачем ты так, — простонала она.

— Нина? Что ты тут делаешь в такую рань?

— Готовлюсь к совещанию. А ты?

— Я кое-что нашла. — Ее тон был заговорщическим. — Я нашла такой ужас, Нина, ты не поверишь!

— Какой?

— Диамфотоксин!

— Что? — Нина почувствовала тяжесть внутри, как будто по ее пищеводу спустился кирпич.

— Диамфотоксин. Ты знаешь, что это?

— Нет. — Ее руки начали предательски дрожать.

Кэт подошла к ней, и Нина спрятала предателей под стол.

— Ну загугли, — не унималась Кэт.

Нина открыла страницу поисковика и набрала «Диамфотоксин». Она знала об этом все, но не могла сказать об этом Кэт. Никому не могла. Кроме Эдди, но Эдди — всего лишь ее воображение.

— Ты в этом уверена? — спросила Нина.

— Я десять раз перепроверила. Почему, ты думаешь, я все еще здесь?

— И откуда он мог взяться?

— Я не знаю. В этом-то и дело.

Кэт выглядела сильно уставшей. Под глазами были темные круги, светлые волосы растрепаны, а зрачки сужены, как будто она выпила литр эспрессо.

— Мне нужно срочно позвонить детективу Пэлу.

— Ты уверена, что звонок детективу в шесть часов утра — это хорошая идея?

— Но я должна...

— Тебе лучше пойти домой поспать. Хочешь, я сама ему позвоню?

— Мне нужно составить отчет и распечатать.

— Я сама могу это сделать. Не волнуйся.

— Нина, ты такая добрая. — Кэт изможденно улыбнулась.

— Не благодари.

Кэт отвела Нину в лабораторию и показала свои вычисления.

— Я домой, а тебе — удачного дня.

— Не пей больше кофе. — Нина по-дружески обняла Кэт.

— Ты очень милая.

Кэт вызвала такси. Нина подошла к окну и проводила коллегу взглядом до машины, чтобы убедиться, что та ушла. Когда кроме нее и охраны в офисе никого не осталось, Нина заперла лабораторию на ключ и села за компьютер. Она открыла документ с отчетом. В графе «Найдено ядовитое вещество» изменила «да» на «нет» и стерла название — «диамфотоксин», изменив значение на N/A, что означает «недоступно». Отправила документ на печать, затем взяла бутылку с оставшейся водой и вылила содержимое в раковину. Приготовила раствор хлорки и промыла емкость и поверхности вокруг. Затем добавила в бутылку воду из кулера, вытерла, вернула в пакет для улик. Вернулась в компьютерный класс и настроила на телефоне напоминалку — «Позвонить Роберту». Бутылку она положила в свою сумку.

Сегодняшнее собрание прошло как нельзя лучше, совет ученых стремительно приближался к завершению задачи. Полученная молекула встраивалась в ДНК почти идеально, значит, они были на верном пути. Нина так и не позвонила Роберту, она решила, что ей не помешает посоветоваться с Эдди.

Она набрала Кэт и убедилась, что та не берет трубку — значит, спит, и она не сможет известить детектива о результатах исследования раньше Нины.

Нина ушла из офиса в половине второго и тут же отправилась в парк, чтобы набрать немного свежих листьев и земли.

Когда она пришла домой, Эдди встретил ее горячим поцелуем и предложил чаю.

— Ты же не умеешь это делать, — возразила Нина.

— Но мне ведь ничего не мешает предложить.

После скромного полдника они занялись любовью. Эдди был чуть более нежным, чем обычно, с ним у Нины всегда получалось достичь пика. Больше ни с кем не было так легко, как с ним. Она закурила.

— Тебе не стоит этого делать, — сказал Эдди.

— Почему?

— Тебя можно будет узнать по шлейфу табачного дыма. Сейчас нужно быть осторожнее, чем обычно.

Нина потушила сигарету и обняла Эдди. Она взяла со стола стопку бумаг и карандаш и принялась рисовать какую-то схему.

— Что это?

— План защиты. Мы должны четко продумать мое алиби и дальнейшие действия.

Она начертила несколько овалов и подписала каждый: «сборная сцена», «бутылка», «клининговое агентство», «мама», «Кэт», «другие коллеги», «квартира», «загородный дом».

— Давай начнем по порядку, — предложила Нина, — кто может узнать о том, что механизм сборной сцены был поврежден?

— Тот, кто разбирается в этом.

— Глупость, никто ее толком не тестировал, это новая технология, и никто не знает, как она работает.

— А если они обратятся в поддержку?

— Ну тогда им придется отправлять все устройство на проверку в комиссию, вряд ли в нашем городе станут так заморачиваться.

— Но это ведь Ник Кейв, могут и заморочиться.

— Ты прав. Давай пока что оставим этот вариант и вернемся к нему позже. Что с бутылкой?

— Ты позвонишь детективу и скажешь, что в ней ничего не нашли.

— А если Кэт позвонит ему до меня? Или если она позвонит ему позже и все расскажет?

— Придется тебе поговорить с ней.

— По какой причине она могла бы не рассказывать об этом?

— Ты можешь убедить ее, что она ошиблась в расчетах, потому что работала ночью.

Ладно. Клининговое агентство. У них есть твоя фотография. — Эдди ходил по комнате взад и вперед.

— Я работаю там пять лет, это еще ничего не значит.

— Биоинформатик, который подрабатывает уборщицей? Ты это серьезно?

— Я найду, что сказать детективу.

— Ладно. Тогда мама.

— Она может рассказать о моем характере. Но она меня плохо знает, так что это не страшно.

— Кэт?

— Тут уже сложнее. Она может выдать, что я иногда прихожу в лабораторию просто так. Но я попытаюсь убедить Роберта, что это нужно для работы. Не более чем совпадение.

— Другие коллеги? — Эдди зачитал предпоследнюю подпись. — Это кто?

— Те, с кем должно быть согласовано мое алиби. Тут все учтено.

— Твоя квартира и загородный дом.

— Надеюсь, что до загородного дома он не доберется. На всякий случай придется туда съездить и прибраться. Давай займемся этим завтра.

— Хорошо. А теперь твое алиби.

— Утром я приходила в лабораторию, Гарольд может это подтвердить. Потом дома я говорила с мамой по скайпу. Затем пошла в книжный, на обратном пути решила пройтись пешком, дошла до автобусной остановки, где находится клуб, покурила.

— Думаешь, он начнет тебя допрашивать?

— Кто знает, я должна быть готова.

Нина еще несколько минут сидела молча, проговаривая про себя алиби. Потом взяла телефон и набрала номер с визитки Роберта.

— Алло, это Роберт?

— Да, а вы кто?

— Это Нина. Вы дали мне свою визитку.

— Ааа, девушка с сигаретами.

— Точно.

— Прошло почти три недели с нашей последней встречи. Что заставило вас позвонить мне?

— Да я тут обдумывала ваше предложение попить кофе. И подумала, что оно не такое уж абсурдное.

— Причем здесь абсурдность?

— Ну... Вы расследуете дело, приходите в фармацевтическую компанию и встречаете там человека, которого видели рядом с местом преступления.

— Да, пожалуй, это странно.

— Когда и где вам удобно?

— Кафе «Тайм» на главной улице, знаете такое?

— Да, знаю.

— Давайте завтра в пять часов вечера?

— Договорились. Роберт, коллега сегодня передала мне результат исследования воды из той бутылки.

— Ааа... Она с вами поделилась моими соображениями?

— Да. Результат отрицательный.

— То есть никаких ядов?

— Да, никаких.

— Вы меня очень этим расстроили.

— Сожалею. Результаты у меня на руках, я могу принести их вам завтра.

— Было бы замечательно.

Нина положила трубку и выдохнула. Завтра утром придется получше проработать свое алиби, чтобы детектив ничего не заподозрил. Соглашаясь на эту встречу, она ставила под удар не только свою жизнь, но и жизнь Роберта Пэла.

Роберт отдал охране расписку, повесил куртку на согнутую руку и, вдохнув поглубже, открыл дверь в комнату свиданий. Эти встречи давались ему нелегко, хоть и были довольно частыми. Каждый месяц в течение последних трех лет он навещал Александра, но до сих пор не определился со своим отношением к этому человеку.

За металлическим столом сидел темноволосый молодой мужчина, которому еще не исполнилось тридцати. Он был искренне рад видеть своего друга. Что Роберт мог отличить, так это искренность. Может быть, и еще кое-что, но ему тогда никто не поверил.

Улыбка Алекса была такой добродушной и располагающей, что и на секунду нельзя было предположить, что пять лет назад он, сидя на крыше торгового центра, одним нажатием кнопки убил девять человек и испортил здоровье шестерым.

Они проводили за разговорами почти по два часа подряд из положенных Алексу двух в месяц. Больше никто к нему не ходил: его приемные родители отказались от «родства с животным», а журналисты за давностью лет перестали интересоваться его делом.

Чаще всего во время этих встреч они говорили о людях. Истории были связаны со случаями из полицейской практики Роберта: мнение Алекса вносило в обсуждение некую весомость. «Видят ли сны звезды? Понимает ли психопата психопат?» — вот типичные терзания Роберта.

Но никогда они не обсуждали самого Алекса. Роберт зарекся поднимать эту тему, после того как полтора года пытался добиться смягчения наказания и отправить друга не в тюрьму на пожизненное заключение, а на лечение в психиатрическую больницу, при этом не получив никакой моральной поддержки и не заметив намерения выжить у самого преступника.

Алекс больше прочего хотел говорить об искусстве, литературе, просил Роберта читать к их очередному свиданию ту же книгу, что и он, чтобы они могли обсудить свои впечатления.

«Мне хватает историй в повседневной жизни, — сказал однажды Роберт. — Книги — для развлечения, я не хочу обсуждать проблемы несуществующих людей».

Однако он не возражал и слушал, когда Алекс пересказывал ему сюжет, — или из жалости, зная, что другого шанса выговориться у него нет, или подсознательно чувствовал, что этот созидательный опыт может ему пригодиться (теперь я знаю, как читает эту книгу психопат?).

Алекс проследил глазами за другом, когда тот молча садился напротив. С самого звука открывающейся двери эта встреча не походила на другие.

— Привет.

— Привет, — чуть более живо, чем нужно, ответил Алекс.

— Как дела?

— Хорошо. Я прочитал «Камеру обскура». А что сделал ты? — попытка разрядить обстановку была немного вызывающей.

— Хочу тебя спросить. — Он сделал паузу, осмотрев потолок и стены на предмет камер. Их было четыре — в каждом углу. Избежать этого было невозможно, поэтому он стал говорить еще тише: — Как ты думаешь, каким будет типичный портрет женщины, которая

способна убить человека?

— Я думаю, это любая обычная женщина. Или любая необычная женщина. Такая же, как и любой мужчина. При чем тут вообще пол? Каждый человек способен убить. Вопрос в том, убивает он или нет.

— Наверное, да. А если я поставлю вопрос так: как выглядит женщина, которая вот-вот убьет кого-то?

— Так, как свойственно для ее характера. Она будет выглядеть соответственно эмоциям, которые испытывает. Намерение убить у каждого человека проявляется разными эмоциями. У некоторых схожими: замкнутость и отчуждение от жертвы, но никогда нельзя знать это наверняка. Если только это не последние три секунды перед убийством в порыве гнева. Но тогда есть только три секунды, чтобы уловить намерение.

Роберт молчал, погружившись в свои мысли.

— Если ты хочешь узнать что-то конкретное, тебе придется рассказать мне.

— Вполне конкретное. Но я не могу рассказать. Город маленький. Здесь камеры, и если вдруг кто-то будет просматривать запись и окажется знаком с этим расследованием, то он может все испортить своим вмешательством.

— Как хочешь.

— Ладно, предположим, есть человек, который внезапно оказывается рядом с местом преступления.

— Как банально. Вернулся посмотреть? — Алекс усмехнулся.

— И зачем-то говорит, что был равнодушен к жертве.

— Это настолько классика, что скорее просто совпадение.

— А потом оказывается, что для жертвы были приготовлены две ловушки. Одна рассчитана на случайное везение, вторая — чтобы наверняка. Если первая не сработает. И вторая — очень специфична. Насколько специфична, что лишь несколько человек в городе могли быть к этому причастны.

— Понятно. Значит, человек рядом с местом преступления — один из причастных. Вероятность крайне мала. Если только он... Я так не могу. Если только ОНА не хотела быть пойманной, то это не она.

— Зачем ей может хотеться быть пойманной?

— Если она в отчаянии и на самом деле не хотела убивать и жаждет наказания. Или если она устала.

— Устала от чего?

— Нет, это совсем глупо, я даже не буду это говорить. Я думаю так: есть три варианта. Падшая личность, которой хочется прекратить свое существование. Глупая личность, которая вообще ничего не продумала. Но это вряд ли, если запасной вариант, как ты говоришь, специфичен. И третий — жажда славы.

— Ага, но нет. Третий — настолько типичен, что нет.

— Не исключай его. Человек может быть весьма скромным и скрытным. Именно такие испытывают нехватку выразительных средств, чтобы потешить свое эго.

— Я склоняюсь к первому варианту.

— Или она не виновна, и ты зря ее мучаешь.

От нахлынувшего потока мыслей Роберт не мог усидеть на месте. Он встал и принялся ходить по комнате.

— Может, стоит оставить беднягу в покое, если ты не уверен?

— У меня предчувствие.

— О! Перед этим я бессилён.

— А что, если она не в себе?

— А тебе часто встречались такие?

— Один раз. — Его шаг ускорился.

— И кто же это был?

— Я не могу тебе сказать.

— Посмотри правде в глаза, Берг. Хватит обманывать меня и себя.

Роберт старался не смотреть на собеседника. Если он посмотрит, то его слова станут правдой и полтора года работы уйдут в пустоту. Не только полтора года работы, но и его вера в людей.

— Я не зря это делал.

— Прости, дружище, но я нормальный. Я абсолютно нормальный. И я сижу здесь и буду сидеть, пока не сдохну от скуки или от электрического стула, потому что я сделал это сознательно.

— Ты был не в себе, ты не можешь быть таким!

— Могу. Перестань отрицать. — Алекс встал и преградил ему путь. — Люди — говно.

Роберт попытался его оттолкнуть, то не смог.

— И в голове у них может быть все что угодно.

Роберт попытался отойти, но Алекс возникал на его пути быстро, со всех сторон.

— И в любой момент. — Внезапно Алекс с силой и ловкостью хищника схватил его за шею и прижал к стене. — Они могут перемениться и попытаться тебя убить.

Зрачки Роберта расширились, но он не сопротивлялся.

— Не веришь? — спросил Алекс. — Не веришь, что я могу сделать это снова, несмотря на всю доброту, которую ты ко мне проявил?

Раздался громкий звонок, как будто заорал огромный металлический ребенок, и в открывшуюся дверь ввалился охранник, держа перед собой электрошокер.

— Нет, — ответил Роберт.

Охранник был в нескольких сантиметрах от них, Алекс уже отпустил жертву.

— Не надо! — крикнул Роберт, но опоздал на какую-то долю секунды. Алекс неестественно задержался и распластался на полу. Когда судороги прошли, на его лице осталась ехидная, злая улыбка.

— Вам лучше уйти, — сказал охранник.

— Пока, Алекс.

— Роберт, я не стану тебя убивать, честно! Ты мне не веришь? — Он смеялся.

Роберт сел на последний поезд до города, ему предстояли два часа раздумий под мерное постукивание колес. Он думал о своих университетских годах в институте психоанализа и о Габриэле Стокманне. Этот чудаковатый джентльмен с не менее чудаковатым именем был его кумиром в течение первых и последних двух лет обучения. Он всегда носил старенький твидовый костюм, который, скорее всего, стирал очень часто, потому что пахло от него приятно — книгами и немного формальдегидом.

Держался он очень уверенно и, казалось, досконально понимал все возможные процессы, происходящие в мозгу человека. Еще он возлагал надежды на юного Роберта, который отвечал ему взаимно — восхищением и готовностью помочь: перенести книги из кабинета в кабинет, подготовить аудиторию и прочие хозяйственные дела. Иногда Роберту даже позволялось проверять вместе с Габриэлом работы своих сокурсников, задерживаясь после учебы.

За это время образ Габриэла стал несокрушимым в сознании Роберта. Тем более ужасным оказалось его разочарование в профессоре, когда он понял, что Стокманн просто человек и, может быть, ничем не лучше самого Роберта. Он увидел в своем преподавателе отражение всех своих недостатков, и ему стало ужасно стыдно. Стыдно за то, что он так нелепо верил в сотворенный им самим идеал. Стыдно за то, что он в итоге оказался умнее и чувствительнее Габриэла. Стыдно, что поверил ему, когда тот сказал, что с Алексом все в порядке.

***

Их первое знакомство в тот же день переросло в крепкую, пусть и недолгую дружбу. Роберт подсказал Алексу ответ на одной из вводных лекций по анатомии человека.

— Нейромедиатор, — шепотом сказал он.

— Это нейромедиатор, — повторил Алекс в полный голос.

— Садитесь, все верно. — Преподаватель заметил подсказку, но сделал вид, что не обратил внимания. — Вы, очевидно, ходили на подготовительные курсы. И правильно.

Роберт ходил, а Алекс — нет. Как сказал сам Алекс, у него была другая цель обучения. Ему не нужны были высокие оценки, он просто хотел лучше понять себя. А если повезет, то научиться понимать мотивы других людей. Роберт надеялся окончить институт с отличием и стать психологом. Его убедили родители, которые сказали, что сейчас за это много платят. «В наш век информационных технологий все более популярной становится гигиена души», — так он сказал на вступительном собеседовании и всегда повторял свои слова.

Когда пришло время выбирать научного руководителя, они оба попросили Габриэла Стокманна. Только Стокманн чуть лучше относился к Роберту, и Алекс это замечал. Он старался не показывать, что ему обидно за такое разделение, и хотел доказать, что не хуже друга. Но каждый раз сам для себя находил отговорки и приходил на занятие неподготовленным. Роберт был не против дать другу списать домашнее задание. Почти каждый день они вдвоем первыми бежали к аудитории и располагались около двери — Роберт, согнув спину, и Алекс, использовавший ее как письменный стол.

Они оба пользовались успехом у женского пола, хотя Алекса, казалось, любовь мало заботила. Пару раз они ходили на двойные свидания, но Алекс портил романтическую

атмосферу спорами о человеческой психике. Главный вопрос, который его беспокоил, был неисчерпаем, поэтому спор мог продолжаться несколько часов. И этот же вопрос стал для него приговором.

Никто не знает, с какого момента началась его одержимость, но Роберт видел ее и пытался склонить друга к другому мнению.

Алекс был убежден, что современного человека ничто не останавливает от совершения насилия.

— Как это — не останавливает? А как же социальные нормы поведения? — возражал ему Роберт, наматывая спагетти на вилку.

— Какие нормы? Вот ты говоришь о нормах. А между тем когда-то и гомосексуализм был не нормой.

— Ну сейчас на этот счет много разных мнений.

— Перестань мыслить нормами. Все, что имеет значение, — может человек сделать это физически или нет. — К ним за столик подсел Марк, однокурсник.

— Но физически здоровый человек тоже не может убить. Природой в нас заложено отвращение и страх перед насилием.

— Природой заложено и баб любить, но это все близко к стереотипам. Как ты определишь, заложила природа в человеке неприятие насилия или нет?

— Ой, вы тут про педиков, я пойду. — Марк ушел, не успев приземлиться на стул.

— Обычно у тех, кому не заложила, есть и другие проблемы с социализацией, — продолжал Роберт.

— А если нет? Нет, давай не так. Если есть отвращение, но не настолько, чтобы помешать совершить убийство. Тогда что?

— Тогда должен помешать закон.

— Закон не помешает, он просто посадит в тюрьму, но уже после совершения преступления. Так что нет закон не мешает.

— Страх перед правосудием.

— А если отбросить эти страхи? Предположим, мне нечего терять. Что, если у меня какая-нибудь раковая опухоль? Кто остановит меня, если я захочу пойти, скажем, в торговый центр и перестрелять там кучу людей?

— Я надеюсь, это абстрактный пример.

— Само собой. Но ты только подумай, если человек находится в безвыходной ситуации и жизнь только что дала ему по башке, имеет ли он право? Может ли физически? Захочет ли он отомстить мирозданию за свою, скажем, болезнь?

— Думаю да. — Он сдался.

— И никто его не остановит?

— Похоже на то.

Внезапно лицо Алекса сделалось очень серьезным и хмурым.

— Я хочу написать об этом курсовую.

— У Стокманна?

— У кого же еще.

— Он не примет.

— Почему?

— Ты же знаешь его, он слишком консервативен для того, чтобы вникать в твою тему. Скажет, что это «раскольничество».

***

— Что это? — медленно спросил Габриэл, он отчаянно пытался сохранять самообладание, в аудитории был весь второй курс. — Что это такое, я спрашиваю вас, молодой человек?

Алекс покраснел, но был твердо намерен держаться гордо.

— Это моя курсовая.

— Я вижу, что это ваша курсовая. Но это не та курсовая, над которой мы с вами работали два месяца.

— Я решил, что эта тема для меня важнее.

— А я ставлю оценку за ту курсовую, которую ожидал получить. То есть ноль.

— Почему?

— У вас синдром бога, Алекс. Я не собираюсь его поощрять, особенно в рамках вашего обучения.

Алекс покраснел еще больше, собрал вещи и молча вышел, хлопнув за собой дверь. А выйдя, еще и пнул несчастную дверь ногой, тут же сморщив лицо от боли. «У меня все получается наперекосяк. Я ничего не могу сделать нормально, даже уйти».

***

Роберту было невыносимо смотреть на эту сцену. Он хотел побежать за другом и поговорить с ним, но в то же время он не мог уйти. Между ним и профессором как будто установилась телепатическая связь: он одним взглядом говорил Роберту: «Не иди за ним. Ему нужно преподать урок. Я могу сделать тебя специалистом. А что он тебе даст?»

Он так и сидел до конца занятия, раздумывая над тем, правильно ли сделал, что остался в аудитории.

***

Когда студенты разошлись, а Габриэл упаковывал в чемодан последние курсовые, Роберт решил подойти к нему. Даже сейчас он помнит этот разговор слово в слово и может, как будто наяву, увидеть помещение, сшитые курсовые, лицо профессора и плинтус, на который он смотрел во время беседы.

— Вам не кажется, что Алекс ведет себя странно? — Взгляд устремился на лицо Габриэла, потом на плинтус.

— В каком это смысле?

— Он слишком увлечен темой убийства.

— Вы про курсовую? В этом нет ничего уникального, каждого второго юношу его возраста заботят темы жизни и смерти. Прибавьте к этому максимализм, тяжелый переходный возраст, тяжелое детство, где мать отказалась от него, и получится то, что у вашего друга на душе.

— Вообще-то я не про курсовую. Не знаю, как вам сказать... Но он говорит об убийствах, всегда примеряя роль убийцы на себя. Это тоже нормально?

— И это нормально. Кстати, он может многого добиться. Люди, которые умеют встать на место объекта обсуждения, то есть обладающие хорошим воображением, обычно бывают хорошими психоаналитиками.

— Вы уверены в этом на сто процентов? Почему же вы не приняли его курсовую?

— Потому что он должен понимать, где его фантазия, а где реальность. Потому что мы работали по теме бытового насилия, а он решил показать мне свою самостоятельность и написал курсовую на тему, в которой я ему отказал. Вы, наверное, хотите спросить, почему

отказал?

— Да.

— Потому что чем больше «окучивать» свою фантазию, тем более реальной она становится.

— Не об этом ли я вам говорю? Он слишком погряз в этой теме, она становится реальной.

— Не становится.

— Как же нет, он постоянно приводит примеры как он мог бы взорвать кого-нибудь или расстрелять.

— Роберт, меньше одного процента людей действительно совершают насилие, о котором говорят. А здесь он даже не высказывал намерения. Или высказывал?

— Нет.

— Тогда вам не о чем беспокоиться. — Он уже стоял у выхода из аудитории. — Извините меня. Оревуар, — он кивнул в знак прощания, — мне нужно к другим студентам.

***

День, когда это произошло, был солнечным. Майские цветы уже распустились, на деревьях висели маленькие зародыши листьев, а воздух был свежим и вкусно пах наступающим летом. Роберт собирался со своей тогдашней девушкой Мари в парк аттракционов в центре, а до этого они хотели зайти в ювелирный в «Эмеральд-Молл» и выбрать ей подарок на день рождения.

— Цены в этом «Эмеральде» совсем конские, — по громкой связи говорила мама. — Жаль, что у нас не купил, у нас-то дешевле было бы.

— Знаю, мам, но я не планировал такой подарок, идея была спонтанной. Не поеду ж я теперь за пятьсот километров ради одного украшения.

— Покупай серебро, — советовала мама, — оно дешевле. А лучше даже не заходить в отдел с золотом, чтобы твоя Мари не захотела дорогую побрякушку.

— Хорошо, мам. — Роберт завязывал галстук и параллельно смотрел новости по центральному каналу.

— Главное, не перепутай белое золото с серебром.

— Как я могу, они же будут отличаться по цене.

— А вот и нет, в «Эмеральде» нет ценников. А уж если она захочет что-то дорогое, просто увидит украшение, то потом сложно будет отказывать. Ты же понимаешь?

— Мам, включи телек.

— Он и так включен, а что такое?

— Центральный канал. Новости. Срочно, мама!

В левой руке Роберт сжимал незавязанный галстук, в правой — пульт. Большой палец правой руки свело судорогой на кнопке громкости, и теперь голос ведущей новостей простирался далеко за пределы квартиры. Его взгляд потух, в коленях резко возникла слабость, а легкие как будто скользнули вниз, к желудку.

— Мы выяснили имя террориста, — вещала женщина с экрана, — им оказался двадцатидвухлетний Алекс Коул, студент кафедры психоанализа.

Роберт убавил громкость.

— Мам, — позвал он, — ты еще там?

— О господи, Роберт. Вы же собирались туда! Туда ведь, да? Скажи мне!

— Мама, это не самое страшное. Человек, который это сделал, — мой лучший друг.

***

Роберт повернул в замке ключ и зашел в квартиру. Ту самую, где пять лет назад стоял, завязывая галстук, перед телевизором. Он взял со столика пульт и включил первый попавшийся канал. Магазин на диване — вот лучший способ снять стресс. И «Джемесон». На половине бутылки он крепко уснул.

Всю ночь Роберту снилось, что он курсант в полицейской академии и сдает экзамен. Только вместо привычных вопросов его спрашивают, кто такая Нина и какие улики против нее есть у Роберта.

Наутро он проснулся разбитым — мало того, что в голове была каша после вчерашних встреч, так еще и не выветрившийся «Джемесон» отзывался головной болью и тошнотой.

Он решил, что лучший способ помочь себе пережить похмелье — наведаться в офис и заняться раскопками дела пятилетней давности. Была суббота, следовательно, в офисе никого не должно быть и ему не будут задавать лишних вопросов.

В офисе он был к девяти тридцати, но, к своему удивлению, застал там коллегу, Майкла Кофмана, который, похоже, и не уходил вчера вечером: его волосы казались грязными, рубашка помятой, да и лицо было не первой свежести.

— Ты чего тут делаешь? — спросил Роберт.

— Могу тебя спросить то же самое, новичок.

— Я давно не новичок, пора тебе к этому привыкнуть.

— Новичок-новичок, ты только в прошлом году академию закончил.

— Ты не с той ноги встал?

— Нет, я вообще еще не вставал. И не ложился. — Предположения Роберта оказались правдой.

— Так с каким делом ты провел ночь?

— Про этого, Ника Кейва. Что ж еще.

— Нарыл что-нибудь?

— Я думал. Думал-думал и ничего не придумал. Но я бы поделился своими соображениями, если ты принесешь мне кофе.

Роберту стало интересно, до чего докопался коллега, но раскрывать свои карты он не хотел. Если он сам найдет убийцу, то его авторитет в участке вырастет раз и навсегда. А пока он самый младший в этом учреждении, и почти каждый полицейский, особенно детектив Кюмри, считает нужным ежедневно ему об этом напоминать.

Он принес коллеге большую кружку кофе и сел напротив.

— Ну, рассказывай.

— Сцену устанавливали за один день до концерта, так?

— Так.

— Я проверил и узнал, что в день концерта доступ к сцене был только у звукорежиссеров, фотографа, менеджера и артистов. Артистов и их менеджера я уже опросил, вряд ли это они. Все убиты горем. И алиби у них несокрушимые — они все время были вместе и никто не отлучался. Звукорежиссеров было всего двое. Они пока что под подозрением. Один фотограф тоже под подозрением.

— То есть это кто-то из них троих?

— Не факт. Возьмем день до концерта — там доступ к сцене был у монтажников и уборщиц. Сегодня нам нужно будет проверить их всех. Я еще не приступал. Не хочешь заняться?

— Не хочу, но могу.

— А если это кто-то из них? Представь себе, если ты раскроешь это дело! Какое уважение к тебе сразу появится!

— Я не думаю, что это кто-то из них.

— Почему?

— Шестое чувство.

— Ну началось.

— Ладно, я хочу их проверить, доволен?

— Да. — Майкл расплылся в улыбке. — А я поеду домой, посплю, пожалуй.

Он допил кофе, собрал бумаги, которые лежали на столе, и сгреб их в портфель. Снял тапочки, обул уличную обувь и не спеша вышел из офиса. Роберт облегченно вздохнул. Ему не хотелось, чтобы кто-то знал, что он работает над другой версией произошедшего. Он собирался закрыть дело самостоятельно.

***

На столе лежали три стопки сшитых листов — каждая толщиной по три-четыре сантиметра. Роберт заблаговременно сделал ксерокопии материалов по делу Алекса. Он не знал, для чего, но подсознательно догадывался, что они ему пригодятся. Основной объем этих материалов составляли письменные расшифровки бесед Алекса с психотерапевтом. Роберт не читал их полностью, не было смысла. Достаточно было заключения врача о том, что Алекс полностью вменяем. И теперь он был твердо уверен, что ему нужно их просмотреть.

Он листал страницу за страницей, вчитывался в ответы Алекса. В каждой реплике он находил подтверждение тому, что искал: психологические портреты Алекса и Нины совпадали.

Одна сессия поразила его больше всего.

— У меня рак, — сказал Алекс.

— Вот как. — Видно, что врач не сразу нашелся, что ответить на такое признание. — И давно?

— Не очень, около года.

— Как вы себя позиционируете в связи с этим? Нет ли у вас ощущения безысходности или нежелания жить?

— Абсолютно нет. Мне его вырезали недавно. И теперь я здоров.

— То есть то, что вы сделали, не связано с вашей болезнью?

— А вы думали, что я такой несчастный, жертва судьбы, решил из мести за несправедливость этого мира взорвать десяток человек?

— Нет, я так не думаю.

— Я нормальный. Я не устану это повторять. Я не псих, я сделал это сознательно.

Роберт поежился от холода внутри. Воспоминания о тех днях прорывались сквозь сознание, придавая этому моменту мрачный оттенок. Роберт внезапно почувствовал сожаление и грусть. Ему было одиноко. Должно быть, так же одиноко, как Алексу в его камере. Но у них было разное одиночество. Роберт всегда думал, что Алекс — его лучший друг. А оказалось, что он совсем не знал его. Никогда не знал и никогда не понимал.

— Что это вы делаете? — сказал доктор.

— Вы о чем?

— Ну вот это, крутите ладонью перед лицом. Что означает этот жест?

— Не знаю. Я делаю так, когда мне нужно успокоиться. Вы выводите меня из себя

своими вопросами

— Для протокола. В данный момент Алекс делает жест рукой, как будто снимает с себя маску.

У Роберта екнуло сердце. Вот оно, одинаковый, такой знакомый элемент. «Это нельзя ни с чем спутать, — сказал он вслух, — это она».

Нина была прекрасна в тот вечер. Роберт подумал, что следовало повести ее в ресторан, а не в кофейню. Небесно-голубой сарафан плавно струился, в нужных местах повторяя изгибы ее тела. Длинные волосы мелкими волнами ниспадали на плечи. Она была стройна и кокетлива, несмотря на то, что ее уже нельзя было назвать юной девушкой. Он встал и отодвинул для нее стул. Никогда раньше Роберт не замечал за собой такой галантности и сейчас не понял, как это произошло. Просто не ухаживать за ней было нельзя.

— Очень рад, что вы согласились на мое предложение, — сказал он.

— Оповестите меня, когда можно будет переходить на «ты».

— Вы очень прямолинейны, да?

— Угадали. Ничего не могу с собой поделать, честность — мое все. — Она провела рукой по невидимой маске, точно так же, как это делал Алекс. Роберт поразился сходству.

— Что вы сейчас сделали?

— О чем вы? — Она не сразу поняла вопрос. — Ах, это. Меня часто об этом спрашивают. Так делал мой отец.

— И что это означало у вашего отца?

— У него была болезнь. Я не знаю, какая. Он всегда так делал, когда играл со мной. Он показывал призраков.

— А вы их видели?

— Слишком много вопросов, Роберт. Для первого раза достаточно.

— Ладно. Хотите, я расскажу о себе?

— Конечно.

— Я вырос в семье дантистов в городе В., мой отец умер два года назад, а после него заболела мама.

— Сожалею.

— Я закончил полицейскую академию, а до этого учился в Восточном университете на кафедре психоанализа.

— Так вы много знаете о человеческой психике?

— Много не знаю, я, скорее, интуитивно чувствую. Я не окончил университет.

— Почему?

— Слишком много вопросов, — усмехнулся он, — давайте вернемся к вам.

Они заказали кофе, Нина взяла пирожное и долго ковыряла в нем вилкой, пока говорила. Она практически размозжила его по тарелке.

— Я работаю старшим научным сотрудником в «Элайн Фарма». Вся мою работу можно свести к секвенированию генома человека.

— К чему?

— Это довольно сложно объяснить.

— Попробуйте.

— Представьте, что у вас есть двадцать тысяч экземпляров «Войны и мира».

— Допустим, представил.

— Вы их пропускаете через шредер, а потом хорошенько перемешиваете. Потом наугад вытаскиваете из этого вороха небольшую кучку разрезанных бумажек и пытаетесь собрать из

них исходный роман.

— Так.

— А еще у вас есть рукопись «Войны и мира». Допустим, вам сам Толстой ее подарил. Текст, который вы соберете из этой кучки полосок, нужно будет сравнить с этой рукописью, чтобы отловить опечатки (а они-то там точно есть). Вот так же читают ДНК.

— Простите, я не очень улавливаю суть.

— ДНК выделяют из клеточных ядер и делят на кусочки по триста-пятьсот пар нуклеотидов (ведь все нуклеотиды связаны попарно). Молекулы ДНК дробят, потому что ни одна современная машина не может прочитать геном от начала до конца. Последовательность слишком длинная. И по мере прочтения накапливаются ошибки. Так вот, чтобы восстановить «Войну и мир» после шредера, нужно прочитать и разложить в правильном порядке все кусочки романа. То есть мы читаем эту книгу несколько раз по крошечным фрагментам. То же самое с ДНК: каждый участок мы прочитываем с многократным перекрытием, ведь мы анализируем не одну, а множество ДНК.

— Боже мой, как это все сложно.

— Когда создается новое лекарство, секвенаторы прочитывают ДНК, находят там мутации и создают модель. Модель молекулы, которая как бы накладывается на ДНК и должна покрыть нужную мутацию.

— Вот как. И над каким лекарством вы сейчас работаете?

— Все как всегда, Роберт. Рак — главная проблема человечества. Вы, например, знали, что за последние десять лет частота заболеваемости раком увеличилась на пятьдесят процентов?

— Я догадывался об этом.

— Рак и другие опухоли, которые растут слишком быстро, — наш профиль. Наша компания, как и многие другие, хочет взять первенство в этих исследованиях. И я вам могу сказать, что мы очень близки если не к разгадке, то к универсальному подходу к лечению опухолей.

— Правда? — Роберт был удивлен. — У моей матери рак.

— Я так и подумала. Мне очень жаль, но вам нужно как можно больше времени проводить с ней.

— А вы разве не скоро откроете лекарство?

— Роберт, от начала открытия лекарства до момента его выпуска в массы проходит десять лет. И это в лучшем случае. Если ваша мама не дотянет еще десять лет, то мне кажется, вам лучше прожить жизнь с ней, а не гнаться за панацеей. К тому же мы еще даже не приступали к этапу тестирования.

— Грустная тема. Давайте закроем ее.

— Давайте. — Нина какое-то время молчала. — Погодите, я ведь не передала вам результаты исследования!

Она открыла сумочку, вытащила листок А4 и бутылку в пакете, передала Роберту. Роберт внимательно изучил заключение.

— А что такое диамфотоксин, и почему вы проверяли именно на него?

— Это один из самых страшных ядов. Почему его включили, не знаю, проверяла Кэт. Тут есть и другие яды: рицин, цианид, стрихнин. Она передала мне результаты и просила сообщить вам. Она очень устала и сегодня отдыхает дома.

— Надеюсь, с ней все хорошо.

— Просто переработала.

— Спасибо, в любом случае.

— Не за что.

— Нина, у вас есть кто-нибудь?

— Вы имеете в виду, встречаюсь ли я с кем-то? — Она снова провела рукой у лица.

— Да.

— Нет. Предыдущий мой молодой человек исчез неизвестно куда. Мы почти были женаты, но потом он сбежал. Вероятно, в другой город.

— Мне сложно представить, что кто-то мог бы от вас сбежать. Вы очень симпатичны мне.

— Спасибо. — Она слегка покраснела. — А что с этой бутылкой? Это ваша зацепка?

Роберт не знал, стоит ли говорить ей о деталях, ведь она могла оказаться причастной к убийству. С другой стороны, если в бутылке была обыкновенная вода, то какая теперь разница. Тем более что ему безумно нравилась Нина, а откровенность по отношению к ней могла бы сыграть ему на руку — женщины любят честных мужчин.

— Да, знаете, тут сработало мое чутье.

— В каком смысле?

— Иногда какая-то мысль приходит ко мне внезапно, и она часто оказывается верной.

— Что-то вроде интуиции?

— Что-то вроде.

— И как это было?

— Я вдруг увидел, что коллега, который собирался отпить из бутылки, может пострадать.

— И что, вы сразу подумали, что там яд?

— Нет, я подумал, что неплохо было бы включить всю эту воду в перечень улик. Я заметил, что она из бутылок была открыта, но все еще полная. То есть из нее никто не пил. И уговорил своего начальника снять отпечатки пальцев с еще нескольких бутылок. Так вот, на той самой, открытой, но полной, не было пальцев, кроме моего коллеги. Это показалось мне странным. Потому что на всех остальных были.

— И поэтому вы решили, что там яд?

— Нет, я решил, что это странно, ведь как-то эта бутылка попала на сцену. Ее должен был кто-то принести. А Ник Кейв должен был ее открыть. Но его отпечатков там не было.

— Логично.

— Я несколько разочарован, честно сказать. Я все еще уверен, что с этой бутылкой что-то не так.

— Да ладно вам. Я знаю точно, что Кэт не могла ошибиться, она отличный сотрудник. Хотите, я могу хоть сейчас отпить из нее, и вы убедитесь, что там просто вода?

— Лучше не надо.

— Давайте! Будет весело, если я скончаюсь прямо в кафе. — Нина рассмеялась. Роберт недоверчиво ухмыльнулся. Глаза Нины стали такими яркими и веселыми, что он чуть было не отдал ей бутылку.

— Нет, я все-таки воздержусь. Я вам верю, но давайте не будем проверять.

— Как хотите. Так мы все-таки можем перейти на «ты»?

— Я был бы рад.

Оставшийся вечер они провели вместе: взяли еще кофе навынос, вышли на прогулку в

парк, а потом Роберт проводил ее до квартиры.

— Спасибо за замечательный вечер.

— И тебе спасибо, — ответила Нина, и наступила неловкая пауза.

За эти несколько часов они как будто бы сблизились, хотя она не собиралась рассказывать ему так много. Она очень сожалела о проведенном времени: Роберт мог воспользоваться ею, чтобы довести расследование до конца. Он потянулся к ней, возможно, за поцелуем, но она отстранилась, а потом по-дружески его обняла. Она не собиралась начинать отношения в первый день знакомства. И вообще, отношения — не для нее, у нее есть Эдди.

— До свидания, — сказала она коротко и отвернулась, чтобы открыть дверь подъезда.

— Нина, мы еще увидимся?

— Я думаю, да.

Она тут же пожалела о своих словах. Сожаление — ее самая частая эмоция. Может, пора было что-то с этим делать?

У Роберта снова начиналась бессонница. Это случалось эпизодически, и каждый раз в первое ночное бодрствование он знал точно, что это будет продолжаться несколько дней. Он встал с постели и налил себе чаю. В такие моменты его подсознание было гораздо доступнее, чем обычно, и он решил воспользоваться этим для того, чтобы проанализировать свои действия.

Почему он считал Нину причастной?

Во-первых, она оказалась на месте преступления. Но местом преступления был клуб, а не местность рядом с ним. Пусть это и случайность. Она просто гуляла.

Во-вторых, эта бутылка не давала ему покоя. Почему Нина вернула ему результаты исследования, а не Кэт? Почему оказалось, что Нина работала в крупнейшей фармацевтической компании в стране? У нее были все возможности, чтобы совершить подмену. Но для чего ей подменять результаты?

Ладно, не стоит привязываться к «Элайн Фарма». Были и другие лаборатории. Через три дня после убийства он за сутки побывал в пяти школах и двух университетах, где были более или менее серьезные классы с оборудованием для тестов. Восточный университет согласился провести анализ содержимого, но результат его не удовлетворил, а только еще больше запутал дело. Если бы не их заключение, он бы поверил Нине, что там вода.

Профессор биологии Штуль сказал коротко, но ясно: «Я не знаю, что это, но там определенно что-то есть».

Ни одна лаборатория его не зацепила. Его выводы казались ему самому нелепыми: что это значит — зацепило? Но потом он вспомнил, как отчислялся из института психоанализа, и дал себе слово, что отныне будет доверять только своим ощущениям, а не статистике и психологии, чего хотел от него Габриэл.

Только увидев Нину в «Элайн Фарма», у Роберта екнуло сердце. Вот оно — женщина, которая оказалась рядом с местом преступления просто так. Женщина, которая работает в лаборатории. Женщина, достаточно уверенная в себе, чтобы посметь явиться туда? Но ее стошнило, когда он рассказал ей детали преступления. А может быть, стошнило не от подробностей, а от страха быть пойманной?

Роберт вспомнил главную деталь: Нины была похожа на Алекса. У нее был такой же взгляд, как у Алекса, когда его поймали. Спокойствие и потенциальная угроза. У нее был взгляд человека, который только что убил.

А что делать с этим их ужимками? Как так получилось, что два совершенно разных и не знакомых друг с другом человека имели одинаковые жесты? Какая-то мысль роилась в голове Роберта, но никак не хотела вылезать на поверхность. Совершенно исключено, что они родственники, иначе Алекс бы говорил об этом. А может быть, это снова провидение? Кто-то сверху пытается подсказать Роберту, что Нина — такая же, как его друг, убивший десяток людей?

Выпив чаю и помучившись бесплодными раздумьями, он сел за стол и накидал план работы на будущую неделю:

1. Просмотреть видео с камер.
2. Опросить подозреваемых:

- два звукорежиссера;
- фотограф;
- монтажник;
- Кэт;
- Нина?

Написав имя Нины, он поежился. В нем боролись симпатия к ней и желание раскрыть преступление. Ну и что, что она старше его лет на десять, но такой красивой и милой женщины он никогда не встречал и в глубине души надеялся, что у них что-нибудь получится.

Он вернулся к списку дел:

3. Изучить личность Ника Кейва и подобрать мотивы.
4. Поговорить с женой Ника Кейва и изучить соцсети.
5. Найти и опросить несколько свидетелей.
6. Позвонить в компанию — производителя сборной сцены.

На этом план заканчивался, и у него не было ни малейшего понятия, как все эти действия могут привести к разгадке. Детектив Кюмри дал ему месяц, из которого оставалась ровно неделя, чтобы закрыть это дело. Если в течение недели он не найдет доказательств того, что это было убийство, дело отправится в архив как несчастный случай. И больше никаких шансов, что к нему когда-нибудь вернуться.

В воскресенье утром Роберт решил навестить своего брата. Дорога к кладбищу была длинной, и у него было достаточно времени, чтобы обдумать все шаги его плана. Желтый автобус вез его через весь город, где пришлось какое-то время постоять в пробке, затем они выехали в пригородную зону: по правой стороне простирался лес, по левой — синее беспечное море и чайки. Такая обстановка не только располагала к тому, чтобы погрузиться в свои мысли, но и накладывала на них некоторый отпечаток, атмосферность. Роберт называл такой ландшафт эмоциональным пейзажем.

Он вернулся мыслями к тому дню, когда Карл еще был здоров. Старший брат всегда был для него примером для подражания. Мама обычно говорила: «Спроси брата», «Посмотри, как брат делает» или «Учись у своего старшего брата». Когда Роберту было пять лет, он обожал наблюдать за тем, как Карл делал уроки или играл с мальчишками в футбол. Обычно он сидел на скамейке в парке и наблюдал, как Карл, широкоплечий парень, бегают с такими же старшими, как он, по полю и забивает голы. Роберт искренне радовался за него. Но когда он немного повзрослел, вся эта искренняя радость как будто переродилась, и ее место заняла зависть. Из-за этого он часто ссорился с мамой, которая продолжала ставить Карла в пример. В младших классах Роберт учился плохо и делал это специально, чтобы насолить матери и отцу.

Однажды Карл вывел его на серьезный разговор.

— Роберт, ты должен больше стараться в школе.

— А тебе-то что?

— Ты должен быть примером для меня.

— Мне десять лет, я еще не взрослый. Это я должен брать с тебя пример, а не ты с меня.

— Вовсе нет, Роб. Когда-нибудь настанет момент, когда ты будешь главным из нас двоих.

— Почему ты так говоришь?

— Я болею.

— Чем?

— Не могу тебе сказать. Это очень сложно. Я сам еще не до конца понимаю.

— Но ты выглядишь здоровым.

— У меня что-то сломалось в голове. Поэтому иногда мне бывает плохо.

— Понятно.

— Но ты не переживай, ты всегда будешь моим младшим братишкой. И я буду помогать тебе во всем.

В последующие месяцы произошло несколько совершенно непонятных Роберту вещей. Однажды, когда они всей семьей обедали, родители поссорились. Роберт терпеть не мог их ссоры, потому что они всегда тут же переходили на повышенный тон и взаимные оскорбления. Ему было тяжело выносить крики отца, хотя он знал, что ничего плохого от них не будет и никто не пострадает. Он просто ненавидел негатив.

Он уже собирался встать со своего места и пойти доедать в комнату, как вдруг раздался звук бьющегося стакана. Все повернулись на источник звука: им оказался Карл. Рука Карла, в которой пару секунд назад был стакан, так и осталась висеть в воздухе. Для него как будто

бы остановилось время. Он сидел неподвижно на своем стуле, с чуть приоткрытым ртом. Его зрачки были широкими, а с губ капала недопитая вода. Мама тут же подбежала к нему и попыталась опустить его руку, но отец закричал: «Не тронь его! Это все из-за твоей тупости! Видишь, до чего ты довела нашего ребенка?»

Мама приказала Роберту идти в свою комнату, а папа начал звонить по телефону. Роберт тогда не сообразил, что произошло, но ему было жутко. Лицо его старшего брата будто бы превратилось в маску и от этого было еще страшнее. Сейчас Роберт полагал, что сработал так называемый эффект зловещей долины, когда знакомое и приятное лицо приобретает кукольные черты, реальность как будто смешивается с воображением, к горлу подступает тошнота. Эта неизвестность пугала его, и еще несколько дней после этого случая он каждую ночь проверял, действительно ли в их общей комнате спит его брат, или инопланетяне подменили его на бесчувственную обездвиженную куклу.

Через какое-то время все это забылось, и Роберт вновь начинал завидовать брату. Он очень хотел спросить Карла, что же тогда произошло, но боялся, что тот заговорит на незнакомом ему языке. Ему было ужасно стыдно за то, что он избегал общения с ним, и за свою ревность, но ничего не мог с собой поделать. Родители теперь уделяли Карлу еще больше внимания, они постоянно как будто следили за ним, спрашивали о его самочувствии, мама говорила с ним каждый вечер перед сном. Роберт никак не мог понять, почему это с ним так не возятся, хотя он младший брат и нуждается в еще большей заботе, чем Карл.

Пока не случилось еще два эпизода. Как-то раз, когда они все вместе ехали в другой город к бабушке, Карл вдруг начал спрашивать маму, видит ли она, во что превратилась Главная улица. Мама в недоумении переспросила его, и тот начал описывать какой-то неведомый им мир, будто бы параллельную вселенную, по которой они ехали. Вместо людей там ходили люди в черных пальто с капюшонами, вместо привычных кустов зелени были горки из камней, вместо домов — развалины. Роберт тайно от всех подслушивал их разговор и уже даже почти увидел человека в черном, как вдруг Карл начал плакать.

— Это опять повторяется, мама, — говорил он.

Мама его обнимала и пыталась утешить, отвернув его голову от окна машины и стараясь закрыть ему глаза.

— Я вижу их, они за нами идут, — повторял Карл. — Они повсюду, они говорят о нас.

— Это просто твое воображение, мальчик мой. Всего лишь воображение. Отнесись к этому, как к фильму наяву. С тобой никогда ничего не случится, я тебе обещаю.

Роберту очень хотелось, чтобы мама так же обнимала и успокаивала его, когда ему было плохо, но он был слишком смущен, чтобы просить об этом.

Когда у него начался переходный возраст, ситуация не улучшилась. Он по-прежнему оставался тенью Карла, как он сам считал. Именно тогда ему больше всего была нужна их помощь в минуты отчаяния, которые так часто переживает подросток. Но родители как будто и не замечали его метаний. К тому же он стал отличником. Он сделал это для того, чтобы получить внимание, но в итоге навсегда остался просто «умницей». Возможно, они считали, что если у Роберта отличные отметки и все хорошо, значит, ему не нужна помощь.

Он вспомнил свою первую попытку покончить с собой. Сейчас он думал об этом с ностальгическим сожалением. Ему не было стыдно, ведь он не пытался сделать это на самом деле. Ему было так плохо, что он решил испытать себя — будет ли ему страшно умереть. Он сидел в ванной и резал бритвой засечки на руке. Их было штук пятнадцать, крови было море, но он не затронул ни одну вену. Больше всего ему хотелось, чтобы мама, которая так

заиклена на Карле, однажды случайно нашла эти ранки и наконец-то поняла, как ему плохо. Но мама тогда так и не нашла, а прятать рубцы от этих ранок приходится и по сей день. Если кто-то видит их, он беззаботно говорит: «Ошибки переходного возраста», и все вопросы сразу же отпадают.

Ровно через неделю у Карла была защита диплома в университете. Родители и Роберт пришли поддержать его и ждали за дверью. Мама и папа обсуждали, какой торт купить для праздника в честь окончания университета, когда за дверью раздались крик и грохот. В тот день у Карла случился первый припадок, и его увезли в больницу. Всю дорогу до машины скорой помощи он кричал как бешеный, размахивал руками и пытался вырваться.

Роберт начал понимать, что происходит, когда мама вызвала его на серьезный разговор.

— Ты не должен никому об этом рассказывать. Никому, слышишь?

— Но почему?

— Все подумают, что у нас ненормальная семья.

— То есть Карл — ненормальный?

— Он нормальный, просто он болеет, и в больнице ему помогут.

— У него шизофрения, да?

— Да. Откуда ты узнал?

— Загуглил.

Роберт навещал брата почти каждый день, и с каждым днем он все меньше узнавал его. Синяки под глазами, усталый вид, чуть приоткрытый, расслабленный рот и медленная речь. В его взгляде больше не было того огонька и серьезности, которые Роберт помнил и запомнит на всю жизнь.

— Ты снова пришел. — Его голос был тихим и слабым. — Сколько раз тебе говорить, не надо каждый день мотаться ко мне.

— Я скучаю по тебе. — Роберт обнял его.

— Как дела в школе?

— Нормально.

— Ты все-таки последовал моему совету?

— Какому?

— Ну... Подавать мне пример для подражания.

— Ты все еще мой старший брат. И... Я никогда не говорил тебе, но я тебя люблю.

— Жаль, что так получилось, Роб. Я честно хотел бы, чтобы все было по-другому. Я делаю все, что в моих силах, но у меня не получается.

— А что у тебя не получается?

— Жить в реальности. Я постоянно вижу злые картинки и слышу, как меня кто-то обсуждает. Вижу тени.

— Я помогу тебе. Ты только скажи, как. Хочешь, мы будем каждый день гулять и я буду защищать тебя от монстров?

— Хочу, но это не поможет. Мне страшно. Мне постоянно страшно.

— А ты думай обо мне, когда тебе страшно. Или звони.

— Нам запрещают звонить. Только раз в день.

— Вот и звони мне раз в день, когда за тобой охотятся монстры.

— Я устал, Роберт. Прости меня.

Он прилег на кровать и закрыл глаза. Роберт поцеловал его в щеку.

— Пусть тебе снятся только хорошие сны. А если не хорошие, то я защищу тебя. Ты только

думай обо мне.

— Я и так думаю, балбес. Я думаю обо всех вас.

***

О его смерти он узнал от родителей. Они не пустили его в морг, посмотреть на тело, ну и слава богу. Он бы не вынес этого зрелища. Карл сбежал из больницы, украл одежду из подсобного помещения и пешком дошел до Элм-стрит. Там он вышел на железнодорожные пути и долго ждал свой поезд. «Поезд унес его в страну воображения, — думал Роберт, — в хорошую страну, в которой ему никогда не будет страшно». В семье теперь все изменилось — стало хуже. Папа и мама почти совсем перестали разговаривать с Робертом. Они так увязли в своей горькой потере, что совсем позабыли про второго сына. Через год они развелись, и Роберт остался с мамой. О смерти Карла никто из них и никогда не говорил.

***

Роберт стоял у могилы Карла. Он редко ходил сюда, потому что не принимал тот факт, что его брат лежит в земле, что он бесследно исчез. Ему хотелось верить в то, что он далеко отсюда, радуется новой жизни и ничего не боится.

— Привет, Карл, — поздоровался он. — Я не знаю, куда тебе говорить. Вниз, в землю, или наверх, в небо.

С момента, как Роберт узнал о том, что у брата шизофрения, он прочитал миллион статей о психиатрии и был очень мнительным по отношению к себе. Он понимал, что наследственная теория болезни не доказана на сто процентов, но статистика была неутешительной. Каждый раз, когда Роберта посещали вспышки интуиции, где-то глубоко в его подсознании всплывал страх оказаться больным.

— Я не окончил психоанализ, — сказал он. — Хотя и пошел туда ради тебя. Надеюсь, ты на меня не в обиде. Знаешь, у меня был друг. А может, и есть друг. Он помешал мне. Я думал, что мог спасти тебя. А потом думал, что смогу спасти его. — Он опустился коленями на траву. — Сейчас я думаю, что в моей помощи, возможно, нуждается одна женщина. Пожалуйста, Карл. Хоть кому-то я должен помочь.

Карл не ответил, но Роберту стало намного легче. Он поднялся и пошел прочь. Теперь он озвучил эту мысль, и она стала более весомой для него. Если Нина замешана в смерти Ника Кейва, он поможет ей. Не так, как Алексу. Он спасет ее.

Часть 2. Дневник. Глава 1

7 марта 2012 г.

Я только что пришла из школы, и то, что сейчас случилось... Мне не верится. Дорогой дневник, я, кажется, влюбилась.

Я почувствовала его взгляд, как только зашла в дом. Меня сразу же обдало волной любви и доброты. Он смотрел на меня все время, пока мы ехали в лифте, а я боялась повернуться и обнаружить, что там какой-то некрасивый человек. Но я обернулась, и он оказался восхитительным. У него светлые волосы и чуть загорелая кожа. И эти глаза. Меня как будто пронзила стрела, как только я на него посмотрела, мне пришлось отвести взгляд. Его нельзя вынести. Он чуть-чуть старше меня. Я как будто заглянула в вечность. Мне хочется плакать от счастья, но я боюсь, вдруг я ему не интересна. Вдруг я больше его не увижу. Я прямо сейчас пойду вниз и буду ждать его.

8 марта 2012 г.

Вчера у меня был первый раз. Я нашла его, и теперь мне не хочется писать в дневнике, потому что я могу все рассказывать Эдди. Прости, дневник, если я буду редко к тебе возвращаться. Вчера, когда я вышла к нему, он уже ждал меня там. Никого не было рядом, как будто время остановилось. Мы просто стояли и смотрели друг на друга. А потом он меня поцеловал. Я ни разу не целовалась до этого. Но это было так чисто, так нежно, как будто наш поцелуй — это истина, которую мы оба долго искали. Он сказал, что его зовут Эд, и пригласил к себе домой. Его родители уехали за город.

Мы ничего не обсуждали, нам просто захотелось тут же слиться друг с другом, поэтому, когда мы пришли к нему, все тут же и случилось.

Я стала женщиной, и он стал моим мужчиной. Мама, наверное, расстроится, я не буду ей говорить.

9 марта 2012 г.

Мы хотим пожениться, потому что не знаем, как еще мы можем закрепить наши отношения. Мы не знаем, что еще можно сделать, чтобы сблизиться. Вчера я весь день провела у него. Мы вместе читали книгу, я положила голову на его колени, и он меня гладил. Каждый момент, проведенный с ним, — частичка вечности, которую мне не хочется отпускать. Наша разлука, даже на одну ночь, кажется мне пустой тратой времени, потому что только с ним я живу.

5 августа 2012 г.

Дорогой дневник, я долго не писала. Это все потому, что мне уже не нужна твоя помощь. Я все рассказываю ему. Мы с Эдди чувствуем себя огромным целым, лучшей в мире парой, которая могла получиться. Я — это он, а он — я. Мы собираемся устроить брачную церемонию для двоих. Мы не пойдем расписываться официально, но проведем ее на нашей поляне в лесу, где мы бываем летом каждый день. Сейчас очень тепло, и это лучшее время для нашей любви. Я надена белый сарафан, сплету венок из ромашек. Все должно получиться по-настоящему. Я уверена, что на небесах наш брак одобряют. Правда, у нас нет

денег на кольца, придется обойтись без них. Хотя я бы хотела, чтобы была какая-то вещь, которая нас объединяет.

11 октября 2012 г.

Эдди занимается скалолазанием, и я его в этом поддерживаю. Он молодец, у него хорошо получается. Он даже ездил на соревнования в этом месяце и завоевал третье место. Я была там с ним, соревнования проходили в другом городе. Мама разрешила мне поехать, и я чувствую себя женой декабриста. Я все время ношу значок с изображением Эвереста, который он мне подарил на нашу свадьбу. На нем нарисованы заснеженные горы, мне очень нравится этот голубой цвет. Недавно я чуть не потеряла его, когда он учил меня взбираться на тренажере. Он упал, и я битый час искала его на полу. А потом оказалось, что я положила его в карман. Эдди было очень смешно, а я перепугалась. Мне кажется, если я его потеряю, то с нами может что-то случиться.

5 января 2013 г.

Дорогой дневник, я разрываюсь от злости. Он решил ехать на Эверест. Ему всего лишь девятнадцать лет. Я смотрела статистику. Каждый год там кто-нибудь умирает, и у меня плохое предчувствие. Я поделилась этим с Эдди, но он не хочет меня слушать. Он говорит, что моя любовь будет хранить его. Я пыталась сказать ему о своем шестом чувстве, которое меня никогда не подводило, но он не верит. Думает, что у меня разыгралось воображение.

Дома происходит черти что, мама все время кричит на меня, а папа уехал куда-то и не вернулся.

Я хочу ехать с ним, но не могу. Я готовлюсь поступать в институт, скоро у меня выпускные и вступительные экзамены. Хочу быть там, может, тогда я спасу его.

15 мая 2013 г.

Эд пакует вещи. Я не разговариваю с ним. Мне очень больно оттого, что он меня не слушает. Он знает, что без него я не смогу жить, но его эгоизм, видимо, сильнее любви ко мне.

Я пишу брату, чтобы хоть как-то отвлечься. Пишу ему уже год: мама говорила, что он учится в гимназии для мальчиков, но ни разу мне не приходил ответ от него. Может, у них там отбирают все письма? В любом случае, сейчас мне не до этого. Это просто способ разгрузить голову.

Я готова залезть в рюкзак Эдди и ехать с ним. Но мама не отпускает. Ночью попробую пробраться к нему в квартиру и уехать.

16 мая 2013 г.

Эдди уехал. Он не взял меня с собой. Ненавижу его.

Роберт крутился на стуле, как маленький ребенок. Он не знал, что делать дальше. После заключения из лаборатории вся его работа, казалось, шла насмарку.

— Ты все еще думаешь, что это убийство? — спросил детектив Кюмри.

— А может быть такое, что эксперты из «Элайн Фарма» ошиблись?

— Все может быть, — ответил Кюмри задумчиво. — Роберт, я понимаю, что ты скоро уходишь в отпуск, и я хотел бы, чтобы ты ушел с чистой душой. Сегодня обещали привезти материалы с камер наблюдения. Если хочешь, я могу посмотреть их с тобой.

— Хочу, если тебя это не затруднит.

— Заметано.

Диски с записями с камер привезли после полудня. Роберт взял себе наружные камеры: две, которые были установлены на входе в клуб, и четыре внутри помещения — две в гардеробе, одна рядом с туалетами и одна на входе в зал. Кюмри занялся записями из зала клуба: там камер было четыре, по одной в каждом углу.

Эта работа обещала быть утомительной, особенно учитывая, что они не знали, что ищут. Они начали просмотр со дня происшествия. Иногда на записях попадались довольно забавные вещи: пару раз Роберт видел, как девушки неуклюже поправляли колготки, ковырялись в носу, а одна вытащила из сумки какой-то пакет (поначалу Роберту это показалось подозрительным), опустила в него руку и достала две поролоновые подкладки. Она огляделась — нет ли рядом кого-то — и ловко вставила их в лифчик.

Кюмри оказался не таким уж занудой — они с Робертом показывали друг другу подобные записи и смеялись; в целом, хорошо, хоть и монотонно, проводили время.

Записи от утра дня происшествия показывали какой-то детский праздник, скорее всего, день рождения. Просто в один момент в зал клуба ввалилась толпа школьников, поела торт, покривлялась на камеру чьей-то мамы, а затем так же дружно покинула помещение.

Было уже шесть часов вечера, когда они добрались до видео, снятого четырнадцатого числа, за день до смерти Ника Кейва. Здесь ничего забавного уже не было, у Роберта болели глаза, и хотелось домой. Все, что он видел, — сменяющаяся череда монтажников, рабочих и уборщиц. Кюмри досталась более интересная часть: он наблюдал за установкой и тестированием сборной сцены и попал на саундчек группы.

— Знаешь, а я ведь тоже был в какой-то мере фанатом Ника Кейва, — поделился он с Робертом.

— Правда?

— Да, у меня даже есть парочка пластинок. Правда, их не на чем крутить. Мы с женой так и не купили проигрыватель.

— А ты расстроился, когда он умер?

— Не то что бы. Музыка осталась, для меня ничего не потеряно. Я не склонен соединять личность артиста с его творениями. Мы и не думали идти на концерт.

— Понятно. Нашел что-нибудь?

— Есть кое-что, но я не уверен, что это то, что нам нужно.

Кюмри позвал Роберта к себе и прокрутил запись, на которой одна из уборщиц со шваброй орудует в пустом зале. Сборная сцена уже была убрана. Роберт недоуменно

посмотрел на Кюмри.

— Смотри дальше.

Они видели ее со спины. Она работала, согнувшись пополам. На ней была желтая униформа и кепка.

— Ничего такая фигурка, да? — усмехнулся Кюмри.

— Ты меня за этим позвал?

Но тут Роберт увидел, как женщина направилась в подсобное помещение, где не было камер, и пропала из виду.

— Ну, она наверняка пошла стирать свою тряпку.

— Сомневаюсь, что на это требуется два часа.

Часы показывали 18.00. Кюмри перемотал запись на 20.10, и они увидели, как женщина выходит из подсобного помещения с большой сумкой. Все эти два часа в зале никого не было.

— Удивительно, — произнес Роберт. — Даже не то, что она там делала два часа, а то, что больше на записи никого нет. Все уже ушли?

Они сравнили увиденное с записями, которые просматривал Роберт: с шести до восьми вечера в клубе не было никого, кроме охраны. Уборщицы ушли в четыре часа дня, рабочие — в половине шестого. Группа закончила саундчек в пять.

— Интересно, что она там делала.

— Вот и я о чем, — согласился Кюмри. — Что она там делала, и что именно находилось в подсобном помещении.

— Я наведаюсь туда завтра. Попрошу показать это место. Если я правильно помню, там коридор, в котором хранится оборудование, и гримерки.

— Сходи. Возможно, и эта злосчастная сцена тоже была там.

Глава 3

5 августа 2013 г.

Эдди умер.

6 августа 2013 г.

Никаких известий, тело не привезли. Говорят, он поскользнулся и упал в ущелье. Конечно, никто доставать его оттуда не будет.

7 августа 2013 г.

Я тоже умерла.

8 августа 2013 г.

Его родители не будут искать тело, они сказали мне это сегодня. Я не могу с ними общаться, я готова убить их за то, что они позволили ему поехать.

13 сентября 2013 г.

Я пью уже месяц, я постоянно пью. Мама не замечает этого или боится признаться себе в том, что у меня проблемы. Но мне все равно. Надеюсь, скоро моя печень откажет, и я умру. Я поступила в университет и прихожу на учебу пьяной. Хотя я прекрасно все запоминаю, моя голова работает отлично, что даже странно. Следующим летом я найду время, чтобы умереть. Сейчас мне нужно все обдумать. Папа не возвращается. Брат не отвечает. Плевать на всех них.

24 ноября 2013 г.

Вчера я пошла гулять в парк. Я не очень понимаю, как это произошло. Я пила, а потом уснула. Проснулась ночью на скамейке, все мои вещи украли, а мой сон перенесся в реальность. Мне приснилось, что я жду здесь Эдди и скоро он придет за мной. Я так поверила в это, что рассказывала об этом двум военным парням, которые нашли меня в ту ночь. У них был отпуск, и они были не на службе. Сначала они были милыми и внимательными, слушали мой бред про Эдди. Потом один из них сказал мне раздеваться. Я послушалась. Мне не хотелось сопротивляться, потому что чем дольше я бодрствовала, тем больше вспоминала. Сначала я думала, что таким образом отомщу Эдди за его выходку с Эверестом. А потом я поняла, что его больше нет. И тогда я перестала сопротивляться совсем. Их было трое, и я просто помогала им.

Я полностью пришла в чувство, когда было уже слишком поздно. Я уже была в их компании, они были милыми и обращались со мной хорошо. Я попросила одного из них позвонить, потому что мой телефон украли. Я позвонила, и мама приехала за мной. Они отвели меня к супермаркету, и один из них даже ждал, когда она меня заберет. Интересно, зачем: чтобы со мной ничего не случилось? Чтобы меня никто не изнасиловал? Или чтобы больше никто? Смешная история.

25 ноября 2013 г.

Мне очень стыдно. Получается так, что я изменила Эдди. Интересно, что бы он сделал, если бы узнал об этом. Наверняка убил бы их. Но я не такая злопамятная, я отпустила этих ребят. Это была моя ошибка и больше ничья.

26 ноября 2013 г.

Я рассказала все маме, во всех подробностях. Она отправила меня к гинекологу и сексологу. Гинеколог спросила, получила ли я удовольствие. Хотела бы я, чтобы она испытала то же самое. А потом я бы спросила, понравилось ли ей. Я на пути саморазрушения. Но я не собираюсь бросать пить.

27 ноября 2013 г.

Сексолог сказал, что либо я очень сильная, и это событие меня не сломало, либо слишком скрытная, чтобы рассказать обо всем. Я думаю, и то и другое. Не знаю, зачем я к нему пришла. Это еще и мужчина.

Роберт приехал в клуб утром, когда никого, кроме охраны, еще не было. Они любезно позволили ему осмотреть все помещения, хотя и ходили за ним по пятам. Подсобное помещение, в котором одна из уборщиц провела больше двух часов, оказалось, как и ожидал Роберт, длинным коридором с множеством дверей. За тремя из них скрывались гримерки, не тронутые после концерта. Так попросил сделать Кюмри, когда впервые побывал на месте преступления. По их договоренности, он обещал делать все возможное ради раскрытия этого дела, если, конечно, оно не было несчастным случаем.

Роберт зашел в гримерку Ника Кейва. Это помещение было самым обыкновенным, что удивило его. Никаких излишеств: в комнате стояли стул, стол, на котором было две бутылки воды, стакан, пепельница с несколькими скуреными и одной незаконченной сигаретой, пара книг: «Братья Карамазовы» и «Смерть Банни Манро». На стенах висели плакаты других исполнителей с автографами. Был и портрет Ника Кейва, очевидно, висевший здесь недавно, с его подписью — «Надеюсь на будущие встречи».

— Бедняга, — сказал Роберт охраннику, тот коротко кивнул.

— Будущих встреч не будет.

— Да.

Роберт осмотрел другие две гримерки — они были еще более необжитыми. После того как музыканты уехали, об их недавнем присутствии напоминали только пепельницы и пара пустых банок от пива в мусорной корзине.

Складское помещение было, проще говоря, свалкой нужной и ненужной техники. В нем находилось с десятков пришедших в негодность барных стульев, около противоположной стены стояли колонки, прожекторы, мониторы и полуразваленная ударная установка. Вокруг всего этого безобразия черными змеями вились провода, часть из которых образовывала запутанные клубки.

— Здесь еще не убирались после того дня, — объяснил охранник.

— А это все вообще рабочее?

— Конечно, оно в таком виде после каждого концерта, наши техники обычно приводят все в порядок на следующий день. Но вы просили...

— Да, я знаю, спасибо.

Отдельное место в комнате занимала конструкция «Хэлл Тэк». В собранном виде она была похожа на уснувшего железного жирафа.

— Вы всегда ее здесь храните?

— Да, — ответил охранник.

— А за день до выступления она была тут?

— Ее разворачивали для того, чтобы провести саундчек, я как раз дежурил в тот день. А потом вернули сюда.

— А зачем ее собирали после саундчека? Ведь было бы логично оставить ее до следующего дня.

— У нас проходил детский праздник в день концерта. Утром здесь было полным-полно детишек. Не хотелось бы, чтобы они игрались с этой штуковиной.

— Понятно. А кто имеет доступ к этой комнате?

— Да все. — Он пожал плечами. — Все, у кого есть доступ в этот коридор.

— То есть любой мог зайти и что-нибудь сделать с этой конструкцией?

— Вы думаете, — глаза охранника расширились, — вы думаете, что кто-то намеренно сделал это?

— Есть такая вероятность.

— Это ужасно.

— Вот-вот. А вы говорите — доступ у всех.

— Вы не планируете отправлять это сооружение на экспертизу?

— Нет, это слишком далеко. Офис компании, которая ее разработала, насколько мне известно, находится за девять тысяч километров от нас. Это слишком дорого, переправлять такую машину.

— А если пригласить эксперта сюда?

— Послушайте, господин детектив, здесь никому это не нужно. Очевидно, что эта машина — не лучший способ организовать пространство. Не удивительно, что она накрылась. По-моему, все здесь понимают, из-за чего сыр-бор.

— И вы не боитесь осуждения публики? Пресса свалится на вас и будет обвинять в убийстве звезды, а вы ничего не попытаетесь сделать?

— Это дело концертного агентства. Это их аппарат, им и отвечать за это. А на нас пока что никто не свалился.

— Но вы же понимаете, что если вскрыется, что кто-то намеренно сломал сцену, и будут искать причину, то проще всего обвинить охрану, которая пустила неизвестно кого в подсобное помещение.

— А это так?

— Я пока не знаю.

— Так, может, вы тогда и осмотрите ее?

— Я попытаюсь.

Не найдя никакой поддержки у охранника, Роберт принялся вглядываться в железные сваи. В комнате было темно, и он ничего не понимал в такой технике, поэтому занятие быстро ему надоело, и он решил обратиться к экспертам. Он набрал номер своего отдела.

— Алло, Сара?

— Да, Роберт.

— Поищи, пожалуйста, техника, который мог бы осмотреть «Хэлл Тэк» на предмет повреждений.

— Когда нужно?

— Сейчас.

— Будет сделано.

— Спасибо, милая. — Все в отделе называли ее «дорогой» или «милой», потому что она была информационным центром их офиса и ни при каких обстоятельствах нельзя было портить с ней отношения.

Он повернулся к охраннику.

— Сегодня приедет техник для осмотра этого устройства. Вы впустите его?

— Без проблем.

Роберт попрощался с охранником, вышел на улицу и сделал еще один звонок.

— Сара?

— Да, Роберт.

— А ты не могла бы запросить у клинингового агентства фотографии и имена всех уборщиц, которые работали четырнадцатого числа?

— Хорошо. Снова сейчас?

— Да, дорогая. Спасибо, ты меня спасешь этим.

5 января 2014 г.

В мире случилась вспышка лихорадки Эбола. Всегда мечтала съездить в Африку. Разве не отличный способ умереть? Нет, я не способна на самоубийство. Это слишком банально, и я не хочу делать это сама. Во мне, пожалуй, слишком сильны инстинкты самосохранения. Что делать, когда мозг жаждет смерти, а тело сопротивляется? Создать себе условия для смерти, чтобы тело попало в безвыходное положение. Я просто поеду и буду там гулять.

1 февраля 2014 г.

Я всегда считала, что у меня есть способности, как у папы. Я подумала, а что бы было, если бы дух Эдди пришел ко мне? Я думаю, что если бы он мог, то он бы точно был всегда рядом со мной. И я думаю, что я бы смогла его увидеть. Было бы прекрасно, если бы мы жили как семья — я и его бестелесная сущность. Тогда мне не пришлось бы больше никогда думать о мужчинах. Мне восемнадцать, и мама все время спрашивает, не появился ли у меня кто-то. Меня оскорбляют такие вопросы.

5 февраля 2014 г.

Каждый вечер перед отходом ко сну я обращаюсь к вселенной и прошу вернуть его мне. Иногда я как будто бы действительно чувствую его присутствие. Но я не вижу его. Я пыталась установить контакт. Любой бы сказал, что у меня стадия отрицания потери. Вчера я дождалась, когда мама уйдет на работу, не пошла в институт, а вместо этого купила доску Уиджи и пыталась вызвать его дух. Я даже почти увидела его, но потом поняла, насколько глупо это все выглядит. К черту эту доску, я сама себе кажусь смешной.

1 марта 2014 г.

Геморрагическая лихорадка. Сначала у тебя появляются головная боль и слабость. Иногда диарея, боль в животе. Это я перенесу. Сухой кашель, обезвоживание, рвота. Геморрагическая сыпь. Если в течение семи дней я не выздоровею (что очень вряд ли), то смогу увидеться с Эдди. Наконец-то мы будем вместе. Он зовет меня, я чувствую это. В последние несколько дней, когда мы виделись, мы практически научились читать мысли друг друга. Если бы я только не злилась на него тогда! Как плохо мы с ним расстались, и это добавляет горечи в мою утрату. Он мог быть на меня обижен и умереть с этими мыслями. Это невыносимо, но это то, что постоянно в моей голове.

Я устроилась на работу в университете, провожу подготовительные уроки для поступающих в следующем году. Очень сложно быть спокойной и дружелюбной со всеми, когда внутри мысли только о нем.

Я, кажется, теряю свои эмоции. Заметила это в первый день занятий. Раньше я всегда волновалась перед выступлением в большой аудитории. Раньше у меня тряслись колени и потели руки, голос срывался. Теперь ничего этого нет.

Думаю, это все из-за боли. Мой организм настолько устал от постоянного страдания, что включил какой-то режим обезболивания и заодно отключил все эмоции. Я чувствую себя камнем. Теперь только мозг помнит о том, как плохо мне было.

21 апреля 2014 г.

Я почти накопила денег на билет. Решила, что не буду ничего говорить маме, оставлю прощальную записку. Мне не хочется с ней ссориться, чтобы не получилось, как с Эдди. Я поеду в Ботсвану. Прекрасная природа и смерть — как раз то, что мне нужно. Мне совершенно не страшно, ведь он рядом. Просто я его пока не вижу.

Роберт вернулся в офис, где его ждали Кюмри и Джон Маккормик, тот самый, которого так сильно мучила жажда, что он решил выпить из улики.

— Ну что, съездил в клуб? — спросил Кюмри.

— Да, допуск к складскому помещению есть у всего персонала. Кто угодно мог туда зайти и испортить оборудование.

— Сара сказала, что ты отправил техника.

— Верно.

— Он приедет к полудню, — послышался голос Сары из соседнего кабинета.

— Замечательно, — сказал Роберт, — если подтвердится моя теория, можно будет заняться допросом подозреваемых и свидетелей.

— Если подтвердится, — повторил Джон.

Без нужных улик и дела они не могли никого опрашивать, ведь сейчас вся версия об убийстве целиком строилась на предположениях Роберта.

К вечеру прислали информацию из клинингового агентства, Роберт налил себе кофе и приготовился к длинной бессонной ночи. Среди работников агентства было тридцать две женщины и семеро мужчин, что говорило о масштабности компании. Похоже, что они заправляли чистотой во всем городе. Мужчины в униформе уборщиков смотрелись довольно забавно. Кюмри и Джон уже ушли. Роберт решил позвонить Нине: все эти дни он часто думал о ней и, несмотря на то, что считал ее подозрительной, похоже, начинал в нее влюбляться.

— Алло, Нина?

— Да, привет, Роберт.

— Как у тебя дела?

— Все хорошо. А у тебя?

— У меня замечательно. Работаю над делом.

— И как, нашли убийцу?

— Нет, мы даже еще не установили, что это было убийство.

— Но ты этого очень хочешь?

— Пожалуй. Я отказываюсь верить, что это всего лишь роковая случайность.

— Знаешь, в моей жизни случалось столько роковых случаев, что я, пожалуй, верю во все.

— А я пока что нет. Ты не хотела бы снова встретиться? Я, кажется, начинаю быть зависимым от тебя.

— Влюбился? — Она рассмеялась.

— Я не знаю. Знаю только то, что хотел бы тебя увидеть как можно скорее.

— Приезжай ко мне сейчас.

— Не могу. — Чего только стоили ему эти слова. — Похоже, что я всю ночь буду просматривать материалы.

— Ладно. Тогда предложи мне встретиться в другой день.

— Предлагаю. Как насчет ужина завтра?

— Отлично, мне это подходит.

— Ну пока.

— До завтра.

Ее голос немного придал ему бодрости и уверенности в себе. Ему захотелось поскорее разобраться с портфолио уборщиц, чтобы завтра с чистой душой соблазнять Нину. Зазвонил телефон.

— Ты настаиваешь на сегодня? — спросил он, взяв трубку.

— Добрый вечер, это Майкл Ман, техник. Я сегодня осматривал сцену «Хэлл Тэк».

— Здравствуйте. Спасибо. Какие результаты?

— Кто-то подпилил трос, на котором было установлено оборудование. Может быть, трос сам так сточился, но это очень вряд ли, учитывая, что сцена использовалась только пятый раз.

— А сколько она служит?

— Я читал гарантийное письмо и инструкцию, при непрерывном использовании, это сооружение должно прослужить пять лет. Кроме того, есть некоторые подозрения насчет креплений.

— Какие?

— Ощущение, что они не новые. Тут есть три варианта: либо крепления были заменены на более дешевые, либо при покупке кто-то недоглядел. Ну и последний вариант: кто-то их истончил.

— То есть как истончил?

— Так же, подпилили.

— Понятно. А что вы сами думаете?

— Мое мнение: все дело в тросе. Он настолько тонкий и острый, что как раз мог бы отрезать какую-нибудь часть тела.

— Спасибо, Майкл. Можно будет получить от вас какое-нибудь заключение, чтобы приложить к делу?

— Конечно, я сегодня же отправлю его на ваш имейл.

Роберт положил трубку и задумался. Выходит, все-таки кто-то сделал это. Неужели уборщица? Он боролся с чувством победы и желанием, чтобы этого никогда не случилось. Настало время приступить к материалам от клинингового агентства.

***

То, что он нашел, было настолько очевидным и точным, что пугало его. Он как будто собирался прыгнуть с трехметровой вышки, чтобы завоевать медаль по плаванию, и кто-то толкнул его в воду. Он ожидал и предчувствовал, что это произойдет, но не был готов к тому, что это случится так быстро. Фотография Нины, с рыжими волосами и в желтой униформе, шла седьмой по счету. Дальше искать не было смысла.

Ее красивое лицо с широко открытыми голубыми глазами смотрело на него с цветной распечатанной страницы. На груди был значок синего цвета. Где-то он уже видел такой значок. У Роберта перехватило дыхание.

Он побежал в комнату с уликами, приложил пропуск и вошел. Прошел к стеллажу с надписью «Дело 506?» (особенно важен был знак вопроса, потому что дело существовало, но не было официально заведено) и достал коробку с мелкими уликами с места преступления. Отнес коробку к своему рабочему месту и перевернул ее.

Среди вороха пластиковых герметичных пакетов, в которых находилась всякая мелочь от посетителей концерта — потерянные заколки и резинки для волос, пуговицы и прочий

мусор, — лежал один, под номером девять. Роберт взял его и рассмотрел получше. Внутри находился маленький, размером в сантиметр-полтора, золотой значок с изображением Эвереста.

Он позвонил Кюмри, несмотря на поздний час.

— Да, — ответил сонный голос.

— Джеймс, мы открываем дело.

3 июня 2014 г.

Я приехала. Сажу в отеле, тут дешево, грязно и душно. Хочется выйти погулять, но этот день я припасла напоследок. Маме сказала, что уехала с подругами в Прагу и у меня не будет там связи. Поверила. Она всегда мне верит, хоть и боится, что со мной случится какой-нибудь припадок или я буду душить там котят. Я научилась держать себя в руках, я уже взрослая.

Здесь очень жарко. Завтра утром я пойду гулять по улицам, буду заходить в магазины и как можно больше контактировать с окружающими. Как только я пойму, что заболела, возьму рюкзак, заполню его всем необходимым — водой, едой, одеждой — и пойду ставить палатку в саванне. Единение с природой — вот то, что мне нужно. Вряд ли у меня получится сильно уйти от цивилизации, но мне бы хотелось, чтобы рядом не было никого, когда придет время умереть. Никто не должен меня спасать.

4 июня 2014 г.

Африканцы очень дружелюбны. Они всегда мне рады, куда бы я ни зашла. Ни разу никто не попытался заигрывать со мной или взять с меня денег. Может, я так выгляжу — как человек, у которого нечего взять? Сегодня я весь день бродила по улицам, и мне показалось, что здесь совершенно безопасно. Хотя до темноты я решила вернуться, не хочется испытывать судьбу.

7 июня 2014 г.

Завтра поеду в деревню. Нашла вокзал, с которого отправляются автобусы, там нужно быть в семь утра. Я уже собрала вещи. Немного крутит желудок, и появился кашель. Похоже, что время пришло. Не знаю, на сколько меня хватит, главное, добраться до места и не вызвать подозрений. Меня не должны отправить в больницу. Да и какая разница — вряд ли в больнице меня смогут вылечить. Обратной дороги нет, в таком состоянии никто не пустит меня на борт самолета. Я словно стою на краю пропасти и принимаю неизбежное — я должна обязательно прыгнуть туда. Сама.

8 июня 2014 г.

Я попросила водителя высадить меня там, где начинается саванна. Думаю, я примерно в ста километрах от города. Должно быть достаточно, чтобы ощутить одиночество. Мне постоянно хочется пить, температура в палатке невыносимая, и большую часть времени я лежу, высунув голову наружу. Дышать внутри нечем. Воздух такой, как будто наклонился над раскаленной сковородой. Но и загорать при такой температуре не хочется. Моя светлая кожа тут же покроется волдырями.

10 июня 2014 г.

Я никак не могу умереть, как бы смешно это ни звучало. С каждым днем мне становится все лучше. Скорее всего, эти симптомы были обыкновенным отравлением. Неужели придется возвращаться?

Я твердо решила, что это место будет моим последним домом, я не могу отступить. Если ничего не изменится в течение ближайших двух дней, мне придется умереть от голода и жажды. Не очень приятная смерть. Но я ведь решила. Эдди, почему я тебя не вижу?

12 июня 2014 г.

Я начинаю снова кашлять. Как будто мой организм пытается бороться, несмотря на решение мозга. Осталась одна бутылка воды, и мне ее не хватит до завтра.

Завтра, когда припасов уже не будет, я пойду искать воду. Будет забавно, если я стану как Беар Гриллс и научусь выживать в саванне. Скорее всего, меня съест какой-нибудь зверь.

Ночью я слышу звуки животных. Буду ли я бороться, если на меня нападет хищник? Думаю, да. Тело всегда выполняет то, что требуется от него для выживания. Я постоянно слышу стук копыт, шорохи и пение ночных птиц. Мне кажется, что они уже близко, но, может быть, Эдди меня охраняет. Когда я уже готова вступить в схватку, звук утихает. Ночью не так жарко, и я могу спать.

13 июня 2014 г.

Дорогой дневник, ты мой единственный друг в этой жестокой природе. Когда-нибудь мама прочитает его и узнает о моих приключениях. Мы с тобой отправились на поиски воды и встретили бушменов. Они оказались милыми и добрыми. Дети сразу же стали весело скакать вокруг меня, а я без сил повалилась на землю, мой организм оказался обезвожен. Они сделали стоянку и построили вокруг моего тела шалаш из сухих веток и соломы. Я прямо как Венди, попавшая в страну Небыландию. Каким-то образом я смогла изъясняться с ними, у них очень хорошо развит язык жестов.

14 июня 2014 г.

Я почти окрепла и могу ходить. За мной все время ухаживала одна и та же женщина, а двое ее детей заглядывали ко мне, чтобы меня развеселить. Женщину зовут Найя, я очень благодарна ей. Она меня выходила, приносила мне воду и жареное страусиное яйцо. Все, чем они питались эти два дня, делилось поровну, и мне доставался кусочек, даже больший, чем им. Прощлой ночью я слышала их танцы у костра, но не осмелилась выйти из своего убежища. Мне казалось, что я подглядываю за ними, что не очень прилично. Они хлопали в ладоши и играли на каком-то деревянном музыкальном инструменте. Мне очень стыдно перед Эдди, но чем больше я здесь нахожусь, тем больше мне хочется жить. Эти счастливые люди не знали цивилизации, но их жажде жизни можно позавидовать. У них никогда не было ни книг, ни дома, но духовные и моральные принципы их общины непоколебимы. Они помогают друг другу, даже дети. Они все понимают.

15 июня 2014 г.

Старейшина их племени подозвал меня поговорить и объяснил, что они должны отправиться в путь. Оказывается, они путешествуют постоянно и так долго задержались здесь только из-за меня. Он спросил, могу ли я двигаться дальше, и я согласилась. Он пообещал, что выведет меня на дорогу, где я смогу найти людей, таких как я.

16 июня 2014 г.

Мы шли несколько часов и остановились там, где было больше всего деревьев.

Мужчины решают, где нам встать. Женщины и дети тут же отправились на поиск съедобных плодов, а мужчины — на охоту. Когда женщины не заняты собирательством, они нянчат и кормят своих детей грудным молоком, несмотря на то, что дети уже давно умеют ходить. Иногда они делают бусы и браслеты из семечек какого-то фрукта, из костей или камней. Сегодня я научилась танцевать по-бушменски. Первая женщина берет круглый плод, похожий на арбуз, и начинает с ним двигаться в такт хлопкам остальных. Потом она его подкидывает, и плод ловит следующая женщина, которая повторяет ее движения. Этот танец похож на игру с мячом, но он имеет и духовное значение: он означает поклонение природе и ее оплодотворяющим функциям.

16 июня 2014 г.

Сегодня мы очень долго шли. После многочисленных уговоров мужчины все-таки взяли меня с собой на охоту. Они используют копья, чьи наконечники смазаны ядом каких-то насекомых. У каждого мужчины есть маленькая сумка, в которой хранится горсть высушенных личинок. Мне не разрешили прикасаться к ним, они пользуются палочкой, чтобы намазать эту смесь на конец копья. По древним поверьям, одной каплей такого яда можно было убить слона или жирафа. Но чаще всего они охотились на птиц, как и сегодня. Мужчину, который мне все это рассказывал, зовут Эйе. Ему около двадцати лет, но выглядит он на все сорок, у него высушенная солнцем кожа и впалые щеки.

Второй подъем Роберта на лестницу к «Элайн Фарма» был уже не таким тяжелым. Видимо, его ноги натренировались после прошлого раза. Он подошел к той же самой девушке и показал удостоверение.

— Вы к Кэт? — спросила она, узнав его.

— Не совсем, — ответил Роберт, не зная, как объяснить свой визит, чтобы не испортить Нине карьеру. — Дело в том, что результаты тестов, которые я просил сделать, выдавала мне другая сотрудница. Нина.

И тут он вспомнил, что не знает ее фамилию. Если он сейчас назовет ее полное имя, которое было в досье от клинингового агентства, какова вероятность, что оно совпадет с именем, под которым Нина работала в «Элайн Фарма»?

— Нина Грин, — сказал он и ждал реакцию девушки.

— Ах да, у нас тут только одна Нина. Проходите. — Она открыла турникет. — Вы знаете, куда идти?

Девушка объяснила Роберту, где находится кабинет Нины, и проводила его взглядом до лифта. Роберт поднялся на пятый этаж, подошел к двери и постучал.

— Войдите, — отозвался женский голос.

Он оказался в небольшом кабинете, где все было белым: белый стол, белый шкаф, белый ноутбук и белый монитор.

— Стильно тут у вас.

— Да, тут все оформлено в больничном стиле, мне это уже осточертело, — ответила Нина. — Ты пришел ко мне?

— Да, к тебе. Мне нужно кое-что отдать тебе.

— Присаживайся.

Роберт взял стул, стоявший у противоположной стены, и немного замешкался, не зная, ставить его на противоположной стороне стола или рядом с ней. В конце концов он сел рядом с Ниной, так, чтобы не было намеренной конфронтации. На мониторе Нины была трехмерная модель каких-то жутких перепутанных спиралей, которые она крутила и так и эдак, видимо, чтобы получше рассмотреть.

— Видишь? Это белок, — сказала она.

Он сходил с ума от запаха ее духов, ее волосы были слишком близко и касались его щеки: он уже пожалел, что сел рядом. Он решил не мешкать и достал из портфеля маленький пакет.

— Что это? — спросила Нина.

— Сама мне скажи.

Он вытащил улику из пакета и передал ей.

— Это не мое. — На лице Нины выразались сомнение и страх.

— Это твое, Нина.

— Ладно, мое. Где ты это взял?

— В уликах с места преступления.

— С места преступления?

— Да, теперь уже точно известно, что это было убийство.

— И что ты хочешь этим сказать? — В ее голосе чувствовались нотки раздражительности.

— Я пока ничего не хочу сказать. Я просто даю тебе повод для раздумий, чтобы нам было о чем поговорить вечером.

— Ты как мама с ее «поговорим дома». Понимаешь же, что я теперь буду мучиться весь день. Зачем ты пришел?

— Нина, я очень хочу, чтобы оказалось, что это не ты все устроила. Я даю тебе время подумать над своим алиби.

— Понятно, — коротко ответила она. — А теперь иди, не мешай мне работать.

Роберт вышел из кабинета.

19 июня 2014 г.

Я не помню последние три дня своей жизни. Помню только, как это началось. Я украла у Эйе его мешочек с ядом. Ночью ушла за пару километров от места стоянки и съела все, что там было. Кажется, меня нашли утром две бушменки, они тут же поняли, в чем дело, и притащили мое тело обратно в лагерь. Помню, что мне было ужасно плохо, меня тошнило кровью: думаю, из меня вылился титр крови, не меньше. Еще я помню один из вечеров: было темно, и я лежала у костра, а вокруг меня танцевали мужчины и женщины во главе с одним, одетым в птичьи перья, должно быть, шаманом. Помню, как он наклонялся ко мне и терся щекой о мою щеку. Эйе сказал, что так он передавал мне силу, полученную от высших духов во время танца.

Ох и много хлопот я им доставила, не знаю, как они до сих пор не съели меня. Они действительно обладают безграничной добротой, потому что после этого случая они подослали ко мне одну девушку моего возраста, Катуну, и попросили ее поговорить со мной, понять, почему я это сделала. Интересно, что это — зарождающаяся психотерапия или просто сочувствие?

20 июня 2014 г.

Сегодня ко мне подходил шаман, старик под девяносто лет (на самом деле им всегда меньше, чем кажется из-за сухой кожи и палящего солнца) и сказал, что это чудо, что я выжила. Никто из бушменов не выживал даже от небольшого количества яда, а я съела целую горсть. Мне тоже это кажется странным, еще чуть-чуть, и я поверю в то, что у меня иное предназначение. Может быть, мне не суждено умереть здесь?

21 июня 2014 г.

У меня адски болит голова и тошнит. Надеюсь, я не заразилась Эболой. Я вспомнила, что в тот день, когда я отравилась, ко мне приходил Эдди. Я видела его сквозь красную пелену крови. От него исходило желтое свечение, но он не звал меня с собой. Сон это был или нет, но теперь я думаю, что он бы не хотел моей смерти.

Сегодня, когда мы с женщинами танцевали, я почти вошла в религиозный экстаз, и мне почудилось, что он стоял там, за сухим кустарником, в тени большого дерева. Когда я взгляделась получше, он ушел, но эта эмоция, эмоция любви, так и осталась со мной. Я чувствую, что он меня любит, и я бы хотела жить с этим чувством. Мне уже не так больно: я знаю, что он рядом.

Сегодня мне сказали, что мы приближаемся к дороге и завтра я смогу уйти. Я попросила взять с собой несколько их вещей на память, они дали мне двое бус и поилку из страусиного яйца. Я попросила подарить мне мешочек с сушеными личинками — они долго совещались, но в конце решили не давать. Шаман сказал, что в цивилизованном мире некому больше будет доставать меня из мира духов. Эйе показывал мне, как эти личинки выглядят, поэтому я решила воспротивиться их запрету. Ведь это было бы так метафорично — держать у себя причину своей почти что смерти и знать, что в любой момент времени я могу ею воспользоваться, стоит только пожелать этого. Я дождалась, когда меня никто не

видел, оторвала кусок футболки и собрала туда горсть живых букашек с землей. Теперь у меня есть свой мешочек для охоты.

22 июня 2014 г.

Я еду в автобусе, меня посадили бесплатно. Конечно, о том, чтобы вернуть свою палатку, и речи не шло. Хорошо, что у меня хватило ума хотя бы взять с собой рюкзак с документами и деньгами. Бушмены не прикасались к нему все время, что я была в их общине. Я сказала Найе, в какую сторону идти, чтобы найти мой лагерь. Вдруг им пригодится что-то из моих вещей.

30 июня 2014 г.

Я взяла билет до дома и позвонила маме. Она в истерике. Интересно, от кого у меня такая склонность к фатальности?

Лечу в самолете. Перед отлетом меня проверяли в карантинной зоне. Я видела, как одну африканку разлучили с мужем, потому что он был заражен. Мне было ужасно больно на нее смотреть, ведь она почти как я — только хуже. Она знает, что он еще жив, но, скорее всего, больше никогда его не увидит. Сейчас его отправят на лечение и обследование в какую-нибудь европейскую страну, а о ней все позабудут. Там он умрет, и ей, в лучшем случае, вернут его тело.

В лифте Роберт встретил Кэт, она мило улыбнулась ему. Они какое-то время неловко молчали.

— Как ваше здоровье?

— А, вы про тот день? Хорошо, я просто взяла отгул, так как всю ночь работала над вашим анализом. А как продвигается расследование? Вам помог результат?

— Оно, по крайней мере, сошло с мертвой точки.

— Разумеется, после таких открытий. До свидания.

Она вышла из лифта на третьем этаже, и он не успел спросить ее, какие открытия она имела в виду. Возвращаться он уже не стал. Он понял все без разъяснений: что-то было найдено в этой бутылке. Сегодня вечером придется получше опросить Нину.

Придя в офис, он первым делом составил список подозреваемых. Теперь было можно.

Детектив Кюмри наконец-то начал интересоваться этим делом, после того как выяснилось, что «Хэлл Тек» была неисправна. Роберта так и подмывало выйти в центр комнаты и громко проскандировать: «Я же говорил!» Но он не стал этого делать.

Вместо этого он собрал совещание, чтобы представить свои догадки всем коллегам. Дело должно было пойти быстрее, у него оставалось всего несколько дней до отпуска.

— Нужно отправить бутылку на экспертизу в главный отдел. У них есть оборудование для проведения таких исследований.

— С чего ты вообще взял, что тебе предоставили неверный результат?

— Я не могу пока сказать. Не хочу раскрывать информатора, — соврал Роберт.

По помещению прокатился смех.

— Информатор об убийстве Ника Кейва? Ты гангстерских боевиков насмотрелся?

— Хватит, парни, — пресек их Кюмри, — кто-то уже озаботился медицинской экспертизой?

— Да, умер от потери головы, — сказал Джон, снова вызвав всеобщее веселье.

— А больше ничего не проверяли?

— Проверяли, — сказал Роберт, — он действительно умер от обезглавливания. Но ведь и из бутылки никто не пил.

— Давай посмотрим на это со стороны убийцы. Возьмем, предположим, вариант, что в бутылке был яд. Тогда получается, что его хотели убить и ядом, и обрушившейся сценой? Не многовато ли для одного человека?

— Это типичная ситуация сокрытия преступления, — ответил Роберт. — Очень сложно спланировать все так, чтобы его насмерть придавило какой-то техникой. Возможно, изначальный вариант был таким: отравить, а потом замаскировать это под несчастный случай. Никто не будет искать виноватого, когда на человека с трехметровой высоты упали железные балки.

— Но что-то пошло не так, и вместо того чтобы придавить его или слегка покалечить, ему отрезало голову, — продолжил Кюмри. — Это верно. Но только при условии, что в бутылке был яд. Только тогда это имеет смысл.

Роберт вспомнил, как Нину стошнило в день их первой встречи. Он примерил на нее образ убийцы. Если бы он планировал покалечить человека, а вместо этого жертва лишилась

бы головы, он, возможно, среагировал бы так же.

— А если яд был, но кто-то подменил его? — Роберт пытался растормошить коллег.

— Либо подменили результаты анализа — и тогда мы имеем повод подозревать сотрудников «Элайн Фарма», либо саму бутылку. Тогда подозрение ложится на кого-то из нас? — предположил Джон.

— Я бы не стал рассчитывать на второй вариант, — возразил Кюмри, — все-таки хочется верить, что мы все — дружная семья.

— Таким образом, мы сужаем круг подозреваемых до нескольких человек, а именно — сотрудников «Элайн Фарма», которые были в лаборатории в промежутке между моим посещением и выдачей результатов. Я знаю точно, что среди них была Кэт Миди, биолог-лаборант.

— Нужен полный список. Включая охранников. — Кюмри уже раздавал указания, что не нравилось Роберту, потому что это было его дело от начала и до конца.

— Я все сделаю, — ответил он, — допрос устроим в пятницу.

— Что с ядом? — спросил Джон. — Кто берет его на себя?

— И это я тоже сделаю.

— Прекрасная работа, новичок. — Только похвалы от Джона ему еще не хватало.

Они разошлись. Роберт пока не хотел ничего говорить коллегам о Нине: у них только-только зарождались прекрасные любовные отношения, и он не мог никому позволить испортить их ложными подозрениями. Он позвонил в главное отделение и попросил их провести экспертизу воды в бутылке. Затем позвонил в службу доставки и передал груз как «особо хрупкий».

1 августа 2014 г.

Прошло достаточно времени, чтобы моя поездка в Ботсвану казалась странным сном. Мама тогда очень расстроилась, она не хотела отпускать меня ни на шаг. Все время говорила о том, на какие жертвы ей пришлось пойти, чтобы меня вырастить. Ага, наверное, она имела в виду отца, которого спланировала в психушку. Я узнала об этом случайно, когда пыталась найти свой загранпаспорт, который хранился вместе со всеми документами семьи. Не хочу к нему идти. Вдруг он окажется не моим отцом, а каким-нибудь психом. Паспорт, как оказалось, мама припрятала среди своего нижнего белья. Думала, я никогда не посмею рыться в ее кружевных трусиках.

5 августа 2014 г.

Все случилось очень быстро, я переехала жить отдельно в квартиру, которая пустовала с момента смерти бабушки. Да у нас практически больше квартир, чем людей. Хотя бы у братишки дела идут хорошо, надеюсь, что ему никогда не понадобится наша помощь. Я съехала прочь от этой семейки. Чего удивляться, что у меня в детстве были проблемы. Надеюсь, у Мэла их нет.

6 августа 2014 г.

Я очень скучаю по Эдди. Я постоянно разговариваю с ним. Никак не могу понять — отвечает он мне или у меня слуховые галлюцинации. Когда-нибудь надо будет навеститься к психологу. Лет в сорок, возможно. Но, наверное, тогда я сама смогу справиться со своими проблемами. Интересно, как я буду выглядеть в сорок лет.

3 сентября 2014 г.

Занятие в университете снова начались. Я работаю лаборантом на своем отделении, помогаю преподавателям химии и биологии. Я совсем свыклась со своими внутренними голосами. Сейчас, когда боль утраты стала понемногу стихать, я начинаю получать удовольствие от своего общения с Эдди. Я чувствую себя по-настоящему защищенной, как будто он присматривает за мной.

1 января 2015 г.

Я провела это Рождество и Новый год вместе с ним. Мне немного стыдно за мои увлечения, но недавно я начала изучать магию. Магия — это не то, что написано в книгах Джоан Роулинг. Магия — это система постулатов, один из которых предполагает, что материя, энергия и информация имеют единую природу, а значит, могут преобразовываться друг в друга. Это очень интересно. Посмотрим, что из этого получится усвоить. Все это только для того, чтобы не только слышать, но и видеть Эдди. Сейчас я уже полностью уверена в том, что он действительно рядом.

9 февраля 2015 г.

Сейчас мы изучаем биоэнергетику.

Это ведь не попытка повернуть время вспять?

Эдди говорит, что я все делаю правильно. Мне так не хватало его поддержки. Какая же я дура, что пыталась умереть.

У меня успешно получается поддерживать жизнь в моем террариуме со смертоносными жучками. Я наблюдаю, как из яиц вылупляются личинки, они питаются листьями (удивительно, но любимыми), растут и превращаются в маленьких жучков с черными точками. Как божьи коровки. Можно называть их сатанинскими коровками.

Я прочитала в Интернете, что их яд — диамфотоксин — один из самых опасных ядов в мире. Думаю, ту поездку можно считать поворотным моментом в моей судьбе. Эти жучки мне еще пригодятся, но надеюсь, не очень скоро.

Мы с Эдди почти перебороли мою депрессию.

Перед встречей с Ниной Роберт решил запросить повторную в этом месяце аудиенцию с Алексом. Пришлось подписать несколько бумаг и соврать, что это нужно для расследования, но в конце концов его пустили и выделили дополнительные четыре часа для посещений. Он не собирался расходовать их все, полагая, что позже ему может понадобится помощь Алекса. Сегодня он хотел только получше рассмотреть своего друга, запомнить все его жесты и мимику, чтобы вечером развеять свои опасения насчет их с Ниной родства.

Он вошел в привычную ему комнату для свиданий. Алекс был не похож на себя. Его лицо осунулось за эти пару недель, под глазами были темные круги, а руки тряслись.

— Ты болеешь? — коротко спросил Роберт.

— Вроде того. Ты уже, наверное, помнишь, что на момент теракта я уже знал, что у меня опухоль.

— И тебе было нечего терять.

— Я сделал это не поэтому, а чтобы доказать подлинность своих выводов в курсовой работе.

— Все ради учебы?

— Нет, ради человечества. Когда-нибудь мое дело найдет внимательный студент и напишет об этом научную статью. Может быть, к нему даже прислушаются законодатели и что-нибудь с этим сделают.

— Почему ты так хочешь изменить что-то в мире?

— Потому что я один из тех, кого тебе называл. У меня синдром бога, Стокманн был прав. Я хотел, чтобы меня заметили, мне нужно было, чтобы обо мне узнали. Я хотел сделать что-то существенное в своей жизни.

По откровенному тону Алекса Роберт понял, что ему осталось недолго.

— Тебя осматривали врачи?

— Да, неоперабельная опухоль печени.

Только сейчас Роберт обратил внимание на его желтые белки глаз и как будто бы загоревшую кожу.

— Может, тебе показаться другим врачам? — не унимался Роберт.

— Дружище, просто смирись с этим. Мне не страшно, это должно было случиться когда-нибудь. Не сорок лет же мне гнить в этой дыре.

Роберт подошел и обнял друга. Так они простояли пару минут.

— Зачем ты все-таки пришел?

— Я хотел бы узнать о твоём прошлом. Кем были твои родители, как тебя усыновили.

— Я не помню этого. И в этом есть свои плюсы.

— Тебе ведь было восемь лет.

— Все верно, если бы ты внимательно слушал записи моей беседы с психиатром тогда, перед тем как меня посадили, ты бы знал это. — Роберт с сожалением кивнул.

— А почему ты этого не помнишь?

— Думаю, это какой-то защитный механизм. Мое подсознание решило спасти меня от тяжелого детства. Я помню только маму, которая меня предала и решила сдать в детский дом.

— Какой она была?

— Она была взбалмошной. Все время суежилась, командовала, а еще она считала себя жертвой обстоятельств.

— А какими были обстоятельства?

— Я не помню, Алекс. Но семья у нас была тяжелая. — Он провел рукой по лицу.

— Что это за жест? — тут же спросил Роберт.

— Какой?

— Вот это. — Роберт повторил движение Алекса.

— А, это. — У Роберта возникло ощущение дежавю. — Я с детства так делаю. Не помню, почему.

— Когда ты так делаешь, то испытываешь какую-то определенную эмоцию?

— Не знаю, Роберт. Чего ты ко мне привязался. Я устал.

— Потерпи еще немного.

— Как продвигается твое дело?

— Какое дело?

— О той женщине-убийце.

— Я надеюсь, что это не она.

— Вот как. Значит, она втерлась к тебе в доверие.

— Неправда, просто она очень хорошая.

— Или хорошенькая? — Алекс усмехнулся.

— Нет, она хороший человек.

— Я знал одну девушку, она тоже была хорошим человеком. А потом оказалось, что она задушила свою собаку.

— То есть как — задушила?

— Вот так. Она любила драмы. Я бы так это назвал. Она била собаку, чтобы потом горячо с ней помириться. Думаю, на самом деле она любила эту собаку. Потому что после каждого удара были тисканья и она извинялась перед ней. Однажды она перестаралась и больше не смогла извиниться.

— Что это за девушка?

— Я не знаю. Просто помню такой эпизод.

— Понятно.

Роберт пытался наложить образ этой девочки на Нину, но у него никак не получалось.

— Что ты прочитал за последние дни? — спросил Алекс.

— Ничего.

— Дружище, прочитай «Мизери» Стивена Кинга, это бомба. Я недавно увлекся его творчеством. Надеюсь, твоя подруга не из таких женщин.

Они еще немного поговорили о болезни Алекса и распрощались.

***

По возвращении в участок Роберт тут же решил снова пересмотреть дело Алекса. В графе «родители» был указан номер детского дома, в котором Алекс рос. Недолго мешкая, он решил наведаться туда.

Старшая воспитатель, полная женщина средних лет, холодно отнеслась к его просьбе, однако, после того как он показал значок, повела его в архив, где хранились записи обо всех живших здесь детях.

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы я рылась в этой куче бумаг, — сказала она и закрыла за

ним дверь, оставив одного в комнате.

На огромных стеллажах до самого потолка располагались ящики, на каждом из которых было указано три первых буквы имени. До некоторых из них было не достать, не встав на стремянку. Слава богу, что фамилия Алекса — Коул — находилась посередине. Вся эта комната напоминала ему огромную библиотеку, где хранились читательские билеты. Должно быть, этот детский дом был очень старым.

Он перерыл два ящика и ничего не нашел. Потом решил заглянуть в другие, на букву С, и он тут же наткнулся на нужную папку.

Он сел за стол и открыл сшитую обветшалую стопку бумаг. На первой же странице было указано, что мальчик взял новое имя, причем за разъяснениями необходимо было обратиться в аппендикс, где были приложены отчеты детского психолога.

Роберт нашел отчеты и принялся читать. В них говорилось о том, что у мальчика была тяжелая психическая травма из-за его отца, и каждый раз, когда кто-то произносил его имя, тот впадал в истерику. Отец часто звал его по имени и показывал рожицы. Эти рожицы, как впоследствии было установлено, были не чем иным, как множественные личности профессора Грина.

Теперь Роберту стало ясно, откуда взялся этот жест. Он напоминал ему движение мима, который как бы снимал невидимую маску. Этой маской была очередная личность Филла Грина, отца Алекса. И возможно, Нины.

Роберт записал в блокнот всю необходимую информацию о родителях Алекса и вышел.

— Ну как, нашли что-нибудь? — спросила на выходе полная женщина.

— Все, что мне было нужно.

***

В офисе Роберт открыл справочник и начал искать по фамилии Грин. Эмма Грин, так звали маму Алекса, и Роберт обзвонил с десятков женщин с таким именем, прежде чем его звонок достиг цели.

— Миссис Грин? — спросил он, уже ожидая ответ «да», который ни о чем ему не говорил.

— Это моя старая фамилия. А кто спрашивает? — Роберт чуть было не положил трубку, но осекся.

— Детектив Пэл, разведывательное управление. — Он немного помолчал, чтобы она усвоила эту информацию. — У вас был сын Алекс?

— Знаете, детектив или кто бы вы ни были. Это плохая шутка. Больше не звоните.

Роберт понял, что обратился по адресу, и снова набрал тот же номер.

— Он жив и нуждается в вас, — сказал он скороговоркой.

— Вы правда детектив? — спросила она.

— Да.

— Где он? Что вам нужно?

— Он сидит в тюрьме.

— Боже мой, я так и знала, что это не приведет ни к чему хорошему! Я так виновата перед ним!

— Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне о вашей семье. Есть вероятность, что это может помочь мне в расследовании недавнего убийства.

— То есть вы посадили его за убийство? О господь, дай мне сил!

— Нет, он не имеет к этому никакого отношения. Расскажите мне о ваших детях и

муже.

— Я бы не хотела вспоминать о муже. Это все из-за него.

— Пожалуйста.

Она не знала, как начать. Но начала с желанного ребенка. У нее была дочь, которую они с мужем очень любили. Дочь с раннего детства была непростым ребенком. Они сразу заметили в ней черты жестокости и отвели на прием к психиатру. Тот сказал, что это всего лишь синдром дефицита внимания, и назначил ей таблетки. Она практически поборолла свой характер, но тут родился второй ребенок, и у мужа начались проблемы. У него начала эпизодически пропадать память. Он то и дело пугал детей своими перевоплощениями, а однажды напихал сыну за шиворот бомбочку, из-за чего тот получил сильные ожоги кожи спины.

Ребенка отправили в больницу, а отца на медицинское освидетельствование. Органы опеки грозились забрать ребенка, если ситуация в семье не изменится.

Ситуация не изменилась, а новая личность Филла Грина пугала детей своей холодностью. Миссис Грин сказала, что это как с материнством: после родов всегда случается родовая депрессия, и у ее мужа случилось что-то подобное с рождением Мэла. В результате у них забрали младшего ребенка, а отца положили в больницу.

Ему не становилось лучше, и со временем он переставал узнавать даже свою жену. Она все реже приходила его проведать и не сообщала дочери, где он находится, чтобы лишний раз не тревожить ее.

Она узнала, что он умер, только когда позвонили из больницы много лет спустя.

— Как зовут вашу ночь, миссис Грин? — поинтересовался Роберт в конце.

— Нина. Она замечательная девушка, теперь уже женщина. Вам обязательно нужно с ней познакомиться, она расскажет о нашей семье со своей стороны. Я недавно с ней общалась, она говорила, что работает в компании...

Роберт положил трубку.

У него складывалось ощущение, что кругом его преследуют роковые случайности. Он даже составил личную карту совпадений. У его мамы и Алекса была одинаковая болезнь, лекарство от которой пыталась найти Нина. У него был брат, который оказался болен, и у Алекса была психически неполноценная сестра. Теперь судьба связала их четверых в тугую узел, и как уложить это все в голове, Роберт не знал. Все это должно было складываться в красивую схему, всему должна была быть одна-единственная причина. Не может быть, чтобы это все было просто стечением обстоятельств.

— Все будет хорошо, — сказал Эдди, обнимая Нину.

— А что, если он все узнает?

— Он не узнает все. У него не может быть весомых улик против тебя. Ты ведь все почистила?

— Нет, не все. — Она сняла значок и отдала его Эдди. — Ты должен сохранить его для меня. Я чуть не потеряла его.

— Где ты его потеряла?

— В зале клуба, должно быть, когда выходила оттуда после того, как сделала это. Или на следующий день. Я не помню. — Она расплакалась.

Он осторожно поцеловал ее.

— Не бойся ничего. Я тебя смогу защитить.

— Как, Эдди?

— Ты в полной безопасности.

— Знаешь, я тут подумала... Может, поэтому я потеряла эмоции? Не из-за твоей смерти, а потому что всегда и везде чувствую себя уютно и ничего не боюсь?

— А ты не думала о другом варианте?

— О том, что я болею?

— Да.

— Думала. И о галлюцинациях тоже. Но я не хочу в больницу.

— Если тебя раскроют, то это то, чего нам стоит добиваться. Этот детектив Пэл, как он к тебе относится?

— Мне кажется, он в меня влюблен.

— Отлично, это нам на руку. Поддерживай его в этом состоянии, он должен попытаться помочь тебе. Если что-то случится, настаивай на том, что ты была невменяема.

— Ты даже не ревнуешь?

— Ревную, конечно. Но для меня важнее, чтобы ты была на свободе.

***

Роберт раздумывал о предстоящей встрече с Ниной: решится ли он рассказать ей, что ее брат найден? Что хуже: не иметь брата совсем или быть сестрой преступника?

Весь пазл должен был вот-вот сложиться, но разве существует одна причина, которая могла бы объяснить все это?

Нельзя ли придумать лучший сценарий жизни: родиться в семье с неполноценным братом, потом пойти на психологический, затем разочароваться в людях, уйти в полицейскую академию и спустя полгода наткнуться на такое убийство?

Вселенная явно что-то хотела от него, но он не понимал, что именно. Он уже почти поверил в то, что это Нина убила Ника Кейва, но зачем ей это было нужно?

Когда он пришел, она уже сидела за столиком кофейни, где они встречались в первый раз. Был чудесный осенний вечер, и Роберту было немного совестно за то, с чего он планировал начать разговор. Он практически распрощался со своей идеей об идеальных отношениях. Главное — не спугнуть ее раньше времени и добиться от нее правды, прежде чем она в возмущении ударит его сумкой.

— Здравствуй. — Она приподнялась со стула и поцеловала его в щеку. Он обомлел от неожиданности.

— Привет, Нина.

— Хочешь спросить меня про значок? — Она указала на Эверест на нагрудном кармашке своей блузки.

— Да.

— Я получила его от человека, которого очень люблю и который умер. Тебе когда-нибудь доводилось терять любимого?

— Это очень грустно слышать. Но да, потерял любимого брата.

— Тогда ты должен понимать, как эта вещь важна для меня. Спасибо, что нашел и принес его мне.

— Но у меня был другой вопрос.

— Как она оказалась в клубе, где выступал Ник Кейв?

Роберт кивнул.

— Да, я была там. Я, можно сказать, его фанатка.

— Ты говорила, что любила его.

— Все верно, только это немного не то, о чем ты думаешь. Это длинная тема, я бы лучше побеседовала о ней в более уединенной обстановке.

Роберт поправил манжеты рубашки.

— Хочешь спросить, почему вы видели меня на камере? Потому что я убирала помещение за день до смерти Ника.

Он вопросительно на нее посмотрел. Казалось, она читает его мысли. Неужели все-таки вселенная говорила о ней?

— А теперь — почему я работала в «Дак-дак клин». Понимаешь, работа в компаниях, которые занимаются уборкой, монтажом, организацией концертов, — лучший способ обеспечить себе проход за кулисы. Я была там даже пятнадцатого числа, потому что мне хотелось увидеть Ника лично. Да, я с ним увиделась, и он пожал мне руку, и дал автограф (благо я успела переодеть к встрече с ним свою униформу). Это было очень здорово. Вот так я развлекаюсь, когда к нам приезжают известные музыканты. Откликаюсь на вызов агентства, говорю, что готова отработать две смены подряд, и вижу с известными людьми. К тому же иногда работа уборщицы помогает не зазнаваться и не забывать, каким трудом достаются деньги большинству людей.

— А тебе они достаются не таким трудом?

— Я имела в виду физический труд. У меня он интеллектуальный.

— Понятно. И поэтому ты проторчала два часа в складском помещении одна?

— Ты сам туда заходил хотя бы раз? — Она усмехнулась. — Там просто рассадник

микробов и пыли, все валяется в полуразобранном состоянии. Да мне только на то, чтобы распутать провода, понадобился час.

— То есть ты там убиралась? После того как весь персонал ушел?

— Да, я люблю эту свою работу. Помогает отвлечься.

— Ладно. Предположим, я поверил.

— Это твое решение, верить мне или нет. Другой вопрос, делает ли это меня подозреваемой?

— К сожалению, да.

— Что, допросишь меня прямо здесь и сейчас?

— Нет, я бы вообще не хотел, чтобы мои коллеги знали о тебе. Иначе наши отношения сочтут серьезным нарушением, поскольку ты фигурируешь в деле.

— Я сохраню этот твой маленький секрет, — сказала она нежно и подмигнула ему.

— Расскажи о своем отце.

— Он был очень интересным человеком. Он был в буквальном смысле многогранным. В детстве мы играли в кукольный театр, и он так хорошо перевоплощался в разных героев, как будто действительно становился ими. Я очень его любила.

— Что с ним случилось?

— Я не знаю. Мама отправила его в психушку, когда перевоплощения стали слишком реалистичными. — Она сказала это с враждебностью. — Три главных личности: девушка-библиотекарь, работавшая копом под прикрытием. — Роберт не сдержался и засмеялся, но резко перестал, встретив ее серьезный взгляд. — Вторая — поджигатель из отряда панков-революционеров, третья — его покойный дедушка, санитар на фронте.

— Покойный?

— Да, он вообразил, будто дух его дедушки общается с ним и таким образом желает видаться с внуками. Забавно, потому что я видела прадедушку на видео — мама хранила старые VHS кассеты, — и его образ был так сильно похож на то, что было у отца, что я почти даже верила в то, что он говорит правду.

— Какие у вас были с ним отношения?

— Сначала очень теплые. Каждый день вечером мы с ним общались, я рассказывала, как провела день в школе. Он знал всех моих подружек, и они говорили, что у меня классный папа. Когда я была маленькой, он читал мне детские книжки и все реплики персонажей озвучивал разными голосами. Все изменилось, когда родился Мэл.

— А это движение, вот это. — И он скопировал жест, который был одинаковым у Мэла (теперь уже Алекса) и Нины. — Это тоже от отца?

— Думаю, да. Я плохо помню. Но, кажется, от него.

— В прошлый раз ты не хотела мне об этом рассказывать.

— В прошлый раз я совсем тебя не знала.

— А сейчас знаешь неделю.

— Неправда, две. Я видела тебя у концертного клуба, помнишь?

— То есть две недели — нужный срок, чтобы начать откровенничать с незнакомцем.

— Две недели — срок, чтобы влюбиться. — Она улыбнулась.

— А где сейчас твой брат?

— Я не знаю, я давно не пишу ему. Мне кажется, у него все хорошо.

— А что бы было, если бы ты сейчас его встретила? Ты бы его узнала?

— Вряд ли. Но что бы было: пожалуй, я бы его убила. — Нина звонко засмеялась.

— Почему?

— Потому что он был бы способом заставить меня разговорить. Он слишком много знает обо мне.

— А если нет? Думаешь, он лучше тебя помнит свое детство?

— А почему ты спрашиваешь?

— Да так. Просто поинтересовался.

— Я не знаю ответ на этот вопрос.

***

Роберт снова неловко стоял на пороге ее дома. Он хотел, чтобы в этот раз их прощание закончилось поцелуем, но этого не случилось.

— Хочешь выпить кофе? — спросила она внезапно.

Он согласился, и они поднялись к ней в квартиру. Ее жилище выглядело минималистично: мало вещей, простая мебель, чистота и порядок. Комната, в которую они прошли, была оформлена в светло-зеленых тонах, этот цвет показался Роберту расслабляющим. Она пошла на кухню заваривать кофе, а он решил осмотреть всю квартиру. Одна из комнат оказалась закрыта. Он подергал ручку.

— Почему ты ее запираешь? — спросил он, присоединившись к ней.

— А, та комната? Та дверь постоянно открывается сквозняком и стучается о стену, из-за чего на ней остаются вмятины. — Она поставила турку на плиту и пригласила следовать за ней.

Она достала из кармана ключ и открыла дверь.

— Почему тогда ключ не оставлять в замке?

— Не знаю, привычка. — Она пожала плечами.

Он прошел в комнату. Она была несколько темнее, чем остальные, в ней были диван, стол и пара стульев. На столе были какие-то бумаги и ноутбук. Одна вещь привлекла его внимание. На кушетке стоял какой-то ящик, накрытый черной тканью. Он подался к нему, хотел откинуть ткань и взглянуть, что там.

— Не трогай! — Ее голос заставил его одернуть руку. — Там ничего интересного, мой террариум с букашками. У них сейчас ночь, не стоит их беспокоить, чтобы не нарушать биоритмы.

— Что за букашки?

— Божьи коровки и червячки. Мне нравится наблюдать за ними, это успокаивает. Навевает мысли о том, что все мы всего лишь маленькие звенья экосистемы.

— Верно. — Он вернулся за ней в кухню.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

После кофе Нина предложила Роберту посмотреть материалы исследования раковых опухолей, если ему было бы это интересно. Он согласился. Они сидели в гостиной на диване очень близко друг к другу, на ее коленях лежали бумаги. Она перелистывала страницу за страницей, а он наклонился к ней, на мгновение ощутив, как мелкий пушок на ее щеке коснулся его. Он ожидал, что это случится снова, и был не в силах этому противостоять. На обратном пути он повернул к ней лицо и поцеловал. Она была удивлена, ее глаза широко раскрылись, но она ответила на поцелуй.

Роберт был обходительным, как будто боялся причинить ей боль. Он аккуратно расстегивал пуговицы ее блузки, углубляя поцелуй. Его пальцы ласкали ее гладкую кожу. Они расположились на диване, и последующие полчаса были посвящены взаимной

нежности.

Когда все закончилось, она закурила, предложив ему сигарету. Он не отказался.

— Что теперь будет? — спросила она.

— В каком смысле?

— Ты теперь не можешь сделать меня подозреваемой. Или нам придется признать это ошибкой.

— Но я этого не хочу. Это было замечательно.

— Мне тоже понравилось, — сказала она, порываясь «снять маску», но не сделала этого, положив руку обратно на колено.

— Интересно, какая эмоция руководит этим жестом?

— Не знаю. Сейчас я подумала, что я уязвима, но потом не стала это делать.

— Я заметил. Значит, ты не чувствуешь себя в безопасности? Почему?

— Я не уверена. А как ты думаешь, какие сейчас у меня эмоции? Мне хочется повторить, но я боюсь твоего допроса.

— Если ты ничего не делала, тебе нечего бояться. Достаточно будет просто говорить правду.

— Ты прав. Я так и поступлю.

— К тому же еще не факт, что мы тебя будем допрашивать. Я постараюсь, чтобы этого не случилось.

— Спасибо, Роберт. — Она поцеловала его.

11 сентября 2015 г.

Дорогой дневник, в университете я встретила замечательного молодого человека. Его зовут Джо, он учится на курс старше меня. Он такой умный, я несколько раз слышала, как он общается с преподавателями, как будто на равных. Любит спорить, но это добавляет ему привлекательности. Я чувствую себя глупенькой девочкой, когда нахожусь рядом с ним. Как мне дать ему понять, что он мне нравится?

Мне ужасно стыдно перед Эдди. Я как будто предаю его, но не могу противостоять этому. Эдди больше нет, а мне нужно продолжать жить дальше.

На учебе я смотрю, где у Джо занятия, и стараюсь как можно чаще мелькать перед ним. Я нахожу кабинет и прохожу мимо него, чтобы он чаще меня замечал. Он здоровается со мной.

5 октября 2015 г.

Я совсем, кажется, потеряла голову от Джо. Я записываюсь во все университетские активности, куда и он, чтобы постоянно быть рядом. Он неплохо ко мне относится, но, я думаю, не более чем к любой другой студентке. Я буду помогать его группе устраивать день биолога. Он тоже в этом участвует, поэтому я согласилась. Надеюсь, он не подумает, что я навязываюсь.

13 октября 2015 г.

Сегодня мы будет всем факультетом отмечать праздник за городом. Он тоже там будет. Я надеюсь в неформальной обстановке дать ему понять, что я уже готова к отношениям, что я не маленькая. В то же время я кажусь себе такой прилипчивой. Но как еще мужчине намекнуть, чтобы он проявил инициативу? Господи, Эдди, прости меня!

14 октября 2015 г.

Вчера мы здорово выпили, и на утро сильно болела голова. Я проснулась на груди у Джо. Сейчас я уже дома, мама пытается выпытать, почему я вернулась такая счастливая. Я не хочу ей рассказывать, иначе начнутся поучения и неловкие моменты: как предохраняться, как вести себя с мальчиком и так далее. Между нами еще ничего не было: мы спали одетыми, так были пьяны. Но он явно понял мой посыл: после этой ночи мы обменялись телефонами и всю дорогу до дома переписывались. Он сказал, что если бы у меня не была яркая красная помада, он бы меня поцеловал. Никогда больше не буду красить губы красной помадой.

1 ноября 2015 г.

Мы с Джо официально встречаемся. Я уже познакомилась с его родителями и понравилась им. Наши отношения можно назвать идеальными: он ждет меня после уроков, и мы вместе едем куда-нибудь гулять. Мы уже несколько раз целовались, но до секса дело пока не дошло.

2 ноября 2015 г.

Дело дошло. Мы были в машине его отца, поехали кататься, а потом остановились около моря. Было часов десять ночи, мы смотрели мультфильм, а потом он начал меня раздевать. Мне понравилось.

1 декабря 2015 г.

Меня бесит Джо. Все эти его побрякушки: новый телефон, новый планшет, постоянное желание выпендриться перед одноклассниками. Он умный, но совершенно пустой внутри, я никак не могу его понять. Мне кажется, что его ничего не интересует, кроме своего финансового благополучия и престижа. Он постоянно хвастается. Еще у него ужасно пахнут губы, как прокисшее молоко. Когда он меня целует, мне хочется отвернуться. Он этого не знает, я тщательно это скрываю. Почему меня так резко стало от него воротить?

6 января 2016 г.

Эдди, Эдди, Эдди, Эдди, Эдди, спаси меня.

Я наткнулась на стену непонимания. Джо не нравятся мои друзья, он запрещает мне с ними видеться. Я должна дружить только с его друзьями. Девушки среди них такие же, как он, — их интересуют только шмотки и дорогие гаджеты. С ними нельзя поговорить по душам, только если сплетничать о ком-то. А я никого не знаю из их компании, чтобы сплетничать. И это низко.

8 января 2016 г.

Я не знаю, как сказать ему, чтобы не ранить. Я ненавижу скандалы и ссоры. Все во мне сопротивляется, когда я вижу негатив. Я не могу причинить ему боль, хоть и хочу уйти. Я никогда никому не причиняла боль.

30 апреля. 2016 г.

Я пью. Даже когда хожу к нему домой. Я прихожу, меня встречают его родители, предлагают ужин, и я остаюсь с ночевкой. А ночью он меня имеет. Так происходит три раза в неделю. Я больше не могу.

Я не могу его бросить, боль от причинения страданий другому для меня невыносима. Он меня любит.

Зачем я только ввязалась в эти отношения? Зачем я сама их начала?

Ни его мама, ни папа, ни он сам не чувствуют никакого запаха. Это довольно странно, учитывая, что я прихожу к нему пьяная уже пару месяцев. Если бы они только спросили, зачем я это делаю, может, кто-то помог бы мне распутать эту проблему.

3 мая 2016 г.

Я бы хотела, чтобы он умер. Это могло бы решить все проблемы. Мне не пришлось бы говорить ему, что я его бросаю, не нужно было бы никаких сцен. И я бы не пила. Мне стыдно за то, что я пью. Но только так я начинаю слышать голос Эдди.

Эд, забери меня отсюда.

5 мая 2016 г.

Я попала в больницу с алкогольным отравлением. Мама постоянно меня допрашивает,

она все это чувствует. Но ведь это она научила меня, что я не должна никому делать больно. Здесь хорошие девочки, по вечерам мы с ними играем в карты, и иногда их друзья приносят им алкоголь. Я выпиваю, но немного.

Джо пару раз приходил навестить меня. Когда-нибудь я должна буду сказать ему. Пока что я ограничилась враньем, что это пищевое расстройство. Когда-нибудь нужно будет сделать ему больно, но не сейчас, сейчас мне хорошо и тепло, и я не буду нарушать это спокойствие.

Утром курьер доставил результаты анализов. В главном отделе работали быстрее, чем Роберт ожидал. Он показал бумаги Кюмри. В заключении они прочитали, что бутылка содержала воду и следы хлорки. Он переглянулись. Не обязательно было искать яд, все и так всплыло наружу.

— Ее промыли, — сказал Роберт. Кюмри кивнул.

— Это кто-то из «Элайн Фарма».

Первой подозреваемой в этом деле была Кэт, которая имела непосредственный доступ к бутылке. Когда она пришла в участок, ее глаза уже и так были на мокром месте. Как только допрос начался, она не смогла совладать с собой и заплакала.

— Я ничего не знаю, — сказала она и всхлипнула.

— Чего вы не знаете?

— Кто сделал это. — Ее голос срывался. — Я не убивала Ника Кейва.

Говорить с ней было сложно, потому что каждая ее реплика прерывалась рыданиями.

— Что вы делали четырнадцатого сентября?

— Я была у подруги. Она может подтвердить.

— Весь день?

— С утра и до шести вечера.

— Как имя подруги?

— Мэй Робертс.

— Она ваша коллега?

— Нет, что вы. Она моя школьная подруга.

— Скажите, пожалуйста, Кэт. — Кюмри сел на стол рядом с ней и попытался говорить как можно более мягко. — Как вы проводили анализ, который Роберт Пэл попросил вас сделать?

— То есть — как?

— Опишите ваши действия.

— Я надела перчатки и защитную маску, вскрыла бутылку, отлила немного в пробирку, затем достала из шкафа реактивы...

— Где все это время находилась бутылка?

— На столе, недалеко от меня.

— То есть вам понадобилась только часть содержимого для анализов?

— Конечно, не всю же мне ее расходовать.

— Скажите, кто-то кроме вас имел к ней доступ?

— Ммм... Наверное, если кто-то заходил в лабораторию во время моей работы, то мог ее взять. Я обычно работаю очень увлеченно, могла не заметить. А с чего такой вопрос?

— Кэтрин, что было в бутылке? — спросил Роберт.

— Я ведь вам присылала результаты. Подождите. — Лицо ее сморщилось, она была голова к новой порции рыданий. — Я ведь тогда уходила домой на следующий день. Не хотите же вы сказать, что Нина что-то сделала...

— Кто такая Нина? — спросил Кюмри.

— Моя коллега, — ответила Кэт. — Я попросила ее в тот день отправить результаты и

составить отчет вместо меня.

— И она делала это не в вашем присутствии?

— Нет, я пошла спать, я очень устала, у меня была такая напряженная ночь.

— Кэтрин, что было в бутылке? Что вы там нашли?

— Диамфотоксин, — ответила Кэт. Роберт и Кюмри снова переглянулись. — Может, Нина мне не поверила и решила заново провести результаты?

— Или попросту подменила ваши тесты, — заключил Кюмри.

— Нет, — она заплакала. — Послушайте, вы не знаете ее, так как я. Она никогда в жизни и мухи не обидит. Она очень хороший работник, поверьте мне. Она, должно быть, перепутала анализы. В тот вечер я делала еще несколько, от других заказчиков.

— Или она специально это сделала, — ответил Кюмри. — Как считаешь, Роберт?

Роберт был вне себя от ярости, но тщательно пытался скрыть это. Он злился, что Нина не рассказала ему о том, что сделала. Он пообещал ей защитить ее, если будет такая возможность, но то, что она сотворила с этим анализом, не оставляло ему шансов против Кюмри.

— Кэтрин, вы свободны, — заключил детектив, — только дайте мне контакт вашей коллеги, нам необходимо поговорить с ней.

Трясущимися руками Кэт достала из сумочки телефон и принялась искать номер Нины.

— Пожалуйста, не обижайте ее, она ни в чем не виновата. — Ее глаза снова покраснели. — Я не хочу, чтобы ее подозревали, она не могла сделать это умышленно.

— Мы учтем ваши слова при разговоре с ней, — ответил Кюмри и пригласил Кэт к выходу.

Кэт ушла. Через полчаса должен был прийти директор концертного агентства, он пообещал привести с собой фотографа, который снимал концерт на камеру.

— Ты знаешь эту Нину? — спросил его Кюмри.

— Нет, — соврал Роберт, — я даже не видел ее. Она передала мне результаты анализов через ресепшен. Оставила все бумаги там, я просто зашел в «Элайн Фарма» и забрал их. — Он обрабатывал в голове дальнейший план действий: как предупредить Нину, чтобы она не сболтнула лишнего и не раскрыла того факта, что у них были близкие отношения.

— Какова вероятность, что это она подменила воду?

— Думаю, такая вероятность есть, глупо было бы отрицать.

— Нужно допросить ее.

— Я займусь этим, — сказал Джон. — Попрошу ее приехать к нам завтра.

— Но завтра выходной.

— Тогда в понедельник.

— Хорошо. Роберт, ты уже будешь не здесь?

— Да, я буду в отпуске.

— Жаль. Отдохни там хорошенько за всех нас.

Директор концертного агентства «Музеон» был тучным мужчиной сорока лет, который всю дорогу до кабинета допросов пыхтел как паровоз. Он был явно недоволен сложившейся ситуацией и даже не поздоровался с Робертом, Кюмри и Джоном, войдя в отделение.

— Мне здесь неудобно будет сидеть, — пожаловался он, взглянув на стандартный стул, на котором могла уместиться только треть его огромного зада.

— Придется немного потерпеть, — ответил Кюмри. — Если хотите, можете постоять.

— Нет уж, сами стойте.

— Кларк, какие у вас были отношения с группой?

— Как с любимыми другими исполнителями. Исключительно деловые.

— То есть у вас не было конфликтов.

— Нет, не было. Вы что, хотите обвинить меня?

— Мы никого ни в чем не обвиняем, — возразил Джон. — Вас просто просят ответить на вопрос.

— Ладно, толстяк. — Джон вскинул брови. — Я готов общаться с тобой, с ними — нет.

Кюмри вышел из кабинета и позвал с собой Роберта и Джона.

— Ты его комплекции, — сказал он, — с нами он чувствует себя ущербным.

— Первый раз встречаю такое, — ответил Джон. — Да он настоящий псих.

— Вряд ли. Поговори с ним, выясни алиби и потенциальный мотив.

Роберт и Джеймс Кюмри занялись фотографом. Они не стали использовать комнату для допросов, потому что этого человека они подозревали меньше всего. Он был зарегистрирован только пятнадцатого числа, в день убийства, и каждый его шаг фиксировался фотографией, которую он сделал. Промежутки времени между фотографиями всегда были не менее пяти минут, не было нужды так тщательно его допрашивать. Они спросили его, не заметил ли он подозрительных людей и как произошла трагедия. На его фотографиях было все — каждый сантиметр, пройденный оторванной готовой в полете. Директор «Музеона» крепко вцепился в него, чтобы самые значные фото не просочились в Сеть и чтобы пресса не добралась до него.

— Мне предлагали кучу денег за эти снимки, — пожаловался он, — но я ничего не могу с ними сделать, потому что в контракте прописано, что все они являются собственностью «Музеона».

— А вы работаете только на них или вы свободная птица?

— Я работаю на них и не только на них. Так что я в какой-то степени фрилансер, но контракты у меня есть с несколькими компаниями.

— Понятно, — ответил Джеймс. — У нас больше нет к вам вопросов. — Роберт вопросительно посмотрел на коллегу, и тот добавил: — А что вам говорил Кларк Корт? Как, по-вашему, у него был мотив убивать рок-звезду?

— Да вы что. Его теперь заключают, ему и так несладко приходится. «Музеон» могут закрыть за такое происшествие.

Когда Джон закончил допрашивать директора, он отпустил его и вернулся к коллегам.

— Это точно не он. «Музеон» на грани банкротства. Эта «Хэлл-Тек» — ею воспользовались, только чтобы не нанимать монтажников, чтобы сэкономить денег. Он ждет комиссию, которая будет осматривать клуб на соответствие технике безопасности. Сейчас у него только эта забота: их закроют, если окажется — а так и окажется, — что клуб в целом не отвечает всем требованиям.

Последними, кого они должны были допросить в тот день, были единственный монтажник-техник и два звукорежиссера. Звукорежиссеры не были им интересны, по камерам было видно каждое их движение: они пришли четырнадцатого числа, провели саундчек и вышли через парадную дверь ровно по окончании своего оплаченного времени. Пятнадцатого сентября они точно так же зашли, тут же появились на камерах, провели концерт, а затем вместе со всей толпой фанатов были эвакуированы.

Монтажник, в отличие от Кэт, не плакал, но его лицо выражало такую боль, что Роберту стало немного стыдно за их давление на него. Он был, можно сказать, спусковым крючком.

Это он нажал на кнопку, чтобы вернуть сцену в собранное состояние. Это его рукой трос, который поначалу начал спускаться аппаратуру вниз, вдруг был поднят обратно. Из-за того, что он не увидел, что трос обмотался вокруг шеи музыканта, случилось это убийство.

— Мы не обвиняем вас, — сказал мягко Кюмри, — мы понимаем, как несладко вам пришлось. Но были ли хоть какие-то признаки поломки, когда вы дежурили на концерте?

— Ничего. — Его голос прозвучал так глухо и грустно, что Роберт и Кюмри решили больше не мучить его. — Что дальше? — спросил он.

— В каком смысле?

— Меня посадят?

— Нет, глупости, — ответил Роберт. — Ждите повестку в суд, вы будете одним из свидетелей, но вы никак не убийца и даже не подозреваемый.

— Слава богу. — Он выдохнул.

Роберт, Джеймс и Джон собрались на мини-совещание за чашкой кофе.

— Что с клининговым агентством? — спросил Роберт.

— А что с ним?

— Вы уже выяснили, кто была та девушка, которая дольше обычного задержалась в клубе?

— Пока нет, — вступил Джеймс, — но мы планируем это выяснить.

— Я запросил у агентства список всех, кто дежурил четырнадцатого, — сказал Джон. — На следующей неделе я опрошу их всех, если ты не против.

— Я не против, с чего мне быть против.

— Это же твое дело, новичок. — Он похлопал Роберта по плечу.

— Я доверяю его лучшим из лучших, — ответил Роберт, понимая, что соврал. Он не доверял рвению коллег. Особенно он не верил в Джона.

— Хватит подхалимств, — сказал Кюмри, — мы будем держать тебя в курсе, Роб. Ты ничего не упустишь.

На следующее утро Роберт приехал в участок с чемоданом. Он хотел раздать последние поручения, прежде чем окажется за девять тысяч километров от своего первого серьезного расследования. Он понимал, что Кюмри может запросто спустить все на тормозах, если дело покажется ему недостаточно сложным, а на Джона положиться было нельзя — он был настолько туп, что не видел закономерностей, когда Роберт на них так явно указывал. К тому же называл его новичком.

— Роб, а что у нас, по сути, есть? — сказал Джон. — Всего лишь поддельный анализ воды, подпиленные крепления сцены, и все. Ни мотива, ни вещественных улик.

— Какие еще улики тебе нужны?

— Такие, которые указывали бы на конкретного человека.

— Это нам и предстоит выяснить.

— А мотив? Может, это сбрендившая фанатка?

— Не думаю. С мотивом сложно. Я сам не до конца понимаю, кому и зачем может понадобиться убивать звезду. Но мало ли.

— Думаешь, он нагадил кому-то на коврик?

Роберт ненавидел тупые шуточки Джона.

— А ты бы убил, если бы тебе нагадили на коврик?

— Определенно.

— Тогда можешь считать это мотивом.

Роберт боролся с двумя опасениями: с одной стороны, он хотел, чтобы дело поскорее раскрыли, с другой — он не хотел, чтобы его коллеги разговаривали с Ниной. Он полагал, что в ней кроется разгадка, но он уже слишком далеко зашел, чтобы эту разгадку отдавать глупому Джону. Тем более если выяснится, что между ним и Ниной что-то было. Тогда ему многое придется объяснять.

— Я не хочу уезжать, — внезапно сказал он Кюмри.

— Да брось, Роб. Тебе и правда нужно отдохнуть, ты еще ни разу не был в отпуске.

— Я боюсь, что именно сейчас нужны активные действия, а Джон их не выполнит.

— Ты в нем сомневаешься?

— Да, он все делает очень медленно. Откладывает на последний момент.

— Понимаю, подозреваемых и свидетелей нужно брать горячими. Мы и так потеряли кучу времени, полагая, что это несчастный случай. Но сейчас будет не так. Я позабочусь о том, чтобы Джон не тормозил.

— Ладно. А вы будете писать мне письма?

— Обо всем, что происходит. Обещаю.

По дороге в аэропорт Роберт несколько раз пытался дозвониться Нине и предупредить ее о том, что ее скоро вызовут на допрос, но номер был недоступен. Он все-таки верил в то, что сказала Кэт, хоть и чувствовал, что обманывает себя. Может быть, Нина просто перепутала анализы? Может, она не видела, что нужный бланк лежит на столе? Или она все-таки сделала это специально?

— Ваш паспорт, пожалуйста, — попросила сотрудник аэропорта.

Он передал паспорт и поставил багаж на весы.

— Скажите, а если я вдруг не полечу, как можно будет вернуть багаж?

— Так вы летите или нет? — спросила она раздраженно.

Пару минут он просто молча стоял, не зная, что ответить. Она смотрела на него.

— Подождите, мне нужно сделать один звонок.

Он забрал чемодан и отошел от стойки регистрации.

— Алло, мама? Ты не сильно обидишься, если я прилечу позже? У меня образовались дела.

1 июня 2016 г.

Джо разбился в автомобильной аварии. Господи, спасибо тебе за это! Мне стыдно это писать, но я чувствую такое облегчение. Я не виновата в этом, это случилось само собой. Мне не пришлось его обижать. Мне не пришлось его бросать.

В последние дни наши отношения стали невыносимыми. Я приходила к нему с бутылкой виски в рюкзаке, шла в туалет, и перед тем как общаться с ним, выпивала там половину. И так несколько заходов. Он даже ни разу не спросил, зачем я иду в туалет с рюкзаком.

Вся моя беда, видимо, в полном отсутствии обоняния и внимательности у жильцов этой квартиры. Либо в отсутствии любопытства у его родителей.

Это случилось после нашей очередной встречи. Он отвез меня домой, после того как мы два часа провели в машине его папы, у моря, снова смотрели мультики. По пути до своего дома в него врезался грузовик, он потерял управление и съехал с моста прямо в море. Надеюсь, ему не было больно. Надеюсь, теперь у него все хорошо. Не нужно ему было, чтобы рядом была такая сумасшедшая, как я.

2 июля 2016 г.

Я немного погрустила и подготовилась к новой жизни. Теперь я не буду с такой легкостью заводить отношения, я знаю, чего стоит их прервать. Я, кажется, начинаю влюбляться в своего одноклассника. Но я не собираюсь ничего с этим делать, мне просто нравится это состояние. Я буду благодарна ему за то, что он подарил мне это чувство возвышенности. Он не должен об этом знать.

Я растолстела во время отношений с Джо. Мне противно смотреть на себя в зеркало. Поэтому мне не стоит рассчитывать ни на какую симпатию со стороны Бена. Пытаюсь похудеть, но у меня не получается, меня все время тянет на сладости.

3 июля 2016 г.

Я наконец-то научилась видеть Эдди.

4 июля 2016 г.

Я встретила его на пороге своего дома, когда возвращалась с учебы. Он стоял там и смотрел на меня. Моя жизнь полностью изменилась. Теперь я вижу его, могу чувствовать и целовать. Мы целовались весь день. Больше ничего не хотелось. Я понимаю, что схожу с ума, но я так рада, что наконец-то мои способности развились. Думаю, это все из-за школы биоэнергетики. Я научилась, я все-таки научилась. Теперь я вижу его днем, ночью, утром, вечером. Мне так хорошо.

Мне больше не нужно ничего. Он как будто по-настоящему вернулся ко мне, несмотря на то, что Эверест поглотил его. Я поняла, как сильно я скучала по нему.

Но теперь мы навсегда вместе. И даже смерть не разделит нас.

Часть 3. Ордер. Глава 1

Из аэропорта Роберт заехал домой, чтобы оставить чемодан. Он решил не сообщать коллегам, что не улетел в отпуск, пока не поговорит с Ниной. Возможно, ему понадобится ордер на обыск.

— Алло, судья Диккенс? Мне нужна ваша помощь.

Полгода назад он оказал судье большую услугу, которая могла стоить ему карьеры. Сын Диккенса, Том, попал в неприятную историю: они вместе с пьяными друзьями сбили ночью человека. Когда Диккенс узнал о том, что его отпрыск участвовал в этом деле, он пообещал Роберту любую услугу взамен на сокрытие фактов. Роберт перепечатал дело так, чтобы в нем не фигурировала его фамилия. Даже Кюмри не знал об этом, а если бы узнал, наверняка бы не согласился на такое. Теперь Диккенсу пришло время возвращать долг.

Роберт приехал в его дом, где была в разгаре субботняя барбекю-вечеринка. Ему было неловко отвлекать судью от семейного праздника, поэтому он постарался, чтобы все прошло быстро: он заранее заполнил бланк ордера, от судьи требовались только подпись и печать.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это должно остаться между нами? — сказал Диккенс, возвращая Роберту подписанный документ.

— Да, и этот ордер не будет фигурировать в отчете.

— Верно, это незаконно. Я верю, что ты используешь его с умом.

— У меня есть личный интерес. Мне нужно только узнать правду, больше ничего. В официальном деле этого ордера нет и не будет.

— Правильно.

Судья предложил Роберту остаться на обед, но он отказался. Нужно было как можно быстрее поговорить с Ниной, пока этого не сделали Джон или Джеймс.

По пути к Нине Роберту позвонили из городской тюрьмы и сообщили печальную новость, которая никак не вязалась с его версией произошедшего.

— Алекс мертв, — сообщил голос дежурного.

— Как это произошло?

— Пострадал в драке.

— Когда?

— Вчера вечером.

— Вскрытие делали?

— Будет готово сегодня, после полудня. Результаты сообщим завтра.

— А вы не могли бы попросить судмедэксперта перезвонить мне лично и сообщить сразу же, как только работа будет выполнена?

— Конечно.

Роберт положил трубку. Ему не верилось, что его друг мертв. Он был молод и, возможно, дожил бы до помилования. Где-то в глубине души Роберт надеялся, что осознание своего преступления и их постоянные встречи смогут перевоспитать Алекса. Он видел будущее, в котором они с Алексом сидят у моря с кружечкой пива и вспоминают о том случае в торговом центре, как о страшном сне.

Он сожалел о том, что не прочитал ни одной книги, которые Алекс ему советовал. Теперь уже никто не будет заставлять его читать.

Но стоит ли сообщить Нине о том, что случилось с ее братом? Он не видел в этом необходимости. Если она не знала его и не знала того, что он сделал, как ей в текущей ситуации поможет новость о том, что ее брат, которого она считала благоустроенным и счастливым, на самом деле убил людей и теперь умер в тюремной склочке?

С другой стороны, она имеет право знать. И кому, как не ему, служителю закона, нужно об этом сообщить?

Он вышел из такси, подошел к двери и позвонил в ее домофон.

Нина встретила его в кружевном халатике, видимо, только что проснувшись.

— Я тебя не ждала сегодня. Разве ты не должен был улететь в отпуск? — спросила она.

— Должен был, но не стал. Я здесь ради тебя.

— Очень интересно. Проходи. — Она пригласила его на кухню. — Хочешь чаю?

— Ты только что проснулась? Уже половина первого.

— Да, имею право. Я работала всю ночь.

Нина была, как всегда, гостеприимна и, помимо чая, предложила Роберту завтрак. Она стояла у плиты, и Роберт подумал о том, как привлекательно ее бедра выглядывают из-за выреза халата. Он пытался собраться с мыслями, но ее нагое тело сбивало его.

— Ты не могла бы одеться? — сказал он, поняв, что так серьезного разговора не получится.

— Тебе не нравится? — Она выглядела удивленной.

— Мне нравится, но у меня есть для тебя новости, которые нам нужно обсудить.

Нина пошла переодеваться.

— Что за новости? — крикнула она из другой комнаты.

— По поводу расследования. Скоро к тебе обратятся мои коллеги и, возможно, вызовут на допрос.

— Меня в чем-то подозревают? — Она выглянула из комнаты в спортивных штанах и одном лифчике. Роберт поежился.

— Да.

Натянув футболку, она вернулась на кухню.

— В смерти Ника Кейва?

— Да.

Нина села рядом с ним.

— То есть как? Ты считаешь, что я способна на убийство?

— Мы не оцениваем подозреваемых, исходя из личных отношений. Я тебя знаю, но они нет. Они вполне могут считать тебя убийцей.

— Ты тоже должен быть беспристрастным.

— Я уже не могу.

— А ты не можешь меня допросить?

— Нет, они вдвоем будут это делать. Боюсь, если буду допрашивать я, то они узнают, что у между нами что-то есть.

— А мы в отношениях?

— А разве нет?

— Думаю, да.

Роберт решил не использовать свой ордер, пока Нина ему доверяла. Он намеревался сам попросить ее осмотреть ее квартиру, ведь он хотел ей помочь.

Нина налила чай. Его аромат был странноватым, мятным, немного сладким и кислым.

— Такой чай научила меня делать мама, в нем есть секретный ингредиент, — объяснила она. — Мама всегда была выдумщицей. Наверное, поэтому она вышла за папу. Его воображение не знало границ.

— Какой была твоя мама?

— Она и сейчас есть. Просто мы не общаемся. Она очень сумбурная. Знаешь, бывают такие люди, когда они находятся в помещении рядом с тобой, кажется, что происходит какое-то движение, суэта. Она всегда стремилась быть в центре внимания. Даже нас с братом она воспринимала как кого-то, кто крадет ее внимание.

— Очень странное качество для матери.

— Ну да. Поэтому мы с братом были скрытными. Особенно я. Мама всегда учила меня, что нужно быть скромной, хотя сама таковой она не была. А еще у нас была собака, Сноуи, золотистый ретривер. Такая большая и добрая.

— Ты любила ее?

— Да, конечно. Я до сих пор скучаю по ней и чувствую себя виноватой.

— Виноватой за что?

— За то, что иногда наказывала ее.

— А брат, на сколько младше тебя он был?

— На десять лет. Я очень скучала по нему, когда мама отправила его в колледж. С тех пор он не приезжал к нам. Я зла и обижена на нее, потому что она избавилась от всех членов нашей семьи. Отца сдала в клинику, брата — на учебу, даже собаки у нас не осталось.

— А что стало с вашей собакой?

— Не знаю, просто однажды она умерла.

— Как это случилось?

— Мама не говорит мне, я пыталась у нее узнать. А сама я не помню.

Роберт вспомнил свой курс гипнотерапии, на котором они учились работать с вытесненными воспоминаниями.

— Ты начал говорить как психолог. — Она улыбнулась. — Откуда это?

— Я учился на факультете психоанализа, до того как пошел в полицейскую академию, — поделился Роберт. — Но я бросил обучение на третьем курсе.

— Здорово! А почему ты бросил?

— Было одно обстоятельство, оно поколебало во мне веру в психологию.

— Но, тем не менее, ты звучишь как настоящий психолог. — Она рассмеялась. — Может, ты и мне поможешь?

— Я долго шел к этому вопросу, Нина. Тебе нужна моя помощь?

Внезапно она погрустнела.

— Я думаю, да.

— Тогда давай я помогу тебе. Что тебя волнует? Мне кажется, ты что-то скрываешь.

— Я так не могу. Мне нужно морально подготовиться к этому, чтобы все было по правилам. Ты в кресле, я на кушетке, ты вводишь меня в состояние транса, ну и так далее.

— Можем устроить.

Нина пошла в комнату, чтобы подготовить все для сеанса психотерапии, Роберт подумал, что неплохо было бы осмотреть ее квартиру, раз уж он пришел с ордером.

— Могу ли я осмотреть все комнаты?

— Зачем?

— Есть вероятность, что к тебе придут с обыском. Мне нужно убедиться, что им нечего искать.

— Пожалуйста, я от тебя ничего не скрываю.

Роберт прошел в спальню, где стояла большая кровать, на которой еще пару дней назад они с Ниной развлекались. По обеим сторонам кровати были тумбочки, на одной из них лежала книга — «Американский психопат». «Странный выбор», — подумал он и проверил все выдвижные ящики тумбочек. Они были пусты. Он прошел на балкон, но и тот оказался пуст, за исключением вертикального пылесоса и нескольких стиранных вещей на сушилке.

Гостиная интересовала его меньше всего — там они проводили большую часть времени, и Роберт успел рассмотреть ее хорошенько.

Самым таинственным местом для него была третья комната, в которой стоял террариум, в прошлый раз накрытый черной тканью. Сейчас черной ткани не было, и он смог разглядеть содержимое стеклянного куба.

— Это личинки и жучки диамфидий, — сказала Нина, появившаяся на пороге комнаты.

— Какой странный выбор, — только и смог сказать Роберт. Внутри у него все опустилось. Он узнал название — теперь было понятно, каким ядом должен был быть отравлен Ник Кейв.

— Они ядовиты, осторожно, не трогай террариум, — предупредила Нина.

Ее фигура в дверном проеме теперь казалось злобещей. Роберт не понимал, чего ожидать от нее.

— Я не буду. Что еще ты скрываешь в этой комнате? — Он решил перейти к наступлению.

— Больше ничего.

Он принялся обшаривать ящик стола. К его удивлению, там хранился альбом с фотографиями.

— Что за альбом?

— Альбом с фотографиями мужчин, которые мне когда-то очень нравились.

Роберт сел на стул и принялся разглядывать фото. На каждом из них был портрет красивого, а иногда и не очень, молодого человека.

— Это все, с кем у тебя были отношения? — спросил он.

— Да, это все, кого я любила.

— Много же здесь фотографий.

— Не так уж и много за тридцать пять лет моей жизни. Могло бы быть и больше. Думаю, совсем скоро здесь появишься и ты.

— Это не очень здоровая тема, — сказал он. — Почему ты хранишь их?

— Чтобы не забыть.

— Не забыть что?

— То, что у меня бывают чувства.

— А у тебя что-то с чувствами?

— Да, после того как умер Эдди, я ничего не чувствую. Иногда, когда я влюбляюсь, это единственное, что я ощущаю. Больше никаких эмоций.

Роберту показалось это подозрительным. Он замечал все больше сходств Нины с портретом типичного психопата, как бы чудовищно это ни казалось. Он продолжал листать альбом.

— Нина, а что здесь делает фото Ника Кейва?

— Ведь я и в него была влюблена.

— Итак, начнем.

Нина лежала на диване. Роберт устроился на кресле рядом с ней. Она разрешила ему записывать сеанс на диктофон, встроенный в его телефон. Роберту показалось это странным, ведь сейчас, как он полагал, он добьется у нее признания.

— Представь, что ты спускаешься по ступенькам. — Он начал медленно вводить ее в трансовое состояние. — С каждой ступенькой одна часть твоего тела расслабляется и растворяется, стекает на пол.

— Какой ужас, — вставила она.

— Ты не хочешь разговаривать, потому что твой рот настолько расслаблен, что ему не хочется двигаться. С каждой ступенькой часть твоего тела отделяется от тебя.

Он провел пятнадцать минут, вводя Нину в эриксоновский гипноз и, почувствовав, что она почти засыпает, дал установку.

— Сейчас ты будешь копаться в глубинах своего подсознания и отвечать на мои вопросы. Я — твой проводник, ты должна отвечать мне на любой вопрос, который я тебе задам. Ты понимаешь меня?

— Да, — тихо ответила она.

— Ты находишься в темном коридоре с множеством дверей. Тебя окутывает туман. Теперь ты хочешь открыть одну из дверей. За ней прячутся твои самые сокровенные страхи, то, что тебя беспокоит больше всего. Открывай.

— Открыла.

— Что ты видишь?

— Я не вижу ничего, я знаю. У меня очень плохо развито видение.

— Что ты знаешь?

— Я дома. Мне только что позвонила мама Эдди.

— Кто такой Эдди?

— Это моя любовь.

— Что сказала мама Эдди?

— Что он умер. — По щекам Нины покатались слезы.

— Нина, уходи оттуда. Давай перенесемся на полгода вперед. Что ты видишь?

— Я стою на краю крыши.

— И что ты там делаешь?

— Я хочу прыгнуть, но боюсь.

— Зачем тебе прыгать?

— Потому что я перестала быть человеком. Вся я — это одна боль. Мне не хочется больше чувствовать боль.

— Ты грустишь из-за смерти Эдди?

— Конечно, я грущу, идиот!

— Нина, а теперь выйди из этой двери и открой новую. Ты вышла?

— Да, выхожу.

— Теперь открывай дверь, за которой твое самое счастливое воспоминание. Где ты находишься?

— Я на пороге своего дома.

— Какой сейчас день?

— Третье июля две тысячи шестнадцатого.

— Что ты видишь?

— Я вижу Эдди. Он стоит у двери и смотрит на меня.

— Что ты делаешь.

— Я открываю дверь и впускаю его. Мы поднимаемся наверх и занимаемся сексом.

— Эдди сейчас жив?

— Нет, он все так же мертв. Просто я научилась его видеть.

— Кто он?

— Он — призрак. Только я могу его видеть. Он будет жить в моей квартире и не отойдет от меня ни на шаг.

— Это не галлюцинация?

— Я не знаю, но он рядом, и я счастлива.

— А теперь, Нина, выйди оттуда. И перенесись в туманный коридор.

— Я здесь.

— Теперь зайти в другую дверь, туда, где тебе десять лет.

— Я здесь. Я только что убила свою собаку.

Нина начинает выть и покачиваться, как будто убаюкивает себя.

— Что ты делаешь?

— Я стою перед мамой, она увидела, что я сделала. Она хочет меня наказать. Она стучит моей головой о стену. Мне больно.

— Зачем она это делает?

— Она говорит, что хочет выбить из меня все дерьмо. Она кричит на отца. Говорит, что это его проклятая наследственность. Что он ненормальный, и я такая же ненормальная, как он.

— Что ты делаешь?

— Я пытаюсь вырваться, но у меня не получается. Я думаю, что заслужила это.

— Зачем ты убила свою собаку?

— Я хотела, чтобы мы с ней помирились. Я хочу, чтобы ссоры родителей заканчивались так же. Я моделирую ситуацию примирения, потому что никогда не наблюдаю ее у родителей.

— И как часто ты это делала?

— Я постоянно била собаку, чтобы потом извиниться перед ней. Я мирилась с ней и Сноуи меня прощала. Она лизала мое лицо, как будто была благодарна мне, что я ее прощаю.

— Она думала, что провинилась перед тобой?

— Думаю, да. Я всегда находила повод, я выводила ее на ссору, задиралась, чтобы она на меня зарычала или укусила.

— Выйди оттуда, Нина. И зайди в другую комнату. В ту, где ты влюбилась в Ника Кейва.

— Я здесь.

— Что ты видишь?

— Я стою на улице и жду своего друга. Здесь темно, я рядом с перекрестком. Падает крупный снег.

— Что еще ты видишь?

— Светофор, на улице шумно, сигналият машины. Я слушаю Babe you turn me on Ника Кейва. Я очень устала, у меня был тяжелый рабочий день. Я зла на своего друга.

— Что это за друг?

— Не так важно, он мой бывший. Я его больше не люблю.

— Как его зовут?

— Алан. Я иногда позволяю ему заниматься с собой любовью. Только это не любовь, обыкновенное сношение. Меня достали наши отношения, в них нет тепла, нет искры.

— Ты собираешься его бросить?

— Нет, я никогда никого не бросаю. Это слишком больно.

— Больно для кого?

— Больно для тех, кого бросаю.

— А для тебя?

— Мне больно, когда другому человеку больно. Я не выношу душевную боль.

— А физическую?

— Сколько угодно.

— Что ты сейчас чувствуешь?

— Я слышу бархатистый голос, и меня он успокаивает. Он поет I put one hand on your round ripe heart.

— Тебе нравятся эти слова?

— Не в них дело. Следом он поет And the other down your panties, и у меня сжимается сердце.

— Почему?

— Просто такой момент. Вдруг, среди этой красивой улицы, среди моего блеклого настроения и усталости, я слышу его заигрывание. Я моментально влюбляюсь в него.

— В Ника Кейва?

— В кого же еще.

— Что ты делаешь дальше?

— Я уйду. Я звоню Алану и говорю, что я передумала с ним встречаться. Я иду домой, включаю пластинку с его голосом. Весь вечер я лежу и представляю нас вместе с ним.

— С Ником?

— Да, потом я ищу в Гугле его следующее выступление, и у меня созревает план.

— Какой план?

— Я не могу позволить себе разлюбить его. Я не могу вечно цепляться за недостойных мужчин. Мама всегда говорила мне, что меня никто не достоин.

— Почему?

— Потому что я всегда идеализирую людей. Так всегда и оказывается. Когда я влюбляюсь в кого-то, он оборачивается не таким, каким я его себе представляла. И потом мне ужасно стыдно.

— Почему тебе стыдно?

— За то, что я так его любила. Я не позволю, чтобы с Ником так случилось. Я не позволю ему оказаться не таким замечательным, как я его себе представляла.

— А каким ты его себе представляла?

— Идеальным любовником, нежным, умным, красивым. Но он не так красив, и я это знаю. И если я к нему подойду, он не будет вести себя так, как я ожидаю.

— Нина, что за план у тебя на уме?

— Я хочу убить его.

— Зачем?

— Чтобы он навсегда остался таким же идеальным, какой он в моем воображении.

— Это поможет?

— Да. Он не успеет оказаться не тем человеком.

— Нина, выйди из этой двери. Вернись в коридор.

— Вернулась.

— Теперь зайди в дверь, где сейчас пятнадцатое сентября.

— Я здесь. Я иду по коридору, где гримерки.

— И что ты делаешь?

— Я захожу в его гримерку, прошу разрешения прибраться. Он сидит у зеркала, вокруг него маячит визажистка.

— Что ты делаешь?

— Я подхожу к нему и говорю, что я очень люблю его.

— Что он отвечает?

— Он благодарит меня и говорит, что очень любит всех своих фанатов. Меня это огорчает, ведь я не все. Я не такая, он не представляет, что он значит для меня сейчас.

— А какая ты?

— Я влюблена в него по-настоящему. Он не представляет, какую гамму чувств его музыка вызывает во мне.

— Что ты делаешь дальше?

— Я прошу его дать мне автограф и жму ему руку. Он расписывается в моем блокноте. Я говорю ему «прощай», забираю пакет из мусорной корзины и выхожу. Переодеваюсь и иду на улицу.

— Нина, это ты убила Ника Кейва?

— Да.

Никогда еще эриксоновский гипноз так не помогал ему. Он был ошарашен ответом Нины, и все еще не мог поверить в это. Он вывел ее из гипноза так же медленно, как и вводил. Она должна была все помнить, но он не был уверен.

— Ты осознаешь, что только что дала мне признание?

— Да.

— Что мы будем теперь делать, Нина? Как ты могла?

— Я не знаю. — Она заплакала.

Роберт обнял ее и попытался успокоить.

— Зачем ты это сделала?

— Ты и так все слышал. Я просто влюбилась.

— Нина, я не знаю, как нам дальше быть. Но только не этот ответ, нет! Я не смогу помочь тебе, если ты не признаешься, что у тебя проблемы с психикой.

— Я не могу в этом признаться.

— Убитая собака говорит сама за себя. У тебя были проблемы еще в детстве.

— Это не так, я просто была глупым ребенком. У меня нет психических проблем, просто однажды я пришла к неверным выводам.

— Эти выводы не просто неверные, они смертельные! Ты просто чертовски запуталась, Нина!

— Я делала это все сознательно. Я понимала, что делала. Я хотела этого. Я хочу этого всегда, когда влюбляюсь. Так проще и лучше. Если человек мертв, он не сможет меня разочаровать. Это то, что случилось с Эдди.

— Эдди имеет сильное влияние на тебя. Это не очень хорошо.

— Эдди — мой единственный и самый сокровенный возлюбленный, не смей его трогать!

— Прости. Но я буду настаивать на твоей невменяемости.

— Мне нужно заварить еще чаю, — сказала она и ушла на кухню.

Роберт очень хотел, чтобы рядом оказался кто-то, кому он мог бы снова сказать: «Я же говорил!» Но чем больше было это желание, тем хуже ему становилось. Съеденный завтрак рвался наружу, его тошнило. Он разгадал преступление, и в то же время ему хотелось, чтобы всего этого не было, чтобы Нина сейчас вошла в комнату и сказала, что она пошутила. Он не мог представить себе, как она хладнокровно продумывала это убийство, как готовила яд, какие черные мысли были у нее в голове. Она — психопатка, Роберт это понимал, но надеялся, что он ошибается. Маленькая надежда все еще теплилась в его сознании. Он услышал обрывки фраз Нины, доносящихся из кухни. Как будто она шепотом говорила с кем-то.

— Я должна это сделать. Я знаю, что это плохо, но иначе у меня нет шансов выплыть из этой истории.

У Роберта зазвонил телефон.

— Роберт Пэл? — прозвучал мужской голос. На фоне было слышно металлическое постукивание, как будто на том конце провода складывали в утку инструменты.

— Да, чем могу помочь?

— Это Гарри Гофман, судмедэксперт. Вы просили перезвонить, как только я сделаю вскрытие Алекса Коула.

— Да, спасибо. Каково ваше заключение?

— Он умер не в драке, а от удушья. Скорее всего, подействовал какой-то яд. Может, токсин. Что именно, мы не знаем, но легкие были спазмированы.

Роберт положил трубку и собирался спросить у Нины, с кем это она там советовалась, но не успел. В нос ударил едкий запах хлороформа, ноги стали ватными и подкосились. Он попытался вырваться, но сон напльвал на него огромной тяжелой тучей, и он был не в силах сопротивляться. Он закрыл глаза и, как ему показалось, умер. Последней его эмоцией было сожаление, что он никому не рассказал о Нине.

Часть 4. Заключение. Глава 1

Роберт кричал что есть мочи. Он кричал минут сорок подряд и в результате охрип. Поняв, что помощь не придет на звук, он начал пытаться ощупать пространство. Кругом была такая крошечная тьма, что первое время, когда он проснулся, он не мог понять, где он — все еще спит или умер, и это ад. Потом вкралось подозрение, что его заперли в каком-то подвале: пахло плесенью и прогнившими досками. Он ощупал то, на чем лежал: оказалось, это был матрац с постельным бельем. Даже с одеялом.

— Мерзотная аккуратистка, — сказал он вслух. — Говорить вслух не возбраняется, да, Нина? — крикнул он еще раз.

Звук собственного голоса как будто заглушался и не отскакивал от стен. Рядом с ним не было вертикальных поверхностей, поэтому он решил дойти до ближайшего края этого подземелья. Каждый шаг давался с большим трудом, в такой темноте казалось, что под ногами вот-вот кончится земля. Что-то шуршало. Он наклонился и ощупал пол: он был покрыт клеенкой. У Роберта екнуло сердце.

— Зачем тебе клеенка, Нина? — крикнул он, и темнота снова поглотила его голос. — Собираешься убить меня?

Ему казалось, что если он будет больше говорить, то будет больше ощущать реальность. Эта темнота и неизвестность угнетали его.

На корточках он достиг одной из стен и провел по ней рукой. Снова клеенка. Он вспомнил сериал «Декстер», и по спине пробежали мурашки. Сколько ему еще ждать, когда она объявит свой приговор?

Примерно полчаса ему понадобилось на то, чтобы обойти все помещение по периметру. Кое-где он спотыкался о какие-то инструменты и каждый раз боялся, что это человек. Он ни в чем не мог быть уверен, даже в том, что в подвале не находились другие люди или, еще хуже, мертвые люди.

Он не знал, сколько времени он там находился. Больше всего его страшило то, что про него могли забыть. Он нашел лестницу наверх и начал взбираться по ней. Наткнувшись на запертую железную дверь, он начал молотить по ней руками и кричать. Никто не отзывался. Его основные органы чувств — зрение и слух — были заблокированы этой молчаливой темнотой. Иногда он закрывал глаза и ходил так, все больше ощущая, что нет разницы, идти с открытыми глазами или с закрытыми. Он уже даже поверил, что научился видеть без глаз.

Через несколько часов к нему начали приходить видения. Всполохи красных огней проносились перед взором и взрывались фейерверком где-то под нижними веками. Он наблюдал за ними, представляя, что это салют в его честь. В честь человека, который скоро умрет.

В подвале была такая тишина, что он слышал свои мысли. А иногда он не мог понять, мысли это к нему приходят или он разговаривает вслух сам с собой.

Прошло еще несколько часов, прежде чем он нашел себе дело. Он решил не умирать, а использовать это время для очищения своей души. Он представил себе Карла, своего покойного брата, и тот тут же появился перед ним.

— Привет, Карл, — поздоровался Роберт.

— Привет, Роб, — отозвалась призрачная сущность.

— Как дела?

— Глупо спрашивать такое у мертвого.

— Ты прав. Ты любил меня?

— Больше всего на свете, братишка. Я сожалею, что так произошло.

— Ты не думаешь, что в этом есть виноватые?

— Нет.

— А как же родители, которые постоянно ругались?

— Они не виноваты. Они сделали все, что могли и как могли, все остальное было у меня

в руках.

— Я пошел на психологический из-за тебя.

— Я знаю. Я ведь у тебя в голове.

— Да, точно. Но я бросил. Я хотел спасти тебя, а в итоге потерял еще одного близкого человека. — Он продолжал говорить, но Карл уже исчез.

Роберт не до конца понимал, как это работает. Сенсорная депривация? Только не в теплой соленой воде, а в черном кубе. Образ Карла то появлялся и представлялся ему живо, то снова пропадал, когда Роберт чуть больше нужного вглядывался в него. Кроме того, он не начинал фразы сам. Роберт на несколько минут затихал, ожидая, что брат сам начнет разговор, но только убеждался в том, что его голос был творением его собственного внутреннего диалога.

Он попытался представить себе Нину, но не вышло. Ее образ так волновал ее, что он никак не мог расслабиться. Как только он начинал видеть ее голубые глаза, его сердце принималось отстукивать чечетку и глаза растворялись темной дымкой, сливаясь с окружением.

В конце концов он лег на свой матрац, как щенок, которому указали на место, и уснул.

***

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил Эдди, когда они ехали в автобусе.

— То же, что и всегда.

— Ты не думаешь, что копы быстро вычислят тебя, если обнаружат, что детектив Пэл пропал?

— Эдди, я готова умереть. Ты думаешь, я не готова сесть в тюрьму?

— Ты действительно так влюбилась в него?

— Без памяти. Прости меня. Снова. Я считаю минуты до нашей следующей встречи. Как только я потеряю к нему интерес, я убью его. Сейчас он мне нужен для получения эмоций.

— Может, тебе все-таки пора начать пить таблетки?

— Нет, не буду.

Нина не любила находиться в общественных местах из-за Эдди. Она не могла нормально общаться с ним, когда была на людях, ведь никто, кроме нее, не видел его, и ее шепот показался бы людям странным. А ей хватало подозрительных взглядов в свой адрес. Например, сегодня, когда она зашла в супермаркет, в котором бывала только во время своего отпуска, когда отдыхала в загородном домике.

— Какими судьбами? — спросил кассир, чье лицо успело ей запомниться, в отличие от имени.

— Решила выбраться на природу в выходные, хватит работать, — ответила она, вежливо улыбаясь.

Кассир один за другим погрузил в бумажный пакет хлеб, колбасу, сыр, пару пачек

замороженных котлет, две бутылки вина, гору влажных салфеток, веревку и скотч.

— Интересный выбор для выходного дня, — прокомментировал он.

Она решила промолчать, потому что не сумела придумать ничего вразумительного.

— Нам ведь не нужны свидетели, — возразил Эдди. — Я считаю опрометчивым держать его именно здесь. Мы никогда не делали ничего подобного.

— Не волнуйся, завтра я поговорю с ними и развею все подозрения.

— А что будет, если ты его убьешь? Что ты будешь делать с телом?

— Не если, а когда. Брошу в океан.

***

Дверь открылась, и Роберт сощурился от хлынувшего в помещение яркого света. На пороге показался женский силуэт.

— Нина? — спросил он.

Она заглянула внутрь и снова прикрыла дверь, оставив его во мраке.

Этих нескольких секунд хватило ему, чтобы сориентироваться в пространстве: он быстро взобрался по лестнице и встал чуть сбоку от нее, чтобы нанести удар, как только она вновь откроется.

Дверь скрипнула, и из проема показался черный предмет.

— Роберт, отойди, — сказала Нина, — сейчас я зайду, и я хочу видеть тебя перед собой. Уйди оттуда.

— А иначе что? — спросил Роберт.

— Иначе я прострелю тебе ногу, — ответила она.

Роберт сдался. Он был уверен, что сможет совладать с Ниной, даже если у нее в руках будет оружие. Незачем было нападать со спины.

— Встань на свет, — приказала она.

Он послушался и вышел из-за двери. От ослепительной яркости в глазах начали скакать блики. Нина отворила дверь и приставила пистолет к его груди.

— А теперь очень медленно спускайся по лестнице.

С трудом передвигаясь, он сделал шаг вниз. Потом еще один.

— Ты правда убьешь меня?

— Может, и не убью, но ранить точно могу. Тебе будет не очень комфортно находиться здесь с огнестрельным ранением.

— Где ты взяла пистолет, Нина? — спросил он, достигнув нижней ступеньки.

Она улыбнулась. Все ясно, это был его пистолет.

В ее правой руке было блюдо. Он успел разглядеть, что на нем — бифштекс и зеленый горошек.

— Возьми у меня еду, — приказала она.

Он повиновался. Ему неожиданно страшно хотелось есть, как будто он просидел здесь несколько дней. Он жадно принялся поглощать ее, все еще находясь у нее на мушке.

Доев, он поставил тарелку на пол.

— Теперь повернись ко мне спиной.

Он снова сделал так, как она ему велела, удивившись своей исполнительности.

— Мы с тобой поговорим, но позже, — сказала она. — Когда я буду понимать, что нахожусь в безопасности.

Тут его пробрало на смех. Сама эта ситуация вдруг показалась ему такой комичной, что он хохотал несколько минут подряд. Она ждала.

— Что смешного? — серьезно спросила она в конце.

— Ты послушай себя, Нина. Когда ты будешь находиться в безопасности. Ты наставила на меня дуло пистолета и чувствуешь себя незащищенной?

Что-то зашуршало. Свободной рукой Нина достала какой-то пакет, в котором была салфетка. Роберт почувствовал едкий запах и снова оказался в темноте.

***

Он проснулся привязанным к стулу. Руки были отведены назад и накрепко перемотаны скотчем. Во рту все еще был привкус съеденного горошка. Нина сидела на стуле напротив него в полумраке, дверь наверх была по-прежнему открыта и впускала кусочек света. Он пытался разглядеть, что находилось за ней.

— Даже не пытайся кричать, все равно тебя никто не услышит. Мы находимся около озера, в пятидесяти километрах от ближайших соседей. Это мой дом, и если ты будешь хорошо себя вести, когда-нибудь я проведу тебе экскурсию по нему.

— Зачем я здесь?

— Во-первых, ты знаешь о том, что я убила Ника Кейва. В мои планы не входило попадать в тюрьму. Во-вторых, ты мне нравишься.

— Ты так поступаешь со всеми, кто тебе нравится?

— Так — только с тобой. Мне помогал Эдди. Плюс недюжинная удача.

— Эдди, который умер?

— Эдди, который живет во мне. Он не умер. Но я вижу его, и он помогает мне мириться с собой. Что-то пошло не так, Роберт. В моем сознании. Когда-то давно мне требовался психотерапевт. Когда-то, когда еще можно было что-то исправить.

— Ты и сейчас можешь все исправить. Отпусти меня, и я помогу тебе.

— Нет, Роберт. Я не могу этого сделать, как же ты не понимаешь! Я влюбилась в тебя, как девчонка, и пока я чувствую это, я живу. Ты мне нужен для того, чтобы я жила. У меня давно нет никаких эмоций, кроме этой. Я не чувствую боли, я не чувствую радости.

— Думаю, Нина, все началось в детстве. Та собака — первый звоночек. Это началось задолго до того, как ты узнала что такое любовь.

— Откуда тебе знать?

— Ты психопатка, и скорее всего, ты такой родилась.

— Нет, я сама себя сделала такой!

Нина разозлилась и пнула тарелку, стоящую на полу. Та разбилась. Роберт вздрогнул. Она едва заметно сделала свой коронный жест, и ее лицо преобразилось, как будто она надела маску.

— Я спокойна, — сказала она едва слышно и принялась собирать осколки.

— Как долго я буду здесь находиться?

— Пока я не начну в тебе разочаровываться. В твоих интересах поддерживать во мне симпатию к своей персоне.

— А дальше?

— А дальше — один выход.

Она начала подниматься по лестнице.

— Нет, не уходи!

— Почему?

— Я не хочу сидеть в темноте! Я схожу здесь с ума.

— Явно не больше, чем я, да?

Она закрыла за собой дверь, оставив Роберта один на один со своими видениями.

Роберт совсем потерял счет времени. Кажется, она вернулась только ночью, чтобы развязать его. Она тогда сказала, что пора ложиться спать. Он не понимал, сколько и когда он спит и что из его видений сон, а что реальность. Ему казалось, что он постоянно слышит шаги наверху, иногда это один человек, а иногда целая толпа. Ему снилось, что она пришла, и они в темноте занялись любовью, но он не понимал, было ли это на самом деле. Он совсем обессилел.

Только по приемам пищи он мог ориентироваться. Когда она принесла поднос с овсянкой, он предположил, что сейчас, должно быть, утро.

Она всегда заставляла его врасплох своим посещением. Роберт жил на грани реальности и сна и, удивительно для себя, даже не пытался сбежать. Он искренне хотел ей помочь, и у него уже почти появился план.

Утром, помимо завтрака, она принесла ему чистую одежду. Она отвернулась, когда он переодевался.

— Ты знаешь, что твой брат мертв? — Он понимал, что это не очень удачная тема для разговора, но почему-то начал с нее.

— Алекс Коул?

— Значит, знала. Это все тоже ты сделала?

— Да. Я подкинула ему в карман бумажку с планом побега. Из-за нее началась драка.

— Он был отравлен.

— Да. Ты же помнишь моих букашек?

— Где ты их взяла?

— В Ботсване.

— Специально туда ездила?

— Нет, так получилось. Стечение обстоятельств.

— Нина, я не могу больше здесь находиться. Тут темно и сыро. Я, кажется, начинаю заболеть. — Он изобразил кашель.

— Я куплю тебе таблетки.

— Я начинаю путаться в мыслях. Я вижу всякие вещи.

— Роберт, перестань. Отсюда один выход, и тебя он не устроит. — Она навела на него пистолет. — Ты знал моего брата. Знал, на что он способен. Думаю, теперь ты знаешь, на что способна его сестра.

Она снова отвернулась от него, и сейчас был лучший момент для побега. Он неслышно подошел к ней, намереваясь огреть ее по голове и выхватить оружие, но под рукой был только поднос с тарелкой. Он замер с ним в руках, когда она повернулась, и весь завтрак упал на пол.

— Что ты наделал, Роберт? — Она была зла. Он никогда не видел ее такой злой, как будто очередная ее маска теперь была снята. — Ты что, хотел на меня напасть?

Он молча кивнул.

— Оставайся теперь без завтрака. И без обеда, потому что сегодня я еду по делам. Придется тебе немного поголодать.

— По каким делам?

— Так я тебе и сказала.

— Ты знаешь, что у тебя на самом деле есть эмоции?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты только что сильно разозлилась.

— Но я ничего не чувствовала.

— Я видел злость.

— Не знаю, о чем ты. Может, тебе показалось?

Он больше не хотел ее злить, в гневе она выглядела чудовищно. Он тоскливо вздохнул и принялся собирать остатки еды с пола.

— Я сама, — снова приказала она.

Он отошел от нее не несколько метров, она краем глаза следила за ним.

— Я хотел бы тебе помочь, Нина, — начал он.

— Как?

— Мы можем провести сеансы регрессии.

— Это все та чепуха, которой пичкали тебя на учебе?

— Между прочим, мы узнали с помощью нее кое-что о твоём прошлом.

— Знаешь, а было даже здорово. — Внезапно ее лицо прояснилось. — Я как будто пережила тот день заново.

— А что бы ты сделала, если бы у тебя был шанс все исправить?

— Я бы ничего не стала исправлять. Мне нравится прошлое. Оно помогает не делать ошибок в будущем. Я бы не стала менять ни один кусочек своей жизни.

— Даже смерть Эдди?

— Даже его смерть. Если бы он не умер, кто знает, в каких бы мы были отношениях сейчас. А так — он всегда теперь рядом. Мне не нужно ни к кому его ревновать. Он безраздельно мой, и в этом прелесть того, что он призрак.

— Так он все-таки призрак?

— Я не знаю. Мне кажется, да. А ты веришь в это все? — Она собирала осколки.

— Я ни разу не видел призраков.

— Мой отец видел. Когда он надевал маску, он мог с ними общаться. Помнишь, я рассказывала про его дедушку?

— Да.

— Я уверена, что он на самом деле был там. Он не просто видел его, он действительно существовал в нашем мире. Кто знает, может, я все-таки унаследовала от отца этот дар.

— А ты сама видела своего прадеда?

— Мне кажется, один раз да. — Она сказала это, перематывая скотчем его кисти. — Однажды папа пошел в ванную. Он всегда туда ходил, когда мама говорила ему, чтобы он пришел в себя. Думаю, он там плакал. Так вот, когда он туда заходил, я решила за ним подсмотреть. Дверь была приоткрыта, и он там общался с дедом. Я уверена, что слышала, как тот ему отвечал. А еще я видела краешек одежды, зеленую униформу. У отца такой не было. И бряцанье часов, хотя он никогда их не носил. Я думаю, что тоже видела его.

— И что ты сделала? — спросил он, располагая ноги поудобнее, так, чтобы Нина привязала их послабее. Однако она туго затянула веревку.

— Я убежала. Мне стало страшно.

— Мы можем провести сеансы регрессии, чтобы докопаться до причин твоего безумия. Мы даже можем побывать в твоём детстве.

— Я где-то читала, что регрессия не работает. Что мозг имеет свойство выдумывать свое прошлое, если его об этом просят.

— Да, он действительно выдумывает. Но то, что он выдумывает, тоже имеет ценность. Скажем, ты не стала бы выдумывать такое событие, как убийство Ника Кейва, если бы ты никогда не думала об этом, если бы никогда этого не хотела.

— Что ж, это логично.

— Все, что ты выдумаешь во время регрессии, поможет нам так же, как и истинные воспоминания.

— Я подумаю над этим.

Она взяла в руки пистолет и принялась ходить вокруг него. Она над чем-то раздумывала. И снова этот жест. Она опять стала неузнаваемой, коснувшись лица. Роберт начинал побаиваться ее.

Нина подошла к нему спереди и начала снимать с него ботинки.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что тебе будет некомфортно с опухшей ногой.

Она выстрелила и сделала дыру в большом пальце его правой ноги. Он завопил от неожиданности и боли, разрывающей его. Она уже поднималась по лестнице.

— Что, если я умру здесь? — кричал он сквозь слезы. Он уже не видел ничего из-за красной пелены, которая окутала его закрытые глаза.

— Я вернусь раньше, чем это произойдет, — ответила она. — Ты и моргнуть не успеешь.

***

Нина явилась в полицейский участок в леопардовом платье, совсем как в тот день, когда ее впервые задержали за превышение скорости. Мода имеет свойство возвращаться раз в тридцать лет, цикличность, с которой тот или иной предмет гардероба становится неприемлемым в конкретный период истории, поражала ее. Но этим был и прекрасен ее возраст, можно было не выкидывать некоторые вещи в течение долгих лет, а потом поразить всех тем, что теперь называлось винтаж. Детективы Маккормик и Кюмри явно оценили ее внешний вид, когда она демонстративно изящно прошла в кабинет для допросов.

— Нина Грин, — переспросил Джон, — расскажите еще раз, что вы делали в тот момент, когда Кэтрин вышла из здания?

— Я распечатала отчет, который она создала, взяла бутылку, положила ее в сумочку и продолжила свой рабочий день.

— Вы ничего не делали с этой бутылкой? — подключился Кюмри. — Не открывали ее? Не выливали содержимое? Не могли ее перепутать?

— Нет, что вы, в лаборатории запрещается держать еду или напитки. Только вот...

— Что? — Джон оживился.

— Только вот Кэти показалась мне странной. Какой-то... обеспокоенной, что ли.

— Из-за чего, как вы думаете, она могла беспокоиться?

— Она всю ночь не спала, и мне кажется, какое-то событие ее очень взволновало. Она сильно суетилась.

— Пойдем выйдем, — сказал Джеймс и увел напарника из кабинета.

— Думаешь, это Кэтрин могла подменить воду? — спросил Джон.

— А что еще думать? Всю ночь проторчала на работе, вела себя странно. В конце концов, это ей доверили анализ. Почему она сама не отдала Роберту результаты?

— То есть она находит в бутылке диамфотоксин, очищает бутылку, обрабатывает ее хлоркой и просит Грин доставить ее нам?

— Почему бы и нет. Она сама не хочет говорить, потому что боится, что не сможет совладать с собой. Раскроеет себя.

— А почему тогда она сказала нам, что там было на допросе?

— Потому что думала, что мы сами все выяснили.

— Это очень странно.

— Помнишь, как она плакала? — спросил Джеймс. — Интересно, это были слезы страха или раскаяния?

— Я не разбираюсь в эмоциях настолько, чтобы точно сказать. Но все может быть.

— Давай пока не будем снимать со счетов эту Нину. Последим за ней какое-то время. Посмотрим, как она ходит на работу, как себя ведет. Я могу взять это на себя.

— Ага, леопардовая юбка! — Джон подмигнул ему.

— Нет, не из-за этого, — оборвал его Кюмри. — Просто чтобы удостовериться.

— Назначишь ей свидание?

— Это против правил, ты же знаешь.

Они вернулись в кабинет. Кюмри сел за стол и закинул руки за голову. Нина отшатнулась и провела рукой по лицу.

— Почему вы так реагируете?

— Типичное поведение типичнейшего полицейского.

— Да ну? — Он сощурился и наклонился к ней.

— А вот с этим — осторожнее, — предупредила она. — Я могу воспринять это как попытку заигрывания. Вам же не нужны проблемы, детектив.

— Не нужны. Как вы смотрите на то, чтобы показать мне лабораторию как-нибудь в рабочий день? Вдруг оттуда я лучше пойму, кто именно из вас сделал это?

— Запросто, — ответила она, — приходите завтра.

Выходя из участка, она специально обернулась, надеясь поймать взгляд Кюмри. Он разглядывал ее ягодицы.

Ему казалось, что кровь не остановится никогда. Он возил ногой по полу, чтобы оставшимися в живых пальцами почувствовать, теплая ли на деревянных досках жидкость. Только часа через четыре нога начала прилипать к полу, и еще через час то, что было на полу, полностью засохло.

Рана начала покрываться липкой корочкой. От этого было еще больнее: когда он пытался пошевелить ногой, она вскрывалась, корочка трескалась, и из-под нее сочилась свежая сукровица, обливая ногу горячей жижой. Он просидел так до ее возвращения, в полной темноте и тишине, прерываемой только своими рыданиями.

Роберт всегда считал, что самая большая боль, которую он чувствовал, было его падение со второго этажа их дома, когда ему было пять лет. Он тогда переломал себе несколько костей, включая до сих пор не зажившее повреждение шейного позвонка. Он высунулся из окна слишком сильно, чтобы посмотреть, куда Карл пошел гулять с мальчишками без него, и не удержался на подоконнике. Мама была сильно расстроена, она ругала брата, и Роберту было стыдно за это. Больнее всего был именно этот стыд, ведь он знал, что Карл ни в чем не виноват. А мама считала, что он обязан был взять младшего с собой, тогда бы с ним ничего не случилось.

Сейчас Роберт мог бы написать диссертацию о боли, потому что теперь, как ему казалось, он знал об этом все. Та боль вовсе не была болью вообще, ведь тогда он был маленьким мальчиком, и скорее всего, помнил он именно душевную боль — тот самый стыд, — а не физическую. Сейчас он прочувствовал все краски настоящей, человеческой, телесной боли. Она прорывалась сквозь его сознание и пугала разум. Он был готов умолять Нину о прощении, только чтобы она дала ему таблетки от этой адской боли. Он был готов сам признаться в убийстве, лишь бы она помогла ему не чувствовать больше этого. Не готов он был только мириться с этой болью, потому что пять часов подряд она высасывала из него все силы.

Вспышка света из открывшейся двери заставила его снова завывать, она, казалось, вонзилась в его голову своими маленькими мерзкими лучиками. Теперь он понял, как хорошо ему было в темноте.

— Ты еще жив? — спросила она. Ее голос был бодрым.

— Нет. — Он заплакал.

— Я тут принесла тебе кое-что.

Она спустилась по лестнице, неся в руках тазик с водой, бинты и аптечку.

— Сейчас я буду делать тебе перевязку, а ты постарайся терпеть. Ты же взрослый мальчик? — Он не понимал ее веселого тона.

— Зачем ты сделала это? — спросил он.

— Это же очевидно, Роберт. Не буду же я тебя все время привязывать, это не очень хорошо. Иногда мне придется отлучаться на целые сутки, как же ты будешь тогда спать? Я не настолько изверг, чтобы не давать тебе спать.

— Ты изверг, это на сто процентов, — простонал он.

— Нет, я просто не хочу, чтобы ты убежал. Если тебе не будет, на чем бежать, ты ведь тогда не убежишь? — Она улыбнулась. Роберт не мог поверить в дерзость своего сознания,

потому что считал ее улыбку соблазнительной. Он мысленно отругал себя за это.

— Я не убегу, честно. — В его голосе слышалась мольба. — Только не делай больше так.

— Не могу обещать. У тебя ведь все еще есть твоя вторая нога.

Он похолодел от ужаса.

— Нет, не бойся, точно не сегодня. — Она принялась обмывать его ногу намоченным вафельным полотенцем, он вздрагивал каждый раз, когда она к нему прикасалась. — Слишком много потрясений на сегодня, а то ты еще скончаешься от потери крови.

Закончив, она перевязала его ногу бинтом, сквозь ткань тут же проступили кровавые разводы. Она кинула мокрые салфетки в таз и направилась к выходу.

— Ты вернешься?

— Я принесу тебе ужин.

Она вернулась все с тем же подносом в руках и принялась кормить его. Зачерпывала ложкой суп, дула на него, совсем как мама в детстве, и подносила ложку ко рту. Роберт почувствовал облегчение, когда теплая жидкость спускалась вниз по пищеводу. Он немного ожил.

После кормления она начала развязывать его. Он не сопротивлялся. Ему не хотелось бежать сегодня, ему больше ничего не хотелось, только бы коснуться головой подушки и чтобы сон отпустил его боль. Она сделала ему укол кетопрофена и взбила подушку.

— Ты мне все еще нравишься, Роберт. Пусть все останется, как есть. Не пытайся бежать, тогда не придется простреливать тебе вторую ногу.

— Я не буду, — ответил он.

Она приблизилась к нему и поцеловала его в губы. Он ответил на поцелуй.

— Вот что мне в тебе нравится, — сказала она. — То, что ты, несмотря на боль, чувствуешь ко мне симпатию. Это чертовски возбуждает.

— Я не буду сегодня.

Но он не смог ей противостоять. Она стащила с него штаны, помогая ему освободить раненую ногу, и оседлала его. Она все сделала сама — ему практически не пришлось двигаться. Разрядка была очень кстати. После ее ухода он уснул как младенец. Только во сне ему являлся его пистолет, который говорил человеческим языком и просил спасти его из плена. Когда-нибудь, когда он выпитися, он так и сделает.

Он проснулся от грохота. Нина стояла спиной к нему и устанавливала неподалеку от Роберта какую-то коробку. Она отошла, и он увидел террариум, заполненный личинками диамфидии.

— Видишь, что ты наделал?

Роберт испугался, что сейчас она снова начнет причинять ему боль, и молчал, затаившись.

— Из-за тебя пришлось перенести сюда террариум.

— Почему из-за меня? — Он решился на требовательный тон, хотя боялся ее.

— Детектив Кюмри, твой коллега, между прочим, может заявиться ко мне домой в любую минуту. Если бы ты не начал этого дела с ядом, то ничего этого не случилось бы. Хотя... знаешь, я даже рада, что все так получилось. Это дает нам повод получше узнать друг друга.

— Не могу сказать того же.

— Ты все еще обижен за свою ногу? Перестань, все ведь хорошо. Твоя нога в порядке, я делала тебе новую перевязку, пока ты спал.

Роберт был удивлен. Неужели он мог не заметить этого? Неужели так крепко спал? Это было плохо, очень плохо, такими темпами не получится никакого побега.

— Зачем ты принесла его именно сюда?

— Здесь его точно никто не найдет. Ну и я не хочу, чтобы ты лишний раз разгуливал здесь. Иначе ты можешь наткнуться на нежелательных соседей. — Она хихикнула.

— Разгуливать с простреленной ногой?

— Поверь, Роберт, я не могу тебя недооценивать. Я знаю, на что ты способен. Прости за ногу, это была вынужденная мера.

Он все еще помнил, что она обещала прострелить ему вторую ногу, но боялся спросить у нее, хотя это ожидание его убивало.

— Ты больше ничего не собираешься со мной делать?

— Пока — нет.

Он выдохнул.

— А когда — да?

— Если ты будешь хорошо себя вести, то никогда. Знаешь, я общалась с твоим коллегой.

Он показался мне очень милым.

— Его ты тоже собираешься убить?

— Я пока не собираюсь тебя убивать.

— Пока — нет.

— Точно. Мы с ним встречались в моей лаборатории, он заходил посмотреть, как я работаю. Мне кажется, он мной заинтересовался.

— В каком плане?

— Как женщиной. Он слабо верит в то, что женщина может работать биоинформатиком. Он в каком-то смысле шовинист, не поверил в то, что мне хватает мозгов программировать.

— Он тебя подозревает?

— Конечно. Спасибо тебе, Роберт.

— Что еще он знает?

— Они пока не уверены, но подозреваемых сейчас всего двое — я и Кэт.

— Тебе не стыдно?

— За Кэт? Есть немного, но она сама виновата в своей неаккуратности. Я уговорила ее закончить анализ, хотя у нас так не делают. Бедняжка слишком сильно устала за ночь, поэтому я склонила ее на проступок. Иначе это никак не назовешь. Я пообещала ей, что никому не скажу, но ведь речь идет о моем спасении. Все средства хороши, когда дело касается свободы.

— Ты дьявол.

— Называй меня, как хочешь. Ты еще не передумал по поводу регрессии?

— А ты решилась?

— Думаю, да. Я готова покопаться в своем прошлом.

— Что мне за это будет?

— Я не убью тебя.

— А ты меня отпустишь?

— Не могу обещать. Но если все повернется так, что ты меня убедишь сдать, то почему бы и нет. На самом деле, Роберт, я хочу стать нормальной, искренне хочу. Но я не могу сделать это сама. Я пока что сомнительно отношусь к твоей инициативе, но готова попробовать.

— Когда начинаем?

— Прямо сегодня. Только мне нужно кое-что сделать. Тебе это понравится, обещаю.

Она вернулась с каким-то предметом в руке, Роберт никак не мог разобрать, что это. Когда достала из дальнего угла стремянку и встала на нее, он понял. Это был лампочка.

— Да будет свет! — радостно провозгласила она. — Мне не терпится начать.

Роберт сидел на полу, на своем матрасе. Она примостилась рядом, легла и закрыла глаза.

— С чего начнем? — спросил он.

— У меня проблема с отношениями, — ответила она, — думаю, стоит рассмотреть их все. С самого начала.

***

— Зак был моим первым парнем. Я познакомилась с ним в школе, он был первой любовью моей близкой подруги. Я увела его у нее. Помню наше первое выступление на шоу талантов. Мы с ней пели у микрофонов, в одном номере, а он пришел посмотреть. Он как-то сразу проникся ко мне, хотя я была скованной и замкнутой девочкой. Все говорили, что я красивая, а я себе казалась нескладной уродиной. Господи, как я ошибалась. Я стала уродиной позже. Он был первым мальчишкой, кто сказал мне о моей красоте.

— И ты сразу поверила?

— Да, он был для меня авторитетом. Он был старше нас. Я помню его руки — большие ладони и короткие пальцы с обкусанными ногтями. Сейчас я бы назвала их гномьими, но тогда, кажется, я влюбилась именно в них. Он помог мне завязать галстук (да, у меня был эпатажный костюм с галстуком). Я так сильно ощущала тепло, исходящее от его рук, что задержала дыхание, боясь попасться на симпатии. Когда он случайно слегка коснулся моей шеи, я дернулась, как от удара током. Он заметил мое смущение, поэтому смотрел на меня, пока возился с чертовым галстуком. Наблюдал за моей реакцией. Он поймал мой взгляд, и я залилась краской. С этого момента между нами все было ясно. Неотвратимая химия. Он понимал это, и я понимала.

После выступления мы пошли к нему домой вместе с подругой, втроем. Они постоянно целовались, мне было ужасно неловко. Он поглядывал на меня с интересом, и я боялась, что сделаю больно подруге. Но я все-таки сделала. Однажды я позвала его в загородный дом своих родителей. Без нее. Там мы с ним впервые поцеловались. Это вообще был мой первый поцелуй.

— Тебе понравилось?

— В целом, да. Хотя это было мокро и не очень гигиенично. Мы начали встречаться. Он расстался с ней, и она долго вспоминала этот случай много лет спустя. Она была ужасно огорчена.

— И долго вы встречались?

— Почти три месяца. А потом все само собой сошло на нет. Был один инцидент... Когда он был у меня в гостях, мы с ним заперлись на кухне и целовались. Я сидела у него на коленях, а он гладил мою спину. И тут вошел папа. Он попросил Зака уйти, пообещал спустить с лестницы. Я до сих пор не понимаю, что такого мы сделали, хотя мне было ужасно стыдно. Мне и до сих пор стыдно.

— Это не закрытый вопрос для тебя?

— Пожалуй. Мне было неловко перед Заком и неловко перед отцом. Мне было четырнадцать, и спустя год папа ушел.

— И ты так и не спросила его, почему он выгнал Зака?

— Нет. Когда мы с ним расстались, моя влюбленность была уже так далеко во времени, что мне было очень стыдно за свое поведение. Знаешь, ведь он был ну совсем никаким. Учился на слесаря, родители пьяницы, сам он ни капельки не симпатичный, грубый, глупый.

— Что бы ты сказала ему, если бы встретила сейчас?

— Я бы извинилась.

— За что?

— За то, что я дала ему ложную надежду. За то, что папа тогда его выгнал. За то, что не ценила его и не могла оценить, потому что он был совсем не моим вариантом. Я позарилась на него из-за подруги, она любила его так, что мне было завидно.

— Ты завидовала ей?

— Я завидовала их любви. Он был у нее первым, и мне тоже хотелось такой любви. Я думала, что я смогу ее получить, если заберу его.

— Ты извинилась перед подругой?

— Не просто извинилась. Спустя день после того, как мы расстались, она мне позвонила и простила меня. Мы поболтали с ней до глубокой ночи. Она на тот момент уже не была в него влюблена, и я тоже. Мы обе считали друг друга дурочками, ведь он не подходил никому из нас.

Наверху зазвонил телефон.

— Я должна ответить.

Она удалилась. У Роберта в голове начала складываться картинка. Зак, первая любовь Нины, вызывал у нее чувство стыда. Именно в этом ощущении, как полагал Роберт, крылась проблема ее влюбленности. Ей было стыдно за себя. Стыдно, что она полюбила такого, как Зак.

— Звонил детектив Кюмри, — сказала она, спускаясь по лестнице. — С меня сняты все обвинения. Они арестовали Кэт.

— Я встретила Эдди в лифте, и меня тут же пронзила странная эмоция. Я бы назвала это узнаванием. Я тут же узнала его.

— Ты встречалась с ним раньше?

— Нет, не то. Как будто я знаю его всю жизнь. У него было такое знакомое лицо, такое родное, словно я видела его каждый день и уже очень любила. Мы тогда разошлись, не сказав друг другу ни слова. Хотя я знала, что он почувствовал то же самое. Он тоже на меня смотрел в тот момент.

— Как он смотрел?

— Он был очень взволнован. Это не любовь с первого взгляда, нет. Это была любовь, которая уже существовала, причем давно, просто она не находила выхода, потому что раньше мы не были знакомы. Я поднялась к себе домой, а он к себе. Я не знала что делать. Написала об этом в дневник, а потом, не выдержав томления, спустилась вниз, ожидая увидеть там его. И он там был. Он сделал то же самое, понимаешь?

— То есть он тоже вышел, чтобы увидеть тебя?

— Да. С тех пор мы любим друг друга. Он единственный, кого я когда-либо любила.

— Тогда, у тебя в квартире, ты говорила, что тот альбом — фотографии всех, кого ты любила.

— Нет, в них я была влюблена. Это не то же самое. Влюбленность — это то, что помогает мне жить.

— Каким образом?

— Когда я влюблена, я чувствую жизнь ярче. После того как Эдди не стало, все мои эмоции притупились. Я не могу почувствовать радость или грусть, все стало плоским и серым. И только состояние влюбленности может вернуть меня из этого чувственного вакуума. Когда я влюблена, мое настроение поднимается, я ощущаю прилив сил и желание выглядеть красивой. Весь мир кажется приятным, добрым и милым.

— А с Эдди у тебя была влюбленность?

— Нет, с Эдди с первых минут была любовь. Он умер во время восхождения на Эверест.

— Но ты говорила, что он тебе помогал затащить меня сюда.

— Он помогает мне всегда, каждую минуту. Он и сейчас где-то рядом, я знаю это. Я могу поговорить с ним в любую минуту.

— То есть ты видишь его... дух?

— Что-то вроде того. Он защищает меня. Говорит мне, что делать, когда я в беде. Помогает мне советами. Любит меня, каждый день. Мы даже занимаемся сексом.

— Как это происходит? Ты трогаешь себя, представляя его?

— Нет. Я не знаю. Я не помню, как точно это происходит. Мне неприятны такие вопросы.

— Почему?

— Рассказывая о нем, я как будто предаю его. Мы с ним только вдвоем, в наши отношения никто не должен лезть.

— Но я хочу помочь тебе.

— Ты меня слышишь? — Ее голос внезапно стал требовательным. — Никаких больше

вопросов про Эдди.

— Ты сильно расстроилась, когда он умер?

— А ты как думаешь? — Она почти кричала. — Я хотела себя убить!

— И ты делала попытки?

— Конечно. В первый год после его смерти меня изнасиловали. И я этого сама добилась.

— Что ты сделала?

— Я напилась и уснула в парке. А потом, ничего не соображая, отдалась нескольким мальчишкам, которые гуляли ночью. Они меня нашли, и я не сопротивлялась.

— Таким образом ты хотела себя убить?

— Наверное, я хотела себя заклеить. Не знаю, почему. Без Эдди мое существование казалось жалким, и я хотела сделать себя жалкой и порочной.

— Но тебя ведь не убили.

— Моя вторая попытка была намного более целенаправленной. Но я не умерла, он спас меня. И тогда я увидела свой путь.

— Какой путь?

— Я увидела его. Спустя несколько месяцев. И я придумала, что мне делать.

— И что же?

— Продолжать жить, но теперь с Эдди. Мы теперь навсегда вместе.

— А я могу его увидеть?

— Конечно, нет, что за вопросы? — Она усмехнулась. — Только я могу его видеть.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — заключил Роберт, — мне нужно много о чем подумать.

— Ты устал?

— Да, я чертовски устал.

— Я уйду.

У Роберта действительно не было сил. Они проговорили несколько часов подряд, и теперь ему нужно было отдохнуть. Нога ужасно болела, и он попросил ее сделать ему укол. Она ушла наверх, а потом спустилась со шприцем в руках. Это было унижительно, поворачиваться к ней голыми ягодицами, но он уже давно потерял свою гордость, поэтому позволил ей сделать, что полагается, и даже поблагодарил.

Она встала на стремянку и выкрутила лампочку.

— Свет — только для наших сеансов, — сказала она.

У него не было сил даже возразить. В конце концов, при такой боли темнота даже лучше.

Она поднялась по лестнице и закрыла за собой дверь на засов снаружи. Роберт тут же провалился в сон.

Нина не приходила целый день. Он ждал ее на новый сеанс, но она только забежала на пять минут, чтобы принести ему завтрак — неожиданно плотный, практически как два завтрака — хлопья с молоком, яичницу с беконом, кофе, кусок торта и круассан.

— Зачем так много? — спросил он.

— Сегодня у меня дела в городе, и тебе придется поголодать до завтрашнего дня, — объяснила она. — Так что наедайся.

Она ушла, так и не включив свет, хотя он попросил ее об этом.

— И что же мне делать в темноте? — спросил он.

— Продумывай план моего лечения. Разве тебе нужно что-то, кроме своих мозгов? Мне кажется, по-настоящему умному человеку не может быть скучно самому с собой.

Он не нашел что возразить, и она ушла, оставив его во мраке.

Несколько часов он просто спал, и ему снился лабиринт. Он все время заходил в тупик, и везде ему чудился голос Нины — только усиленный в десяток раз, — она была Минотавром. Очередной тупик был закрыт на засов снаружи. Это был не просто тупик, а железная дверь, точно такая же, как и та, что вела в подвал. Он пытался открыть ее, толкать, пинать ногами, но ничего не помогало — она только отзывалась железным гулом. Он проснулся в холодном поту.

Как он мог до сих пор не продумывать план побега? Почему только во сне его волновала своя свобода и жизнь?

Он понял, что сегодня — идеальный день, чтобы понять, как открыть дверь, и не ошибся.

Роберт на ощупь пробрался вверх по лестнице и принялся молотить кулаками по металлическому полотну. Нина не пришла на шум. Значит, ее нет в доме. Значит, она не услышит его попыток сбежать.

Он провел рукой по дверной щели, и обрадовался, когда понял, что она не соприкасается со стеной наглухо. Она закрывалась на засов, значит, можно было понять, на какой высоте этот засов находится. Настало время тщательно обследовать место его заточения.

Он спустился, на ощупь подошел к ближайшей стене, встал на четвереньки и начал медленно ползти. Первым препятствием была стремянка. Он потрогал ее и осторожно обошел. Дошел до угла — там стояли какие-то инструменты, он различил лопату, грабли и пару деревянных черенков без насадок. Роберт посидел в этом углу какое-то время, пытаясь понять, как это все может ему пригодиться. Только если он задумает оглушить Нину. Лопата — классическое орудие убийства, и если он хотел сбежать, стоило держать ее рядом с дверью. Только Нина может это заметить. Нет, не сегодня. Сегодня он просто обследует подвал. Он думал, что поймет, когда придет время действовать. Тогда он выберет момент и атакует ее из-за двери. Сейчас это был не тот момент. Он еще слишком слаб для нападений: нога ныла, и любой более или менее сильный толчок в грудь мог свалить его на землю.

Роберт полз дальше. К ладоням прилипали столетние слои пыли, он то и дело отряхивал их о свои брюки. Было не жалко — их принесла ему Нина, чтобы «держат тебя в чистоте и красоте». Через несколько метров на полу что-то звякнуло — он задел ногой какую-то

железку. Роберт ощупал пол: на нем лежали стопкой три-четыре железных листа. То, что нужно. Должно быть, это старый разобранный мангал для барбекю или еще бог знает что. Но это как раз то, что могло пригодиться. Он взял один из листов — самый ровный — и пополз дальше.

Следующий угол был чист — странно, учитывая запущенность подвала. Зато в ближайшем к лестнице углу, напротив места, с которого он начал поиски (если ориентация в пространстве не обманывала его) было кое-что тяжелое. Чугунные щипцы для угля. Роберт ликовал. У него было все необходимое, чтобы устроить побег.

Осторожно неся в руках свои находки, он снова поднялся по лестнице.

Он просунул железный лист в дверную щель сверху и медленно опускал ее, пока не наткнулся на засов. Он двигал лист влево и вправо в надежде, что засов окажется не таким тугим. Это было тщетно, он только поранил руку. Он почувствовал, как теплая капелька крови сползает по его пальцам. Плохо, очень плохо — Нина может заметить это, и что тогда он ей скажет? Как объяснит свои боевые ранения?

Тут ему в голову пришла замечательная идея — он может пометить место, где находился засов. Кровь как раз была кстати. Он провел порезанным пальцем по кирпичу напротив засова. В темноте ничего не было видно, но он попробует уговорить его оставить свет в следующий раз. Он вытащил металлический лист и проделал то же самое снизу, замеряя ширину засова. И снова оставил кровавую отметину.

Теперь настало время щипцов для угля. Роберт попытался просунуть одну из половин в дверную щель, но ничего не получилось: они были слишком толстыми для проема. Тогда он нащупал все еще мокрый от крови кирпич и принялся стучать по нему рукояткой. Несколько камешков отвалилось от него. Значит, кирпич был не таким плотным, и в следующий раз можно будет раздробить его и вытащить. Тогда он сможет достать рукой до засова. Возможно, придется дробить и соседний кирпич. Работа была долгая и трудная, но это казалось ему вполне реалистичным планом.

Роберт устал. Он отнес инструменты на место, оставив их там, где они были, чтобы Нина ничего не заподозрила. Затем прилег на матрас и уснул.

***

Она сидела рядом и смотрела на него. Удивительно, как выматывает планирование побега, он не проснулся, даже когда она зажигала свет.

— Где ты была? — спросил он. — Сейчас день или ночь?

— Ты, похоже, только и делал, что спал. — Она усмехнулась. — И даже не думал обо мне?

— Думал.

— Сейчас глубокий вечер. Я была у детектива Кюмри. Он славный мужчина. Мы переспали.

Сказанное так поразило Роберта, что у него невольно приоткрылся рот. Она коснулась его подбородка, его слегка передернуло.

— Что, ты хотел быть моим единственным?

Похоже, что ей нравилась ревность.

— Только не будь как Джо.

— Кто такой Джо?

— Джо — новая история, о которой я тебе расскажу.

***

— Он был совсем взрослым, по крайней мере мне так казалось. На курс старше меня. Меня всегда тянуло к мужчинам постарше. Один год — не слишком большая разница в возрасте, но хотя бы какая-то разница. Мы начали встречаться после студенческой вечеринки, когда проснулись в одной постели.

Роберт вопросительно посмотрел на Нину.

— Нет, ничего такого не было. Мы просто лежали в одежде, я — на его груди, а он — обняв меня за талию. Я считала его крутым. Он слушал металл, учился на отлично и был поначалу несколько холоден ко мне. Самое яркое воспоминание, после которого я окончательно в него влюбилась, — его нелюбовь к красной помаде. Он сказал мне об этом прямо.

— Она была на тебе?

— Да. Я обожаю красную помаду, она делает меня уверенной в себе и отстраненной. Никто не захочет целоваться с девушкой, на которой красная помада. А он захотел. Это и было тем самым моментом: я помню, как мы сидели вдвоем на одной из двухъярусных кроватей и пили водку с апельсиновым соком. Мне было явно достаточно, но я не знала меры, особенно после смерти Эдди.

— У тебя проблемы с алкоголем?

— Были, очень серьезные. Не хочу сейчас об этом говорить. Могу сказать только одно: никто мне не помог. Все видели, что я спиваюсь, все говорили «хватит», «посмотри на себя», но никто не оказал практической помощи. Ни один человек. В какой-то степени именно после этого я не очень доверяю людям.

— Не похоже, что ты не хочешь об этом говорить.

— Не хочу. Он как-то неловко наклонился ко мне, как будто случайно, чтобы поставить свой стакан, и мои губы оказались рядом. Я почувствовала себя ужасно грязной, но одновременно очень желанной. Помада размазалась по нашим губам. Когда он оторвался от меня, его рот был красным, как будто он поцеловал шлюху. Мне очень нравился этот образ. Тогда я в него и влюбилась.

— Контраст?

— Что? А, да. Если ты об этом, то да, отличник, маменькин сынок — хотя я узнала об этом позже, — и такая порочность. Контраст крайностей — как раз то, что я люблю.

— А что тебе понравилось во мне? — Роберт сам не ожидал, что задаст такой вопрос, но было поздно.

— Хм. Помнишь, как мы стояли около концертного зала, когда всех выводили наружу? Ты попросил у меня закурить.

— Да.

— Ты сказал, что арестуешь меня, и я сразу почувствовала опасность.

— От меня?

— Да, ты так молод и так складно говоришь. Ты показался мне чертовски привлекательным, в полицейской форме, с идеальными скулами, совсем как Кевин Костнер в «Нет выхода». И достаточно наглый, чтобы так шутить. Тебе никогда не говорили, что у тебя есть особенная харизма?

— Нет. Но я полагаю, она есть, если ты в меня влюбилась?

— Есть. Знаешь, что было последним штрихом в твоём образе?

— Что?

— То, как ты надел перчатки, когда уходил.

— У тебя фетиш по перчаткам?

— Не знаю. Но ты в них смотришься сногсшибательно.

— Спасибо. Жаль, при мне их нет.

Они какое-то время молчали. Роберт почувствовал, что все еще хочет ее, несмотря на все, что она сделала с ним.

— Джо и вправду оказался маменькиным сыночком. Он был единственным ребенком в семье, и мама опекала его, как наседка. Что бы он ни захотел и ни собирался сделать — она поддерживала его и вселяла в него чувство собственного превосходства. Примерно тогда я начала толстеть. Я пила безбожно. Я приходила к нему домой пьяной. Никто ничего не замечал. Или не хотели видеть.

— Ты переживала из-за набора веса?

— Тогда — нет. Потому что было всего-то плюс пять-семь кило. Вот потом все стало совсем плохо, когда я набрала лишних тридцать килограммов. Но это случилось позже.

— А как Джо на это реагировал?

— Был один неприятный момент. Он спросил, не беременна ли я. Потому что об этом спросила его мама. Я была оскорблена до глубины души. А еще он запрещал мне видиться с моими подругами, потому что считал их недостойными моего (хотя, думаю, имелось в виду его) внимания.

— Отношения превратились в ад?

— Не сказала бы, что ад. Просто в какой-то момент он начал меня бесить. Я была очень тихой девушкой, скромной и кое-где робкой. Я не могла его бросить. Я не могла и помыслить о том, чтобы сделать ему больно. Моя любовь за три года, что мы встречались...

— Три года? — Роберт выглядел ошарашенным.

— Даже не так. Моя любовь к Джо испарилась за год. Оставшиеся два года я его ненавидела. А его любовь ко мне росла, и это выводило меня из себя еще больше. Я считала, что он не имеет права указывать, как мне жить, а он стремился к большему влиянию на мою жизнь. Но в конце концов я была не способна его бросить. И тогда он попал в аварию.

— Он выжил?

— Нет. Но мне стало так легко и свободно... Я не могу описать это чувство. Грусть от потери, смешанная с чувством полета. Тогда я поняла, что мне лучше быть одной. Но это продолжалось всего лишь до следующей влюбленности. Вот так оно и бывает, Роберт. Я влюбляюсь и парю на крыльях счастья. Мне все нипочем. Я становлюсь удивительно сильной, творческой, умной, веселой. Потом я желаю избавиться от этого человека, потому что мне стыдно за то, что именно он (а он всегда оказывается хуже Эдди) породил во мне эти эмоции. А после расставания я какое-то время чувствую легкость, пока меня не накрывает депрессия. И тогда я влюбляюсь снова. Это происходит как раз в тот момент, когда я уже почти готова убить себя. Мой уровень эмоций исчерпывается, и я не вижу смысла продолжать свое существование. И тогда я ищу, в кого бы мне влюбиться. А еще... Такой парадокс. Ведь женщина не должна сама начинать отношения.

— Почему?

— Так говорила мне бабушка. Будь неприступной, не навязывайся, и за тобой потянутся толпы мужчин.

— По-моему, такие суждения — прошлый век.

— Ты не прав. Это и сейчас работает. Я всегда навязываюсь, а потом получаю свое. А когда я получаю, мне становится скучно. А потом стыдно, ведь я сама хотела этого, а теперь

отказываюсь. И мне всегда тошно от таких мужчин — они сами никогда не делали первого шага, ожидая, когда сильная женщина вроде меня добьется своего. Но когда я добиваюсь, мне это перестает быть нужным.

— Хочешь, я добьюсь тебя?

— Куда тебе, Роберт. Ты уже в моей клетке.

Роберту внезапно стало жаль Нину. Он потянулся к ней и коснулся ее губ. Поцелуй получился нежным. Она отстранилась и приложила тыльную часть руки к своей щеке. Ему это показалось очень милым.

— Ты красивая и умная, — сказал он, — тебе незачем добиваться мужчин, они сами прибегут к тебе.

— Перестань. — Ее голос был мягким. — Ты просто хочешь выбраться отсюда.

— Нет, я говорю серьезно. Нина, ты уже не та робкая полная девушка. Тебе не нужно никого добиваться.

Она заплакала, и он обнял ее. Так они просидели минут десять.

— Спасибо, — сказала она, — мне и вправду лучше. Но нам не стоит видеться так часто.

— Почему?

— Мы исчерпываем лимит влюбленности. Чем чаще мы вместе, тем быстрее бежит время. Тем ближе конец.

Она встала и вышла, оставив Роберта в задумчивости. На этот раз она не выключила свет. Вероятно, забыла. Но о побеге сейчас он не мог думать, своими слезами она выбила его из колеи. Теперь он по-настоящему влюбился в нее. Все, что было сейчас в его голове, — это противоположное течение времени. Для него — усиление чувств, для нее — угасание. Он боялся представить себе, что будет, когда они достигнут предела.

Роберт проснулся от шума наверху. Кто-то настойчиво стучал. Звуконепроницаемость подвала не позволяла ему различить, что там происходило, но стук внезапно затих, и он услышал громкий голос Нины, она кого-то приветствовала. Роберт почувствовал, что это его шанс. Все, что оставалось сделать, — подать признаки жизни.

И он закричал:

— Помогите! Эй! Я внизу!

Голоса затихли. Отсюда, из подвала, он различал только интонации, и то если говорили громко. Он услышал, как Нина запричитала, похоже, уверяла незнакомца в том, что ему послышалось.

Роберт снова закричал. Что, если это полицейский? Тогда можно уже считать, что он спасен.

— Помогите! Кто-нибудь!

Воцарилась полная тишина, а затем — громкие звуки музыки.

— Молодец, Нина, знаешь, что делать, — сказал он сам себе.

Он подбежал к углу подвала и схватил щипцы для угля. Потом снова поднялся по лестнице и принялся колотить ими сначала о дверь, а затем о помеченный кровью кирпич. Шум был достаточно громким, чтобы услышать его в доме, но только не сквозь эту музыкальную феерию.

Он продолжал стучать, пока не выдохся. Совсем обессилев, он сел на пол около двери, подперев руками щипцы. Он просидел так около часа, надеясь, что музыка наконец стихнет и он сможет продолжить свои попытки обнаружить себя.

Наконец он услышал шаги, которые приближались прямо к нему. Это были мужские шаги: он запомнил походку Нины и мог отличить ее хищную поступь от любого другого человеческого существа.

Шаги прекратились очень близко к двери, и Роберт снова закричал. И тут он услышал мужской голос.

— Эй, здесь кто-нибудь есть? — спросил он.

— Да, я здесь в заг-т-точении. — У Роберта путались слова, он начал заикаться от волнения. Он не мог поверить своим ушам. Музыка все еще не стихла, поэтому голос незнакомца было сложно различать.

— Кто вы? — ответил голос.

— Меня зовут Роберт. — Он пытался тщательно подбирать слова, чтобы не тратить драгоценные минуты внимания. — Нина заперла меня здесь и хочет убить. Пожалуйста, будьте осторожны с ней. — Он прислушался, но голос не ответил. — Немедленно уходите отсюда и вызовите полицию. Она очень опасна, — последние слова он произнес скороговоркой. — Вы все еще здесь?

Никто не ответил. Роберт снова принялся стучать щипцами о дверь. Музыка стихла.

— Вы здесь? — повторил он.

— Я здесь, — ответила Нина.

У Роберта перехватило дыхание.

— Мы поговорим с тобой об этом, Роберт, — тихо сказала она.

Он быстро сбежал по лестнице и пристроил щипцы на место. Затем принялся ходить по помещению взад и вперед. Музыка выключилась. Но он больше не смел кричать. Все было кончено.

***

Скрип открываемой задвижки привел его в чувства. Нина зашла, держа в одной руке пистолет, а в другой — шприц.

— Я не ожидала от тебя такого, — сказала она. — Вот это комедию ты устроил!

— Что ты сделала с этим человеком?

— Ничего, не беспокойся. Сказала ему, что у меня ребенок, который заслужил наказание, и проводила его за дверь.

— И он просто так ушел?

— Да, ушел. — Она нацелилась ему прямо в сердце и приказала повернуться спиной.

— Только не сейчас, Нина. Мне плохо от твоих уколов.

— Ты сам виноват, — ответила она.

— Давай я не буду сопротивляться, и ты просто свяжешь меня. Обещаю, что не сделаю ни единой попытки вырваться.

— Почему я должна тебе верить? После такого.

— Потому что я... — Он почувствовал укол в шею. — Клянусь... — И провалился в сон.

***

Она не стала связывать его вторую ногу, за что Роберт был очень благодарен. Рана продолжала ныть, и тугие веревки только усугубили бы ситуацию. Она стояла прямо перед ним.

— Потом у меня появился Алан, — начала она.

— Сколько времени я проспал? Я не готов слушать истории в таком виде, — возразил он.

— Нет, тебе придется. Кто хотел сегодня сбежать, а? — Она потрепала его по щеке, как маленького ребенка. Роберт попытался укунить ее, но ничего не вышло. Так он был зол на нее. Хотя, скорее, на себя. Чтобы упустить такую возможность, нужно еще постараться.

— Алан был твоим следующим любовником?

— Вот именно — любовником. У нас были отношения без обязательств.

— То есть просто трах, и все? — Роберт уже не выбирал выражений, ситуации хуже, чем сейчас, придумать было сложно.

— Да, так и есть.

— И тебя это устраивало?

— Более чем. Я была в него влюблена какое-то время.

— И как это случилось?

— Я была на своей первой работе. У меня буквально пухла голова от всех документов, которые мне нужно было перечитать и понять. И в самый ответственный момент у меня полетел компьютер.

— Он работал с тобой?

— Да. — Она легла на матрас и принялась разглядывать покачивающуюся на полочке лампу. — Он был как раз по части компов. Я видела его издали всего несколько раз, его невозможно было не заметить. Он был очень громким, всегда отпускал какие-то шуточки, и в целом, казалось, все помещение заполнялось им, когда он заходил туда. И вот он пришел ко мне, только ко мне. Само это безраздельное внимание очень льстило мне. Но потом он

наклонился надо мной, и я почувствовала запах дегтярного мыла. Так пахло в доме моих родителей, когда я была маленькой девочкой и смотрела «Трех мушкетеров». Тогда я была влюблена в одного из актеров, он мне безумно нравился. И этот запах навеял мне воспоминания о доблести, чести, романтической любви. Я тут же связала образ Алана со своими детскими чувствами. В тот же вечер мы с ним занялись сексом в серверной. А потом начали делать это несколько раз в неделю, встречались в основном у него, потому у меня в общезнании.

— И сколько продолжались ваши отношения?

— Семь лет.

— Ты столько времени была влюблена в него?

— Нет. Я была влюблена ровно три месяца. А потом это стало привычкой. И мне снова начало становиться стыдно за то, что я вру ему. Он несколько раз спрашивал о статусе наших отношений, а я отнекивалась. Мне не хотелось иметь с ним ничего общего, кроме редких сношений, которые мне уже давно не доставляли удовольствия. Но я боялась сказать ему о своих чувствах. Дело в том, что тогда у меня никого, кроме него, не было. И если бы я сказала ему, что больше не хочу с ним встречаться, он бы подумал, что я фригидна.

— Тебе так важно мнение окружающих?

— Выходит, что да. В конце концов, когда я уже начала угасать и не могла найти новую любовь, с ним случилась беда.

— Какая?

— Он разбился в автомобильной аварии.

— Каким образом? Несчастный случай?

— Говорят, он уснул за рулем. Тело было так покалечено, что вскрытие сделали формально. Так, для галочки. Узнали только то, что он не выпивал за рулем. Вероятно, он очень сильно устал.

— Ты была огорчена его смертью?

— Скорее да, чем нет. Но меня снова посетило это приятное чувство избавления. Мне не пришлось бросать его, делать ему больно. Все произошло само собой.

— Это ненормально, Нина.

— А что, по-твоему, нормально? Есть ли вообще в этом мире что-то нормальное?

— Что мешало тебе просто бросить его? Сказать правду.

— К тому моменту, как мы провстречались семь лет, я была уже очень толстой. Я весила под девяносто килограммов. Я боялась, что кроме него никого уже не найду. Да что там, я была благодарна ему за то, что он по-прежнему хотел меня, несмотря на мое безобразное тело.

— Ты действительно считала себя безобразной?

— На сто процентов. Я была сильно обязана ему за его внимание. Поэтому я не могла его бросить. Особенно после того, как он начал говорить о свадьбе.

— Он хотел жениться на тебе?

— Только после того, как я похудею. Мне было стыдно за себя. Я была зла на него. И благодарна. И я была в глубочайшей депрессии. Только Эдди помогал мне время от времени.

— Каким образом?

— Разговорами. Он пытался убедить меня, что я все еще красивая. Это вселяло в меня надежду. В конце концов, я просто женщина. Я просто хочу любить, и чтобы любили меня. Одинаково.

— Но так не бывает.

— А я хочу одинаково. Ведь если мужчина тебя любит больше, то ты быстро охлаждаешься к нему. А если ты его любишь больше, то он кажется тебе холодным и черствым. В общем, единственный выход из этих отношений — смерть одного из нас. И судьба выбрала не меня.

— Думаешь, это судьба?

— А что же еще?

— Мы сами творим свою судьбу.

— А я о чем?

Она встала с матраса и подошла к стремянке. Некоторое время она смотрела на Роберта в сомнениях, но все же решила выкрутить лампочку.

— Ты меня развяжешь? — спросил Роберт.

— Я больше не могу тебе доверять, извини.

Она выключила свет, и они остались в полумраке, свет поступал только из-за полуоткрытой двери.

— Сегодня это будет твоим наказанием. Поспишь сидя. А завтра я посмотрю на твое поведение. Ты же будешь хорошо себя вести?

— Да.

— Как насчет поклясться?

— Клянусь.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

Роберту казалось, что он снова слышит чьи-то шаги наверху, помимо шагов Нины. Он боялся ее и боялся того, что у нее есть сообщник. Справиться с двумя преступниками не представлялось ему возможным. Потом ему снова чудилось, что наверху была толпа людей, и он окончательно перестал доверять своему слуху. Предсонное состояние было его спутником почти двадцать четыре часа подряд: он не мог спать сидя, его голова то и дело падала на грудь, и он тут же просыпался. Боль в ноге уже почти не чувствовалась, единственное, чего он хотел, — нормально поспать.

Пока он сидел, в голову приходили разные планы побега: первый, тот, который он обдумывал ранее, уже не казался ему таким идеальным. Нина могла услышать грохот раскальваемого кирпича и прибежать на звук. Значит, делать это нужно было, пока ее нет дома. Но как скоро она снова уедет?

Второй план — раздобыть масло из утренней овсянки и смазать изнутри через щель засов так, чтобы его можно было сдвинуть, тоже был не самым удачным. Очень вряд ли засов поддастся. Скорее всего, он достаточно плотно закрывает дверь.

Третий план был вообще из разряда фантастики: убедить Нину провести его по дому, чтобы прогуляться, и украсть из ее аптечки шприц с сонной шпуковиной или любые другие сонные таблетки. На худой конец — отравить ее. То есть поступить так же, как она поступила с несчастным Ником Кейвом.

Он до сих пор не мог поверить, что она в одиночку задумала и совершила такое убийство, и тем более непредсказуемой она ему казалась. Каждый раз, когда он думал о том, как сбежит, он напоминал себе, что, скорее всего, недооценивал ее. Ну и что с того, что она женщина? Она выглядела так, будто в спортзале тягает штангу по восемьдесят килограммов. Идеально подтянута, с идеальным мышечным корсетом. Интересно, что заставило ее превратиться из пухленькой серой мышки в машину для убийств?

Дверь скрипнула, и она вошла, неся в руках поднос с едой. Она поставила его на пол и вкрутила лампочку.

Она принялась кормить его из ложечки, заботливо вытирая ему рот салфеткой.

— Карл, еще один объект моей влюбленности, — продолжила она свой рассказ. — У нас ничего не было. Но именно он заставил меня измениться.

— Каким образом?

— Мы с Аланом поехали на отдых на Гоа. Там мы поселились в гостинице, где постояльцами, по счастливой случайности, были наши соседи по улице здесь, в городе. Одним из них был Карл. Он жил на Гоа уже почти полгода, разъезжал по окрестностям на мотоцикле и курил траву. Он тоже думал, что мы с Аланом — пара. Я к тому моменту была совсем не в форме, но мое лицо еще не потолстело. Оно, как я думала, выглядело прекрасным, и я все еще могла строить глазки объектам своего интереса.

— И ты строила глазки ему?

— Я пыталась. Но он якобы не понимал намеков. Финальным штрихом, который создал в моей голове идеализированный образ Карла, была наша совместная поездка в магазин на его байке. Он посадил меня сзади и сказал держаться за его спину. Я чувствовала его тело сквозь футболку, и меня это ужасно возбуждало. От него пахло солью, солнцем и горькими

самокрутками. И тогда, за три дня до нашего отъезда, я написала ему письмо с признанием.

— Он на него ответил?

— Поначалу нет. Но я преследовала его. Я пыталась создавать ситуации, в которых мы оставались наедине. Но он молчал и делал вид, что ничего не произошло. А потом, когда я прямо спросила его, он ответил, что я дура.

— Так и сказал?

— Да, сначала он говорил, что я дура. Потом, когда я проявляла настойчивость, он грубо отшил меня и назвал сукой. Запретил мне приближаться к нему ближе, чем на два метра, и обматерил.

— Но почему?

— Он считал, что я решила изменить Алану. Не поверил, что у нас свободные отношения. В его глазах я, возможно, действительно была ужасным человеком. Но дело было не только в этом. Он еще и назвал меня толстой уродиной. И тогда у меня открылись глаза.

— Нина, тебе не кажется, что ты идеализируешь всех своих возлюбленных?

— Ты прав. И я знаю это. Но как иначе? У меня в голове складывается образ, который мне мил. И когда я понимаю, что человек не соответствует этому образу, я разочаровываюсь.

— Почему же ты тогда не влюбляешься в настоящих людей?

— Потому что они все в миллион раз хуже Эдди.

Роберт не знал, что ответить. Ему было жаль, что Нина потеряла свою любовь и теперь не могла любить по-настоящему, но в то же время обидно, что и он сам не сможет сравниться с этим Эдди.

— Знаешь, у меня был брат, его тоже звали Карлом.

— К чему это ты?

— У него была шизофрения. Это незначительное совпадение, понимаю. Но вдруг это знак, что тебе нужна помощь настоящего психиатра?

— Я верю в знаки, но мне уже поздно к кому-либо обращаться. Единственное, что я готова делать, — общаться с тобой, вдруг ты сможешь хоть немного мне помочь.

— Я не психиатр. А тебе нужен врач.

— И что случилось с твоим братом?

— Он умер.

— Какое странное совпадение. Мой Карл тоже умер.

— Как это случилось?

— Прямо там, на Гоа. Он утонул, катаясь на водном мотоцикле. После этого случая я взяла себя в руки и похудела. Я была так зла на него, что не могла позволить себе оставаться такой. Несмотря на то, что у меня уже не было шанса показать ему, какой я стала.

— Нина, возможно, я лезу не в свое дело, но тебе никогда не приходило в голову, что ты винишь себя за все эти смерти? Это может сильно влиять на твою психику. Посмотри: Карл, Алан, Джо — они все умерли в разгаре ваших отношений. Неудивительно, что ты запуталась.

— В чем я запуталась?

— В жизни, Нина. Ты сделала неправильный выбор, убив Ника Кейва. Ты сорвалась.

— Пожалуй, ты прав. Давай обсудим это подробно в следующий раз.

— Обещаешь?

— Да.

Она принялась развязывать веревки. Роберт не сопротивлялся и сидел спокойно. После того как она закончила, он встал и обнял ее, вдохнув аромат ее волос. Ее лицо было так

близко, что он не мог не поцеловать ее. Нина начала неспешно расстегивать его рубашку. Он сделал ответный шаг, запустив руки под ее блузку. Он гладил ее спину, пока они целовались.

В тот вечер они переспали в последний раз. Роберт обещал себе, что больше не допустит этого, причем не из-за того, что это похоже на стокгольмский синдром, а потому что она может его разлюбить. Он помнил ее слова о том, что как только ей достается добыча, она теряет интерес. Секс был крайней мерой — зайти дальше было уже невозможно.

Нина оделась и поднялась по лестнице.

— Сегодня я оставлю тебе свет. Ты немного помог мне своими вопросами. Пожалуй, я действительно чувствую свою вину за их смерти. Я подумаю об этом и в следующий раз расскажу, какие сделала выводы.

Она уже приоткрыла дверь, чтобы выйти, но резко остановилась в проходе.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего, все в порядке. — Он видел, как она провела рукой по лицу, и у него похолодело внутри.

Она вышла.

***

Через пять минут Нина вернулась. Роберт подумал, что она что-то забыла в подвале. Она подошла к нему и приказала встать. А потом обняла его. Последнее, что он почувствовал, была адская боль в левой ноге. Потом он упал в обморок.

Когда он очнулся, она все еще стояла над ним.

— Ну давай, приходи в чувство! — она почти кричала. — Ты добился своего! Я не собиралась это делать. — Он услышал истерические нотки в ее голосе. Похоже было, что она готова заплакать.

Он посмотрел на свою правую ногу: в ней зиял кровавый круг. Его стошнило прямо на матрас. Странно, но боль не была такой сильной, как когда она прострелила ему левую. Похоже было, что мозг наконец-то начал работать на него, впрыснув ему природного обезболивающего.

— Зачем ты это сделала?

— А сам ты не понимаешь? — Она действительно заплакала. — Ты пытался сбежать!

— Неправда!

— А что за кровавые метки рядом с дверью? Почему от стены отколот кусок кирпича?

— Я не собирался бежать в ближайшее время.

— А когда?

— Не знаю. Послушай, сколько ты собралась держать меня тут? Я знаю, что выход отсюда один — смерть, — так что либо убей меня прямо сейчас, либо скажи мне, когда ты меня выпустишь. — Он сам не поверил в то, что сказал. Убей меня прямо сейчас — сколько лжи было в этих словах, он совсем не был готов умереть.

— Я не стану, — ответила она. — Ты будешь здесь столько, сколько я сочту нужным. А теперь повернись и сними штаны.

— Что?

— Делай. Я позаботилась о твоём сне, в отличие от тебя. — Она достала шприц с обезболивающим. — Теперь мне придется всю ночь думать, что с тобой делать.

Она сделала укол в его ягодицу и приказала одеться. Снова провела рукой по лицу, и оно сделалось каменным.

— Нина, не уходи, — взмолился он, потому что не понимал, чего еще от нее ожидать.

— Мне придется.

— Нет, настоящая Нина. Остайся. Сними эту маску.

— Поздно.

Она ушла.

На следующий день Нина принесла ему поесть и снова вколола обезболивающее.

— Прости, что я пытался сбежать.

— Ничего, все в порядке, — ответила она, прикладывая к его пятой точке ватку.

— Правда?

— Правда.

— Ты поцелуешь меня?

— Зачем?

— Потому что между нами что-то есть.

— А между нами что-то есть? Не говори глупостей. Все давно прошло.

Роберт гадал, что же произошло этой ночью и до чего она успела додуматься, какие выводы сделала.

— Ты не поделишься со мной своим мнением по тому вопросу?

— Какому?

— По поводу твоего чувства вины за смерть твоих любовников.

— Еще рано. Когда-нибудь поделюсь.

Она не поцеловала его, ни разу к нему не прикоснулась без надобности и держалась холодно.

— Нина, это ты?

Она смотрела на него как-то по-другому. Не было той искры в глазах, которую он мог бы назвать интересом к своей персоне.

— Я. Что тебя смущает?

— Ты сегодня какая-то другая.

— Знаешь, Роберт, я долго думала. Моя симпатия к тебе причиняет мне боль. Ты мне так нравился. Я думала, это взаимно, а оказалось, что ты просто пытался добиться моего расположения, чтобы сбежать.

— Это неправда. Ты мне очень нравишься.

— Сегодня ночью я поговорила с Эдди. И он помог мне сделать так, чтобы я больше не чувствовала к тебе ничего.

— Как это?

— Очень просто. Он уже так делал. Я больше тебя не люблю, Роберт. Я люблю только его.

Когда он доел, она взяла поднос, чтобы унести его.

— Сегодня не будет историй? — Он был удивлен.

— Нет. Может быть, завтра. Сегодня я не хочу тебя видеть, ты слишком подло поступил.

Она вернулась глубокой ночью, чтобы сделать ему перевязку, но не сказала ни слова, даже когда он попытался с ней заговорить.

— Настало время открыть тебе все. Наши отношения близятся к концу.

— Ты убьешь меня? — спросил он.

— Скорее всего.

Роберт поперхнулся завтраком.

— Ты отравила еду?

— Нет, я не вижу смысла тратить на тебя драгоценный диамфотоксин. Он пригодится мне в будущем. Когда я решу убить тебя, я воспользуюсь твоим пистолетом. Здесь в округе никто не живет. Предыдущие выстрелы не были никем замечены, значит, и выстрел в твою прекрасную голову никто не заметит.

— Так ты подумала над своим чувством вины?

— Да. Я чувствую вину, но не за то, что убила их.

У Роберта закружилась голова от ее слов. Его повело в сторону, и он чуть не упал со стула.

— Сиди спокойно. Тебя так удивили слова о том, что я их убила?

Он кивнул и перестал есть овсянку. Поставил поднос на пол.

— Помнишь моих букашек? Я не просто так рассказывала тебе о них. Ник Кейв был не первым и не последним.

— Так ты их всех?

— Да. Кроме Зака и Джо. Точнее, смерть Джо помогла мне кое-что понять. А именно то, что мне стало намного легче жить после его смерти. У меня сформировалась особенная модель поведения.

— Какая?

— Когда мне надоедает какой-то человек, я убиваю его. Разумеется, если у меня были к нему чувства. Это помогает мне не ощущать боли.

— Какой боли?

— Боли разочарования. Все из-за моего идеализма. Я возвышаю возлюбленного до небес, практически поклоняюсь ему. И убиваю, пока голова не успела проясниться. С тобой получилось немного поздно. Я уже разочаровалась в тебе. Но ты особенный случай, я раньше никого не похищала.

— Как ты убила Алана?

— Я добилась, чтобы он отправился в магазин за городом. По дорожному серпантину. И перед поездкой напоила его крепким чаем. Понимаешь?

— Теперь да. А Карл? Такая же схема?

— Да. Отравление непосредственно перед ответственным и опасным занятием. Большинство из них погибли в автомобильной аварии. Карл — счастливчик, море приняло его в свои объятия.

— Большинство? — Роберт не верил своим ушам.

— Роберт, ты видел тот альбом? Сколько, по-твоему, в нем было фотографий?

— Больше пятнадцати.

— Двадцать три, если быть точной. Я веду подсчет.

— Как все это сходило тебе с рук?

— Полагаю, ответ такой: в вашем отделении не было тебя. Уж ты-то смог бы найти связь между этими смертями.

Роберт не мог усидеть на месте, ему захотелось встать и ходить по подвалу, но больные ноги не позволяли ему даже подняться со стула. Она помогала ему сесть, чтобы позавтракать.

— Тебя уложить на матрас?

Он кивнул. Она подошла к нему, согнувшись, и подставила свою руку и плечи. Он использовал ее как опору, чтобы доковылять по горизонтальной поверхности, и тут же упал навзничь. Голова раскалывалась, ноги ужасно болели, но он все еще не мог поверить.

— Кто все они?

— Я их практически не знала. Они попались мне случайно, и мое воображение настолько разыгралось, что сумело построить идеальный образ по мелким кусочкам. Например, Билли — работник мастерской. Он чинил электронику. Как-то раз я обратилась к нему, чтобы он починил мои наушники. Ты не представляешь, какой это был искренний и свежий образ! Он просто мастер на все руки, такой сильный, харизматичный и умный! Он был так равнодушен к моей проблеме, что я сразу же влюбилась в него.

— И сразу же убила?

— Спустя три дня. Я пришла к нему еще раз, чтобы он починил мой ноутбук. И угостила его кофе. К несчастью, у него были проблемы с сердцем, он сам мне об этом рассказывал, поэтому никаких подозрений его смерть не вызвала. Диамфотоксин так действует — в итоге человек умирает от удушья. То же самое могло произойти и от сердечного приступа.

— Тебе не было жаль его?

— Конечно, было! Но, по крайней мере, я в нем не разочаровалась. И он меня не отвергнул.

— Это еще один твой страх? Быть отвергнутой?

— Да. Из-за этого умер Сэм, мой коллега. Он уже почти отверг меня, но я успела его убить и не разочаровалась. Он был весельчак. Его юмор был каким-то особенным — немного язвительным, но добрым. Он был самым добрым человеком на свете, если не считать этих шуток. Всегда готов помочь, профессионал в своем деле, к тому же довольно симпатичный и вежливый. Однажды он так посмотрел на меня, что я покраснела с ног до головы. Тогда это и началось. Я несколько раз пыталась прощупать почву, возможно, мне удалось бы получить от него хотя бы один поцелуй. Но в итоге я решила не рисковать, и он разбился на своем мерседесе, который получил в подарок от компании за десятилетний стаж работы.

— И никто ничего не заподозрил?

— Что ты, его так разворотило, что никому и в голову не пришло искать в организме яд. А еще был Рон. Он работал официантом в кафе «Ива», которое я часто посещаю. С ним все было. У него была такая бешеная харизма, что одного намека хватило, чтобы я ушла с ним в подсобку. Там мы страстно занялись любовью, а потом выпили кофе. Одного раза мне было достаточно, чтобы еще пару месяцев ходить окрыленной. И никаких проблем с отношениями. Он был прекрасен и навсегда таким остался в моей памяти.

— А остальные? Ты со всеми была достаточно хорошо знакома, чтобы отравить?

— Не со всеми. Были и такие, кого я видела изредка или впервые. Был один мужчина, который часто ездил со мной в одном автобусе. Мне пришлось устроиться в клининговое агентство, чтобы пробраться к месту его работы. Это же агентство, кстати, занимается

концертным залом, где выступал Кейв.

— Я догадался. И тебя не мучает совесть? Никогда?

— Совесть — это наименьшее из зол, которое мне остается в конце. Если бы я не делала этого, меня бы мучили боль, низкая самооценка и ужасная депрессия. Скорее всего, я бы покончила жизнь самоубийством.

— Ведь у этих мужчин были родственники, дети, родители, жены.

— Возможно. Но я решила выживать, и это единственный мой способ.

— Мне все-таки не верится, что ты могла повернуть все эти в одиночку.

— Я была не одна. Со мной всегда был Эдди.

— Он ненастоящий, Нина! — закричал Роберт.

— Ты не прав.

Она больше не желала с ним разговаривать. Роберту еще много о чем предстояло подумать, поэтому он не стал ее останавливать.

Роберт понимал, что ему оставалось мало времени. Стоило как можно скорее осуществить свой план побега, пока Нина не убила его. Это могло произойти когда угодно. Она не приходила к нему уже сутки, и он не мог чувствовать себя в безопасности.

В конечном итоге он решил действовать напрямую. Он приготовил лопату, дожидавшуюся его в дальнем углу помещения, и поставил ее рядом с дверью. Дальше дело оставалось за малым. Ему нужно было оборудовать свое место для наблюдений. Каждый шаг давался ему с дикой болью: он не чувствовал, что под ним его собственные ноги, — на их месте были огромные раны, которые мешали ему ходить, а не помогали. Он больше не воспринимал их как ноги вообще — это были два огромных препятствия, через которые нужно было переступить, а они снова вставали у него на пути.

Кровь была повсюду: на полу, на стенах, на лопате, на стуле, на матрасе. Он никогда не видел столько крови, особенно своей.

Наконец место было готово, и он сел в ожидании Нины. Он не был уверен, что сможет быстро подняться со стула и нанести удар, поэтому надеялся обнаружить ее появление заранее. Приложив ухо к двери, он слышал каждое ее передвижение по дому: как она мыла посуду, как смотрела телевизор, как убиралась, хотя большую часть времени там была тишина.

Он слышал, как она разговаривает с Эдди, и самым страшным было то, что ему казалось, будто Эдди ей отвечал. Ее не было так долго, что слуховые галлюцинации преследовали его постоянно. Один раз он слышал, как Нина подошла к двери подвала, но так и не открыла ее. Он приготовился к атаке, но ничего не происходило. Она тяжело дышала рядом с дверью, и это навевало на Роберта страх. Снова эта маска. Она снова не Нина.

Так он и уснул, сидя на стуле.

Он проснулся через несколько часов, коря себя за свою недисциплинированность. Она могла войти в любой момент, и кто знает, что бы она сделала, если бы увидела, что он замыслил.

Наконец он уловил легкую поступь и привстал со стула, схватив в руки лопату и сжав ее до боли. Засов тихо скрипнул и отодвинулся. Дверь приоткрылась, и из-за нее показалось дуло пистолета.

Он ждал. Нужно было, чтобы она зашла в помещение полностью. Только тогда он сможет огреть ее по голове и обездвижить.

— Роберт, я вижу, что тебя нет на месте.

Он молчал.

— Я не войду, пока ты не отойдешь от двери.

— И что тогда? — спросил он. — Ты ведь сразу же меня убьешь.

— Верно. А если ты не отойдешь, то я закрою эту дверь и буду ждать тебя снаружи. Интересно, сколько часов без еды и воды ты сможешь прожить? Сколько сил у тебя останется на то, чтобы открыть эту дверь? А за ней я буду ждать тебя, и случится все то же самое.

Роберту не оставалось ничего, кроме как начать действовать. Он резко потянул дверь в свою сторону. Нина, не успев отойти, влетела в комнату, все еще держа в одной руке оружие.

Он молниеносно отпрянул, увидев, что она целится в него. Она выстрелила, а он ударил. Выстрел пришелся в его рубашку, зацепив только кусочек кожи. Удар пришелся на ее ухо. По ее щеке потекла кровь.

Недолго думая, Роберт нанес еще один удар, выбив у нее из руки пистолет. На лице Нины отразилось удивление, но она среагировала быстро, схватив лопату за черенок с другой стороны.

— Ты не знаешь кое-чего об этом доме, — сказала она, и лопата щелкнула. — У меня все оборудовано современными инструментами. — Она отстегнула железную насадку, и в руках у Роберта остался один черенок.

Он выкинул его и пошел на Нину с кулаками. Завязалась борьба, они оба покатались с лестницы. Нина была действительно сильной, она с легкостью отражала его удары и наносила свои ему в живот. Один из ее пинков ногой пришелся ему в промежность, и он завопил от боли.

В конце концов ему удалось оседлать ее сверху и заблокировать ее руки, прижав их коленями. Она продолжала вырываться, и Роберт ударил ее в лицо. Из рассеченной губы тут же полилась кровь.

— Ты не можешь, — закричала она в гнев.

Он нанес еще один удар, и ее глаза заслезились. Скоро на их месте образуется огромный синяк.

Он бил ее в плечи и в лицо, пока она наконец не отключилась. Он проверил ее пульс и, убедившись, что она жива, принялся связывать ее веревками, которые лежали неподалеку. Он ощущал некоторую завершенность в своих действиях — теперь она попала в свои же сети. Веревки, когда-то связывавшие его, теперь делали ее саму заключенной.

Закончив с этим, он нашел свой пистолет, положил его в карман брюк и принялся карабкаться вверх по лестнице.

Часть 5. Дорога домой. Глава 1

Первое, что попало Роберту на глаза, — поднос с ужином, оставленный на пороге двери снаружи. Значит, сегодня Нина не собиралась его убивать. Или, может, она надеялась его отравить. Или просто хотела поужинать, после того как убьет его. Он с яростью пнул поднос и тут же взвыл от боли. Оказалось, что он все-таки чувствовал свои ноги, они действительно были его ногами, иначе не приносили бы столько страданий.

Миска супа и тарелка с макаронами полетели вниз по лестнице, разбившись по пути, остатки еды вместе с осколками упали рядом с обездвиженным телом Нины.

Он запер дверь подвала и поспешил обследовать дом, чтобы найти телефон и позвонить в участок. В доме ужасно воняло, он не хотел идти на запах, но ему необходимо было найти способ связи с внешним миром. Он обошел три комнаты, заглянул в ванную, но телефона там не оказалось. Должно быть, Нина звонила только по сотовому, и стационарного аппарата у нее в доме не было. Наконец он осмелился зайти в комнату, откуда исходило зловоние.

Он уже предчувствовал, что там найдет, и не ошибся. На диване, в глубине помещения, лежал ковер, в который было завернуто что-то очень похожее на человеческое тело. Он приблизился и толкнул сверток рукой. Внутри никто не пошевелился. Он не хотел трогать труп рукой, поэтому решил на некоторое святотатство. Он изо всех сил толкнул тело так, что оно свалилось с дивана на пол, и правой ногой (которая зажила чуть больше левой) принялся раскатывать ковер.

Трупом оказался детектив Кюмри. Его лицо выглядело так, будто он уснул, но ниже лица картина была безутешной: горло было рассечено до аорты, и засохшая кровь была повсюду — на его футболке, на руках, на ногах, и пара капелек на лбу.

Он был одет так, как будто пришел к Нине по-дружески, неофициально: на нем была белая футболка и потертые джинсы. Жаль, что Роберту удалось увидеть его вне работы только сейчас. Он был довольно приятным человеком. Еще больше ему было жаль, что Джеймс умер из-за него: если бы он тогда не подозвал его своим шумом в подвале, если бы не сообщил свое имя, возможно, детектив был бы жив.

Роберт еще раз обошел все комнаты, теперь уже в поисках сотового телефона, но ничего не нашел.

— Проклятье, — выругался он.

Выход был единственным: выйти на шоссе, поймать машину и добраться до своего участка. Рассказать им, что случилось, и надеяться, что Нина все еще здесь, будет ждать их прихода, без сознания и связанная. Он вышел на улицу и, хромя, побрел по территории дома на звук машин.

Он шел босиком, но не чувствовал, как трава и камни впивались в его ступни — после таких ранений это было не более чем щекотка. В целом он выглядел странно: на нем были рубашка с кровавым подтеком на правом боку и грязные брюки, все в пыли после борьбы с Ниной на полу подвала. С каждым шагом звук машин становился все ближе, но иногда он совсем пропадал, и Роберт не был уверен, что идет в правильном направлении.

Ему пришлось наугад выбрать несколько поворотов. На пути не попало ни одного дома и ни одной живой души. Это страшило Роберта: не хватало только потеряться в

незнакомом месте.

Наконец после грунтовой дороги он увидел полоску света, сияющую сквозь кроны деревьев. Это должно было быть либо шоссе, либо озеро. Мимо на полной скорости промчалась машина: он узнал этот родной спасительный звук и побежал. Он преодолел почти двести метров так, будто и не был ранен.

Выйдя на дорогу, он сел на землю и отдышался. Только теперь он почувствовал сладкий запах свободы. У него было время отдохнуть и прийти в себя — он слышал все, что творилось вокруг, — пение птиц, шум листвы, звук бензопилы, рассекающей ствол сосны — где-то очень далеко. Он представил себе, как Нина будет смотреть на него по ту сторону камеры. Размышлял над тем, будет ли он ходить к ней или нет. Ему виделось, что она станет для него новым Алексом, он снова будет пытаться разгадать природу убийства, только теперь с его сестрой. Захочет ли она с ним общаться после того, как он собственноручно посадит ее? Для него вопрос стоял не так. Будет ли он все еще интересен ей после того, как она заявила, что разлюбила его?

Он услышал звук приближающегося автомобиля, с трудом поднялся на ноги и вытянул вперед руку с поднятым вверх большим пальцем.

Машина даже не сбавила скорость, будто водитель и не видел его.

Так произошло и с двумя следующими. Четвертый водитель чуть замедлился, приготовился съезжать на обочину, и Роберт даже успел разглядеть его лицо, но он, видимо, заметил его окровавленные босые ноги и проехал мимо.

Следом шел автобус дальнего следования — огромный, белый, с кондиционером. Роберт не мог и надеяться, что эта махина примет его в таком виде, но автобус затормозил, и автоматическая дверь начала медленно открываться. Держась за поручень, практически повиснув на нем, он начал взбираться наверх, чтобы переговорить с водителем. Денег у него не было, и он надеялся проехать бесплатно.

— Здравствуйте, — поздоровался он, но в ответ не услышал ничего. — Я попал в беду, — уточнил он и посмотрел на свои ноги, призывая водителя сделать то же самое. — У меня нет денег, чтобы заплатить за проезд.

— Садись, — сказал водитель, не обратив никакого внимания на его вид.

Роберт, шатаясь, прошел в салон и приземлился на единственное свободное место рядом с молодым человеком в шортах и с огромными наушниками. Шансы, что этот мальчишка поможет ему, были практически нулевые.

Парень окинул Роберта оценивающим взглядом и отвернулся к окну. Роберт решил первым начать разговор.

— Меня зовут Роб. — Парень снял наушники и прислушался, как будто не верил, что сосед решил заговорить с ним. — Куда идет этот автобус?

— В город, — ответил он равнодушно.

— Отлично. Вас, наверное, смущает мой вид.

— Нисколько.

— На самом деле история, в которую я попал, стоит целого фильма. — Парень продолжал молчать. — Меня похитила одна очень неуравновешенная женщина. Я только недавно узнал, сколько человек она убила. Знаете, сколько?

— Нет.

— Двадцать три. Она и меня собиралась убить. Прострелила мне обе ноги, чтобы я не сбежал. Но я все равно сбежал.

— Понятно.

— Я полицейский. Она убила моего напарника. Сначала покрутила с ним, потом убила. Перерезала горло, как барану. Я нашел его в ее доме, когда уходил оттуда.

— Ясно.

— У меня до сих пор кровоточит одна нога, не знаю, как я доберусь до участка, но я намерен ее посадить. Упеку за решетку как убийцу, даже не стану добиваться сокращения срока. И не стану бороться за признание ее недееспособной. Хотя, может быть, она таковой и является. Я уже ничего не знаю. Может ли человек, адекватный человек, особенно женщина, совершить столько преступлений? А может, подобные люди как раз и надеются на то, что их отправят в психушку вместо тюрьмы, потому что здоровый человек не мог бы совершить такое?

Парень приподнялся в кресле и жестом попросил Роберта выпустить его.

— О, ваша остановка. Извините, отпускаю.

Роберт схватился за соседние сиденья, чтобы не упасть, и неловко встал в проходе, пропуская соседа. Он еще некоторое время так стоял, провожая парня взглядом. Тот прошел в начало салона и встал рядом с водителем. Роберт сел рядом с проходом и продолжал наблюдать за ним. Ему стало грустно, когда он понял, что никакой остановки и не предвидится, а его собеседник просто не захотел сидеть рядом. Он подвинулся к окну и принялся размышлять о том, что ему предстоит сделать дальше.

Роберт вышел на остановке рядом с центральной улицей и пошел по направлению к участку. Его босые ноги стали предметом изумления для всех прохожих, однако никто из них не подошел к нему и не спросил, что случилось. Никто не предложил помощь.

Пара машин приветственно просигналили ему, когда он переходил дорогу, а один бездомный крикнул «Эй, Иисус!» Только сейчас Роберт понял, что его ранения и вправду похожи на стигматы. Не хватало только, чтобы Нина вернулась и прострелила ему остальные части тела. Однако сейчас главной задачей было добраться до участка и отправить в ее дом патрульную машину, чтобы арестовать ее, пока она не пришла в сознание и не попыталась бежать. Кто знает, сколько у нее еще тайных загородных домов, — похоже, что биоинформатикам платят достойно.

Спустя полчаса мучений, которые доставляла ему ходьба, Роберт был на месте. Он уже предвкушал, с каким упоением коллеги будут слушать его историю, пусть ему и придется расстроить их смертью Кюмри. Он дернул дверь, но она оказалась закрыта. Тогда он позвонил в домофонный звонок и стал ждать. Никто не пришел на его зов. Он позвонил еще раз, а потом еще раз десять. Это было бесполезно: похоже, что в участке никого не было.

Роберт попытался вспомнить, какой сейчас день. В середине каждого месяца они всем отделом ходили обедать в китайскую забегаловку, которая находилась за два квартала отсюда. Если бы только Нина не отобрала у него сотовый! Ему и в голову не пришло поискать его в доме, так ему хотелось поскорее убраться оттуда.

Бежать в «Китайские новости» не было смысла — во-первых, это далеко, во-вторых, его бы туда не пустили в таком виде, пусть это и не ресторан, в-третьих, ему нужно поскорее добраться до больницы. Но сначала он должен был позвонить.

Роберт попытался остановить несколько людей на улице, чтобы попросить телефон, но никто не желал ему помочь. Как только вся эта история закончится, он будет думать о переезде, потому что он никогда не сможет забыть этого равнодушия, которое исходило от каждого жителя.

Одна девочка, проходившая мимо, показала на него пальцем и спросила маму:

— Почему этот дядя в крови?

На что мама ответила:

— Наверное, он бездомный. Опять упился до полусмерти, потерял башмаки и поранил ноги.

Роберт, уже успевший отчаяться, крикнул им вслед: «Неправда, я не такой!»

Большинство же людей просто отворачивались, делали вид, что не видят его, а то и пугались, как от прокаженного.

Больше ему ничего не оставалось, как пойти к себе домой, набрать номер толстого Джона, рассказать ему, что случилось, а потом из дома вызвать скорую.

Он попытался вызвать такси, но ни одна машина не остановилась.

Ему казалось, что когда он придет домой, ноги можно будет отрезать и выкинуть. Но жажда достигнуть цели не позволяла ему остановиться.

Пошарив по карманам, он вспомнил, что на нем надеты не его брюки, а тряпье, которое принесла ему Нина. Поэтому ключей там не было. Нужно было что-то делать, и он, недолго думая, принялся искать на газоне подходящий предмет. Им оказался увесистый булыжник, и Роберт с силой ударил им в стеклянную вставку на двери. Раздался грохот, и на противоположной стороне улицы показался сосед, старый Билл. Роберт помахал ему рукой и, не желая объясняться, крикнул: «Потерял ключ!», на что сосед молча кивнул и зашел обратно в свой дом. Роберт осторожно отковырял торчащие осколки и просунул руку в образовавшуюся дыру. Нащупал ручку двери с замком на ней и повернул. Дверь поддалась, и он вошел.

Первое, что необходимо было сделать, — позвонить. Он бросился к стационарному телефону и понял, что без сотового он совершенно бесполезен. Тогда он позвонил в справочную. Пока шли гудки, он ощущал себя пришельцем из восьмидесятых.

— Добрый день, чем я могу вам помочь? — спросила девушка с приятным голосом на том конце провода.

— Здравствуйте, мне нужен номер телефона Джона... — Он замешкался, прикидывая, чем может помочь ему Джон, если, например, он окажется не на службе. Проще было позвонить в участок, где настроена переадресация вызова на ближайшего дежурного.

— Алло, вы меня слышите? — повторила девушка.

— Да, соедините меня, пожалуйста, с полицейским участком. — Внезапно Роберту послышались шаги у себя за спиной, и сердце екнуло.

— Назовите, пожалуйста, номер участка, — попросила она.

— Номер сто восемьдесят три, дом девятнадцать по главной улице, — ответил Роберт и оглянулся.

— Соединяю.

Послышались длинные гудки. Роберту пришлось переждать порядка пятнадцати гудков, прежде чем робот сказал: «Производится переадресация вызова», что-то щелкнуло, и гудки стали другими, более глухими и медленными. На том конце кто-то поднял трубку, и Роберт почувствовал укол, как будто его в шею укусила пчела. Он рефлекторно поднял руку, чтобы прихлопнуть насекомое, но вместо пчелы почувствовал другую руку — теплую, женскую.

— Алло, — раздался мужской голос в трубке. — Алло?

Но Роберт уже уснул.

Часть 6. Конец всему. Глава 1

Роберт проснулся от собственного стога. Он резко открыл глаза и огляделся. Он сидел на собственном диване — Нина не стала его больше связывать. Она устроилась на стуле напротив, направив на него его же пистолет.

— Ты убьешь меня этими уколами, — простонал он.

— Не переживай, ты и так скоро умрешь, — ответила Нина.

— Почему ты не связала меня, как обычно?

— А какой в этом смысл? Я не собираюсь уходить отсюда или снимать тебя с прицела, пока ты жив.

Вокруг было темно — солнце скрылось за более высокими домами, и теперь тень полностью поглотила окна. Он тяжело дышал, он не знал, что было в том шприце, но явно такая же штука, как и тогда, в ее доме. Она усиливала сердцебиение и повышала давление. В висках стучало, как будто он случайно уснул на закате. Мама всегда говорила, что спать на закате нельзя, иначе потом будет болеть голова.

— Ты меня убьешь? — спросил он, хотя и так знал ответ.

— Да, но сначала я могу ответить на твои вопросы. Чтобы твоя смерть не казалась тебе напрасной. Ты многое пережил, и заслуживаешь правды.

Нина выглядела ужасно, Роберт сам для этого постарался: оба глаза заплыли, вокруг одного из них образовался темно-лиловый синяк. Под носом и губой были следы крови. Голые руки были тоже в синяках. Сама она выглядела какой-то пыльной: видимо, спешила сюда сразу же после схватки с ним, как и сам Роберт.

— Как ты успела здесь оказаться?

— Вспомни, я ведь вожу машину, — ответила она. — А тебе пришлось добираться на своих двух, к тому же неполноценных, ногах. Я жду тебя тут уже битый час. Мы с Эдди ждем.

Роберт понял, что не считал время, пока ехал в автобусе, шел пешком до участка, а потом до дома. На самом деле прошло около двух-трех часов. Она действительно должна была оказаться здесь быстрее.

— Так у тебя будут вопросы? Или сразу убить тебя? — Она зарядила пистолет.

— Да, да. Дай подумать. Как тебе вообще пришло в голову похитить меня?

— Скажи спасибо Эдди. Я думала убить тебя сразу же после той нашей встречи около концертного зала. Ты мне понравился достаточно, чтобы я этого хотела. Но Эдди посоветовал мне переждать и посмотреть, куда заведет тебя расследование.

— Почему же ты не убила меня, когда я узнал про Ника Кейва? Тогда, когда я приехал к тебе прямо из аэропорта.

— Понимаешь, я тогда еще не получила от тебя всего, что хотела. Мне нужно было твое внимание, твоя ласка. Я убиваю только тогда, когда совсем нет шансов, что мужчина меня полюбит, или когда наша влюбленность уже совсем закончилась. А наша с тобой история в тот момент только начиналась. Это здорово мне помогло. Благодаря тебе я разобралась со своим делом, которое вы с детективом Кюмри на меня завели. Я чувствовала себя прекрасно, моя голова работала как часовой механизм, и настроение было на высоте. Все из-за тебя. Ты мне очень нравился.

— А как ты себя чувствуешь сейчас, когда разлюбила меня?

— Очень плохо, Роберт. Просто ужасно. Особенно после того, как ты разрисовал мне все лицо. Я буквально ненавижу тебя. Ты напал на женщину.

— На женщину, которая убила двадцать три человека.

— Верно, но я все равно слабый пол. Хотя ненависть не так уж плоха. Это, по крайней мере, хоть какая-то эмоция. Вот когда придет равнодушие, тогда тебя, считай, уже нет. И меня нет.

— То есть мне всего-то нужно злить тебя побольше?

— Не стоит, в порыве гнева я могу нажать на курок.

— Мне кажется, мы довольно многое вместе пережили. Почему бы нам с тобой не попробовать все сначала?

— Бесполезно. Невозможно войти в одну реку дважды. Ты не сможешь вернуть тот момент, когда понравился мне, он упущен. Он теперь есть только в моей памяти, да и то смазано.

— Но ведь у нас все было хорошо. Мы несколько раз занимались любовью. Я старался помочь тебе с твоими комплексами, пытался сделать так, чтобы ты перестала чувствовать себя виноватой.

— Ты думаешь, что я чувствую себя виноватой? Ха!

— А это не так?

— Конечно, нет. Перестань оценивать все со своей позиции. Посмотри на мир моими глазами. Ведь это ты и пытался сделать, когда ходил к Алексу? Смотреть на мир глазами убийцы.

— Да. Он был такой же, как ты. Пытался доказать мне, что он нормальный. Зачем ты его убила?

— Он опорочил честь нашей семьи. О нем слишком много говорили в новостях и газетах. Если он попался, значит, должен был умереть. К тому же он слишком много знал и мог рассказать тебе. Например, о своей сестре, которая в детстве боролась со своими неадекватными склонностями. Или об отце, которого мама упрятала в психушку. Ты мог бы решить, что у нас это семейное. К тому же, если бы об этом узнала пресса, то мне бы не было покоя. Я стала бы публичной личностью, а мне это совсем не нужно.

— Что значит опорочил честь?

— Он сделал абсолютную глупость. Взорвать тех людей — верный знак отсутствия у него мозгов. Это похоже на детский максимализм. Он решил кому-то что-то доказать. Зачем мне такой брат? Тем более что я не виделась с ним больше двадцати лет. Он мне никто.

— Ты чудовище.

— Теперь ты не хочешь сказать мне, что я запуталась?

— Нет.

— Верно. Я делала все это сознательно, я хотела этого и все еще хочу. Я планирую продолжать это все, пока меня не поймают. Есть еще вопросы?

— Да. Что тебе сделал детектив Кюмри?

— Честно говоря, мне и самой его очень жаль. Прекраснейший человек, симпатичный, умный, спокойный. Беда в том, что он оказался не в то время и не в том месте. Мы с ним переспали однажды — это было все, что мне нужно. Потом моя симпатия пошла на спад, и я размышляла над тем, стоит его убивать или нет. Но Эдди отговорил меня, и я согласилась. У меня тогда была забота покрупнее — держать тебя на привязи.

— Эдди неплохо на тебя влияет, да?

— Да, он очень добрый. Так вот, Джеймс пришел ко мне совершенно неожиданно. Он нашел мой дом в справочнике. Я не ожидала его визита и была не подготовлена. Стоило позаботиться заранее о том, чтобы ты не подавал признаков жизни. Но ты подал. И он заинтересовался.

— И тогда ты его убила?

— Я пыталась спасти его. Он, если задуматься, умер из-за тебя. Пусть тебя теперь мучает совесть, не одной ведь мне страдать. Я включила музыку погромче, чтобы он тебя не слышал. Но он все равно вышел, сказал, что ему нужно в туалет. Я проследила за ним и поняла, что он пошел к тебе. Там я его и взяла. Это было ужасно.

— Почему?

— Это первое убийство, которое я совершила голыми руками. Знаешь, мне теперь не страшно стрелять в тебя. Тогда было столько крови. Я никогда не видела столько крови. Он умирал почти три минуты, мне пришлось оттащить его в ванную, где был кафельный пол, чтобы потом убрать следы. Его рана на горле была, как фонтан.

— Избавь меня от этих подробностей.

— Да, и меня снова вырвало, как тогда, когда ты рассказывал про отрезанную голову Ника Кейва.

— Значит, остальные убийства не вызывали у тебя таких эмоций?

— Нет, ведь я их не видела. Я узнавала о смерти уже после. И никогда не видела трупов. Этим и хорош диамфотоксин. Отложенная смерть.

Роберт молчал. Он был шокирован рассказом Нины.

— Ну что, ты готов? — спросила она.

— К чему?

— Умереть.

— Нет, еще один вопрос. Что ты будешь делать после того, как убьешь меня?

— Уеду отсюда и продолжу свою жизнь.

— Продолжишь убивать?

— Как получится.

— Нина, сюда уже едет патруль, я вызвал его по телефону.

— Не ври мне. Я слышала полностью твой разговор. Ты не успел никого вызвать.

— Кюмри скоро начнут искать. Ведь наверняка о том, что у вас были отношения, знает кто-то из участка?

— Может быть.

— Тебя все равно посадят. Если ты сейчас меня отпустишь, то я буду добиваться признания тебя недееспособной. Я клянусь тебе, я буду тебя защищать.

— А я похожа на недееспособную?

— Нет.

— Я об этом и говорю, Роберт. Я знаю, о чем вы беседовали с Алексом. Ты все время пытаешься кого-то спасти, но проблема в том, что мы в твоём спасении не нуждаемся. Мы знаем, что сделали, и сделали это обдуманно.

— Тебя тошнит от вида крови. Это не ты, я даже уверен, что у тебя есть какая-то личность, которая делает все это.

— Почему ты считаешь, что маньяки — больные люди?

— Потому что убивать — против природы человека.

— Неправда, это борьба за выживание. У меня свой способ выжить в этом мире. Если я не буду убивать, то я буду постоянно находиться в депрессии и, в конце концов, умру. А я хочу жить, вот и все. Разве это плохое желание?

— Плохое, если оно доставляет страдания другим людям.

— Они не страдали. Они умерли быстро.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, как действует этот яд. Я ведь биолог, в конце концов.

— Как ты достала его?

— В Ботсване. Я не говорила тебе, что сама пыталась отравиться им, когда Эдди умер? Но я выжила, и это был знак. Я увезла с собой кусок ботсванской земли вместе с личинками и начала разводить их в террариуме. А потом дело оставалось за малым — время от времени иметь доступ к лаборатории (который у меня и так был), и синтезировать диамфотоксин. Я умею это делать.

— Ты очень умная.

Пока они разговаривали, Роберт пытался найти способ обезоружить Нину.

— Ах, это же лесть. Она ничего не изменит, дорогой. Куда ты все время смотришь?

— Никуда.

Боковым зрением он заметил на диване пульт от телевизора. Оставалось незаметно до него дотянуться. Обычно он смотрел телевизор утром, пока собирался на работу, и намеренно включал его погромче, чтобы новости было слышно из ванной.

— Мне нравится твой дом, — сказала она, — напоминает мой, только без подвала. Жаль, что тебе осталось так мало времени в нем жить.

— Можно я буду к тебе спиной, когда ты меня убьешь?

— Пожалуйста, хотя мне бы этого не хотелось. Ты ведь доблестный полицейский.

— Я боюсь.

— Понимаю, — сказала она с сочувствием. — Тогда настало время повернуться.

Роберт поерзал на диване и начал поворачиваться, намеренно захватывая телом как можно больше плоскости дивана. Он достал до пульта ногой и нажал красную кнопку включения.

Заорал телевизор. Для Нины это было неожиданностью, она испугалась и повернулась в сторону экрана. Роберт воспользовался этой возможностью, вскочил и выбил пистолет из ее рук.

Она тут же рванула за ним, но Роберт ее опередил, изо всех сил ударив кулаком по ее голове с красивыми черными кудрями. Нина потеряла равновесие и закричала: «Эдди, помоги!»

То, что произошло в следующую секунду, поразило Роберта так, что он застыл на месте. Он не мог поверить своим глазам: стоял как вкопанный с пистолетом в руке и таращился на дверь. Там, в проходе, стоял красивый мужчина, высокий, со светлыми волосами и испуганным взглядом. На мгновение ему показалось, что он сошел с ума.

— Нина, — только и смог он сказать. — Ты же знаешь, что Эдди...

Эдди покачал головой и замахал руками, умоляя его ничего не говорить.

— Что?

— Ненастоящий. — Это все, что он успел промолвить, прежде чем Нина бросилась к нему.

Между ними завязалась драка, Роберт сжимал в руке пистолет и пытался ногами

отбиться от Нины. Нина отступила, встала и выдохнула. Она сделала свой коронный жест с надеванием маски и приготовилась снова атаковать. Эдди огромным прыжком оказался перед ней, защищая свою возлюбленную. Роберт выстрелил.

На ковре лежали три тела.

Роберт повалился на пол, как только понял, что схватка окончена. Он был совершенно без сил. Ног он уже не чувствовал. Он не мог понять свои эмоции — расстроен он или рад. Он был уверен, что теперь с двумя его преследователями было кончено, и наблюдал за их смертью. Было в этом что-то фатальное и грустное.

Эдди, которого Роберт ранил в живот, медленно подползал к Нине. Ее, похоже, было уже не спасти. Роберт не хотел этого, но из-за того, что Эдди вмешался, выстрел пришелся прямо в сердце, и теперь оставались считанные секунды, чтобы влюбленные попрощались.

Эдди смотрел ей в глаза и гладил волосы. Она издавала какие-то нечеловеческие звуки — всхлипы, смешанные с бульканьем крови во рту.

— Я люблю тебя. — Первая реплика Нины, которую Роберту удалось расслышать.

— Не уходи. — По лицу Эдди текли слезы.

— Ты... пойдешь... за мной?

— Да.

— Не опаздывай.

Это были ее последние слова. Она умерла. Эдди прикрыл ее веки и лег на живот. Роберт понял, что ранение было сквозным, и заметил, что сзади радиус кровавого круга на футболке Эдди все увеличивается. Шансы на то, что Эдди выживет, были очень невысоки. Роберт был не в силах встать, поэтому пополз в направлении телефона. Все еще сидя на полу, он снял трубку и позвонил 911. Назвал свой адрес и количество пострадавших — один ранен и двое мертвы. Он надеялся, что Эдди жив и все ему расскажет, но в то же время хотел, чтобы они умерли вдвоем. Тогда Нине было бы не так грустно там, наверху.

Часть 7. Эдди. Глава 1

Роберт очнулся в светлой просторной палате. Ноги его были обмотаны бинтами, а голова мягко тонула в пышной подушке. Он огляделся: рядом сустились врачи, его соседу явно было не так приятно лежать в этом белом великолепии, как ему. Он никак не мог разглядеть, кто лежал на соседней койке, пока врачи не расступились. Сосед долго стонал, завывал, а потом резко успокоился — вероятно, ему сделали укол обезболивающего или снотворного.

Только тогда он смог увидеть, что рядом с ним был Эдди. Он внезапно обнаружил, что очень рад такому соседству: когда Эдди очнется, он сможет расспросить его обо всем.

Поскольку сосед был без сознания и говорить с ним было бесполезно, Роберт решил прогуляться. Рядом с его кроватью предусмотрительно стояли костыли, и он, поднявшись на ноги, понял, для чего они были ему нужны: ноги болели так, как будто в ходе операции все огнестрельные раны вскрывали и копошились там.

С огромным трудом он дошел до стойки ресепшена и попросил позвать ему врача.

Врачом оказался полный мужчина лет тридцати, который то и дело причмокивал во время разговора. Роберта это так раздражало, что он не стал допытываться о деталях своей операции, лишь бы поскорее избавиться от этого противного звука.

— А что с моим соседом по палате? — спросил он доктора в конце.

— У него огнестрельное в живот, очень плохое состояние.

— Он выживет?

— Мы сделали ему операцию и ожидаем донора для пересадки почки. Если донор откажется, то, скорее всего, этот пациент умрет.

— Как он может отказаться?

Доктор задумался, как будто не был уверен в том, что ответить, но в конце концов решился.

— Послушайте, у вас там что-то произошло, ведь так? Вас доставили вместе с этим молодым человеком. Третья — женщина — скончалась на месте. Скоро к вам придут из полиции за допросом. Как только второй пациент очнется. Думаю, вы сами должны знать, почему донор может отказаться спасти его.

— Но ведь это врачебная тайна?

— Тайна или нет, а о вчерашнем происшествии уже всю трубят по новостям. У нас в городе не так часто встречаются пациенты с огнестрельным. Думаю, донор мог догадаться, для кого и зачем понадобилась его почка.

— А насколько подробно об этом говорили по телевизору?

— Достаточно подробно. — Он посмотрел на часы. — Сейчас без пяти минут три. Возвращайтесь в палату, вы как раз успеаете на трехчасовой выпуск новостей.

Роберт пошел обратно по коридору, надеясь, что успеет доковылять на своих четверых.

Эдди все еще спал. Он зашел и включил телевизор.

Первым же выпуском была новость о перестрелке в доме полицейского Роберта Пэла на Нижней улице. Симпатичная дикторша сказала, что полиции пока неизвестно, кто эти двое — скончавшаяся женщина и раненный в живот мужчина — и какая история связывает их с полицейским. Может быть, это любовный треугольник?

— Да, давайте, больше желтых новостей, — сказал Роберт вслух и выключил телевизор. Он лег в постель и проспал до самого вечера.

Глава 2

В дверь постучали. Он пригласил войти, и на пороге показался толстый Джон. Роберт так обрадовался знакомому лицу, что резко вскочил на кровати, и у него тут же заныла спина.

— Не надо так резко, дружище, — сказал Джон, входя и закрывая за собой дверь. — Как ты?

— Как видишь, полный отстой, — ответил Роберт, сдернув одеяло с ног. Джон пристально рассмотрел забинтованные ступни с видом знающего человека.

— Рассказывай, — попросил он, садясь на край кровати.

— Кюмри мертв, — начал Роберт, — эта сумасшедшая похитила меня.

— Так, значит, это она отравила воду в бутылке?

— Да, это она. И пока она держала меня в подвале, Кюмри крутил с ней шуры-муры.

— Вот это да. Значит, ты и не в отпуске был?

— Я решил не ехать в последний момент, уже в аэропорту. И дернул меня черт поехать сразу же к ней.

— Как она смогла держать тебя там так долго?

— Ну, во-первых, она прострелила мне ноги, как видишь.

— Вот это монстр тебе попался. А ты тоже с ней спал?

— Давай без этого. Во-вторых, она все время запирала дверь и держала меня в темноте.

В таких условиях выбраться практически невозможно.

— А как же тебе удалось?

— Я в итоге оказался сильнее.

— А это кто? — спросил Джон, показывая на Эдди.

— Это — несуществующий помощник. Любовь всей ее жизни. Она думала, что он ненастоящий.

— Вот дела. Как это?

— Думала, что он — призрак. Я и сам его увидел только вчера. Я столько о нем слышал от нее, что мне показалось, что я схожу с ума. Думал, это ее глюки.

— Нам надо бы допросить его.

— Послушай, Джон. Что, если это сделаю я? У меня же все еще есть значок.

— Ты на больничном.

— Ну и что. Я лучше знаю эту историю и смогу задать правильные вопросы.

— Как хочешь. Я скажу нашим, чтобы они назначили тебя. Но я бы на твоём месте поостерегся. Все-таки ты убил его бабу.

— Она не баба.

— Это все из-за того, что ты с ней спал! — Джон рассмеялся. Роберт хмуро посмотрел на него.

— Ладно, как знаешь.

Они еще немного пообщались, Джон рассказал Роберту о том, что происходило в отделе за время его отсутствия, а Роберт — детали своего заточения. Джон ушел спустя час, и Роберт принялся ждать пробуждения своего соседа.

Там, на Эвересте, у меня случился приступ кислородного голодания, я потерял сознание, и я действительно умер. Я видел все это: белый коридор, свет в конце него и Нину. Я понял, что должен быть с ней всю жизнь, чего бы мне это ни стоило. Правда, я только позже узнал, чего мне это будет стоить.

Меня спустили на носилках в деревню, и какие-то добрые местные жители взяли меня к себе. Оказалось, что это была кома, а не смерть. Они выхаживали меня несколько месяцев, я потерял связь с близкими и вообще с реальным миром. Моя группа про меня забыла и, похоже, объявила мертвым. Мое имя появилось на доске со списком погибших. Я помню, как вернулся туда, к подножию, и прочитал свою фамилию. Мне не верилось. Для всего мира меня не существовало. Прошло полтора года.

Я вновь появился в ее жизни так поздно, что она не поверила в то, что я настоящий. Я понял, что все это время она общалась со мной, точнее, делала вид, что общается. На самом деле она разговаривала сама с собой. Кто знает, может, если бы меня не было рядом, она бы совсем сошла с ума. Какое-то время я пытался убедить ее, что я жив, но она мне не верила. Все, что мне оставалось, — просто быть с ней, не переубеждая ее ни в чем.

Я не стал возвращаться к родителям. Поначалу я думал, что сделаю это позже, когда повидая Нину, но я не смог. Когда все это началось, эти приступы Нины, ее влюбленности и убийства, я уже не мог вернуться. Родители смирились с потерей, и мне не хотелось, чтобы они увидели во мне или в ней монстра. Мне пришлось остаться с ней навсегда, исчезнув для всего мира.

Я снял квартиру, стена которой соседствовала с ее. Во время одного из ее отпусков в загородном доме, когда ее не было две недели, я нанял строителей, убедил их, что я — владелец обеих квартир, и попросил их сделать дверь в этой самой стене. Дверь была потайной — так я проникал к ней в квартиру, когда она меня звала. Она думала, что я прихожу из ниоткуда. Все остальное время я проводил у себя и был затворником. Я изучил программирование и нанялся на удаленную работу. Меня не оформляли официально, так что мой паспорт никто не видел. Я получал достаточно денег, чтобы заказывать еду с доставкой прямо домой.

Когда она начала встречаться с Джо, я ужасно ревновал. Мне хотелось убить его, особенно потом, когда Нина в нем разочаровалась. Но все случилось само собой. Я понимал, что у нее на этой почве может случиться нервный срыв, и он случился. Только я его не распознал. Я и не догадывался, что творилось в ее голове, пока она не убила в первый раз. Этот ее жест — с надеванием маски — пугал меня до чертиков. Она становилась совсем другой. Я понял, что не могу ее вот так оставить. Я так сильно ее любил, что не мог позволить, чтобы с ней случилась беда.

Поэтому я начал ей помогать. Мы действовали вдвоем: вместе составляли план, обсуждали его, и потом она приступала к его осуществлению.

Иногда я выходил на люди вместе с ней, и меня видели. Главным было — не попадаться на глаза ее знакомым, иначе меня могли опознать. Прохожие видели нас как обычную пару, и никто не задавал вопросов. Мы часто ездили в ее загородный дом и отдыхали там, это было лучшим временем в моей жизни — все то время, что я проводил с ней.

Я так любил ее — и до сих пор люблю, — что был готов на все ради ее счастья. Со временем я переставал ее ревновать — к тому же я знал, что ее отношения — любые отношения — не продлятся слишком долго. Иногда, если какой-то из ее объектов восхищения казался мне слишком привлекательным (с ее слов, я никогда не видел их вживую) или я думал, что она слишком увлеклась, я сам склонял ее к убийству, и она прислушивалась ко мне.

Хотя я отговаривал ее от убийства Ника Кейва. Ведь убийство публичной персоны могло привлечь к нам слишком много внимания. И привлекло.

Я был там, когда ты сидел в подвале. Ты слышал мои шаги и мой голос. И это не было галлюцинацией.

Я все еще люблю ее, несмотря ни на что. Мы прожили вместе больше двадцати лет и могли прожить еще сто.

Рассказ Эдди прервался, когда мониторы, к которым были подсоединены его аппараты, запищали.

Палата тут же наполнилась врачами — все кружили вокруг него, но писк продолжался. Он был таким истошным и неумолкаемым, как будто звал кого-то.

Эдди повезли в реанимацию: там он и умер, не успев дорассказать Роберту свою историю.

Роберта выписали на следующий день. Несмотря на все его злоключения, у него на душе было спокойно и тихо: он совсем не злился ни на Нину, ни на Эдди и был рад, что они наконец-то воссоединились. Только такой конец истории казался ему логичным и счастливым.

Больше книг на сайте - Knigoed.net